

Историческая библиотека

А. МОРОЗОВА

ВЕЛИКИЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Людмила Морозова

**Великие и неизвестные
женщины Древней Руси**

«Издательство АСТ»

2009

Морозова Л. Е.

Великие и неизвестные женщины Древней Руси /
Л. Е. Морозова — «Издательство АСТ», 2009

Княгиня Ольга-Елена, полоцкая княжна Рогнеда Рогволодовна, византийские принцессы Анна Романовна и Мария Константиновна, немецкая принцесса Ода, монахиня Анна-Янк, императрица Евпраксия-Адельхайда, шведская принцесса Христина, новгородка Любава Дмитриевна... Жизнь этих и многих других выдающихся знатных женщин X—XIII вв. оказала серьезное влияние на формирование и развитие Древнерусского государства в целом. Они также способствовали расширению международных контактов, восприятию на русской почве лучших образцов мировой культуры, в том числе архитектуры, живописи, письменности и прикладного искусства. Имена некоторых из них хорошо известны, другие остались на страницах летописей и почти забыты. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Морозова Л. Е., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Предисловие	5
Обзор источников	10
Отечественные памятники	10
Зарубежные источники	15
Глава 1. Женщины древнейшего периода	17
Княгиня Ольга-Елена	18
Глава 2. Две жены великого князя Владимира I	69
Полоцкая княжна Рогнеда Рогволодовна	70
Византийская принцесса Анна Романовна	84
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Л. Е. Морозова

Великие и неизвестные женщины Древней Руси

Предисловие

Тема данной книги теснейшим образом связана с вопросом о роли женщин в становлении и развитии русской государственности и культуры. Внимание исследователей она привлекла сравнительно недавно, хотя еще в начале XIX в. знаменитый историк Н. М. Карамзин отмечал ее важность и актуальность. Создавая фундаментальный труд по истории государства Российского, он обнаружил в летописях, хронографах, сказаниях и повестях целый ряд сведений о женщинах, оставивших заметный след в своей эпохе. Самого ученого заинтересовала яркая личность новгородской боярыни Марфы Борецкой, поэтому он посвятил ей литературное произведение «Марфа Посадница», основанное на исторических источниках. Своим последователям историк оставил такой наказ: «Написать галерею портретов россиянок, знаменитых в истории или достойных сей участи».¹

---

¹ Карамзин Н. М. Известие о Марфе-Посаднице // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 12. С. 294–302.

Древнерусское государство X в. Схема

Другой известный историк XIX в. С. М. Соловьев сделал вывод о том, что «в эпоху Средневековья женщины высших слоев общества принимали активное участие в политической жизни княжеств и земель». Они имели собственное имущество, в том числе и целые города, подчинявшуюся им дружину, сами выбирали женихов, участвовали в публичных пирах, а по грамотности и образованности даже превосходили своих мужей.²

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. Т. 3–4. С. 23, 71, 232–238.

Данное мнение полностью разделял еще один дореволюционный историк Н. М. Костомаров. Он даже полагал, что в X—XV вв. новгородские и псковские женщины обладали равными имущественными и политическими правами с мужчинами. Поэтому они были такими же активными членами древнерусского общества, как и их мужья. Этот вывод он доказывал в двухтомном исследовании.³

Вдохновленный известными историками писатель Д. Л. Мордовцев написал несколько книг, посвященных знаменитым россиянкам. Правда, в них художественный вымысел преобладает над исторической правдой.⁴

Если в дореволюционной историографии изредка появлялись книги, посвященные древнерусским женщинам (княгине Ольге, женам Ивана Грозного),⁵ то в советское время данная тема долгое время не разрабатывалась. Ведь писать следовало тогда только о простых женщинах, но о них в исторических источниках практически не было никаких сведений. Только приблизительно с 80-х гг. XX в. стали появляться работы о правовом положении женщин Древней Руси, их роли в семье, в воспитании детей, об уровне их грамотности.⁶ В последнее время вышли в свет несколько научно-популярных книг, в которых предпринята попытка воссоздания реальных образов наиболее известных женщин далекого прошлого.⁷

Сравнительно недавно историк Н. Л. Пушкарева опубликовала библиографический обзор написанных за 200 лет трудов о русских женщинах. В перечень вошли более 1000 книг и статей, но большая их часть относится к новому и новейшему времени.⁸

Главная причина незначительного количества научных исследований, посвященных древнерусским женщинам, заключается в крайней незначительности источников. Так, большой знаток литературы Древней Руси Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что в ранних произведениях отразились очень немногие черты женщин той эпохи: «Древнерусские писатели редко обращали свой взор на дочерей, жен и матерей своих героев. Однако во всех немногих упоминаниях женщина неизменно выступает в обаянии нежной заботливости, проникновенного понимания государственных забот и тревог своих мужей и братьев. Дочь, мать или жена — она всегда помогает своему отцу, сыну или мужу, скорбит о нем, оплакивает его после смерти и никогда не склоняет его при жизни к трусости и самосохранению ценой позора... Любовь к мужу, отцу или сыну не притупляет их любви к родине, ненависти к врагам, уверенности в правоте дела любимого человека».⁹

Малое число источников по ранней «женской истории» привело к тому, что в противовес отечественным исследованиям в зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что женщины привилегированных слоев древнерусского общества были теремными затворницами и в общественной и культурной жизни страны участия не принимали. Наиболее обстоятельно данная точка зрения изложена в трудах женщин-историков К. Клаус, М. Хельман, Э. Доннерт, Д. Аткинсон, Н. Кольман и др.¹⁰

Причина затворничества, по мнению зарубежных ученых, заключалась в желании мужчин оградить своих матерей, сестер, жен и дочерей от всевозможных угроз, в первую очередь,

³ Костомаров Н. М. Северо-русские народоуправства удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т. 1.

⁴ Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины. Популярные рассказы из русской истории. СПб., 1874. Т. 1–3.

⁵ Русские святые женщины и подвижницы. СПб., 1909; Аристов И. Я. Судьба русской женщины в допетровское время // Заря. 1871. № 3; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц и царевен в XVI—XVII столетиях. М., 1869.

⁶ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10; Медынцева А. А. Грамотность женщин на Руси в XI—XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. Л., 1985; Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Она же. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.

⁷ Васецкий Н. Женщины российской короны. М., 1994; Морозова Л. Е. Затворницы. Миф о великих княгинях. М., 2002; Она же. Русские княгини. Женщины и власть. М., 2004; Панова Т. Д. Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005.

⁸ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 70.

¹⁰ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Указ. изд. С. 411, 422, 433, 440, 441.

от набегов степняков и ордынцев.¹¹ Однако опасность захвата в плен или убийства подстерегала знатных женщин только в период нашествия Батыя во второй трети XIII в. Позднее, когда сбор дани оказался в руках русских князей, набеги на центральные и северо-западные районы стали достаточно редким явлением, да и угрозу они представляли преимущественно для простых женщин. Поэтому у князей и бояр не было особых причин запираить своих женщин в теремах ни в XIV, ни в XV, ни в XVI вв.

Второй причиной затворничества русских женщин, по мнению тех же зарубежных исследовательниц, было распространение среди русской знати идей византийского аскетизма.¹² Однако возникает вопрос: а были ли эти идеи вообще присущи высшим слоям византийского общества? Источники свидетельствуют о том, что византийская знать, напротив, была склонна к роскоши, помпезности, всевозможным излишествам. Все это перенимали верхи русского общества в киевский период. Позднее, после взятия Константинополя сначала крестоносцами, а потом и турками, авторитет Византии в глазах русского общества существенно упал.

Если предположить, что русская знать заимствовала идеи аскетизма из учения византийской церкви, то и в этом случае появляются недоуменные вопросы. Ведь С. М. Соловьев писал, что церковная организация, заимствованная Русью из Византии, взяла женщин под свое покровительство. Согласно православному учению авторитет матери равен авторитету отца, более того, преступления против женщин рассматривались как богохульство и судились по церковному закону.¹³ Значит, официальная церковь отнюдь не рекомендовала запираить женщин в терема и полностью лишать их самостоятельности.

Еще один аргумент зарубежных исследовательниц в пользу теории «теремного затворничества» состоит в том, что в период укрепления великокняжеской, а потом и царской власти и увеличения могущества боярско-княжеской аристократии женщины остались в стороне от этих процессов и не получили права самостоятельно властвовать, самореализовываться и даже передвигаться без мужского сопровождения.¹⁴

Данный вывод был сделан на основе ряда сочинений XVI в. – «Домостроя» благовещенского протопопа Сильвестра и записок иностранцев о России. Но можно ли считать эти памятники достоверными историческими источниками? Сильвестр выразил свое представление о месте женщин в обществе и семье, иностранцы, с русскими людьми почти не общавшиеся, могли иметь лишь самое поверхностное представление о положении местных женщин. Например, увидев, что знатная особа выезжает по делам в окружении почетной свиты, они могли сделать вывод о том, что та не имела права ездить одна. Также предвзято иностранцы могли расценить наличие в русских домах женской и мужской половин. Это было связано не с изоляцией женщин, а с разделением обязанностей в семье. Женщина занималась воспитанием маленьких детей, обеспечивала всех домочадцев, включая слуг, одеждой, постельным бельем и заботилась об их чистоте. Эти обязанности были у всех женщин, независимо от их социального положения. Но знатные и богатые нанимали слуг, рукодельниц, портномоек, кормилиц, мамок и нянек для детей, а бедные простолюдинки все делали сами. Но в эти женские дела мужья никогда не вмешивались, предоставляя супругам свободу действий.

Создавая свое представление о положении древнерусской женщины, иностранные исследовательницы почему-то проигнорировали такие источники, как: летописные статьи о княгине Ольге, жития женщин-святых, «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о царице Динаре» и многие другие, в которых показаны активные и смелые женщины, способные постоять не только за себя, но и отомстить врагам своих мужей и сыновей.

---

¹¹ Там же. С. 86–67.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 250–251.

¹⁴ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Указ. изд. С. 71.

Думается, что для окончательного развенчания теории «теремного затворничества» необходимо воссоздать реальные исторические портреты наиболее выдающихся женщин Древней Руси, используя для этого достоверные источники. В их числе могут быть не только письменные памятники, но и вещественные, обнаруженные в ходе археологических раскопок, а также дошедшие до нас дворцы, храмы, иконы, фрески, книги, предметы быта и т. д.

Обзор источников

Отечественные памятники

Сохранилось довольно мало подлинных источников, относящихся к древнейшему периоду Руси. В этом нет ничего удивительного, поскольку за почти десять веков любой предмет подвергается разрушению, включая рукописи и сооружения. Книжники прошлого хорошо это понимали, поэтому для сохранения творений своих предшественников неоднократно их переписывали на новый пергамен или бумагу. Благодаря этому до нас дошли драгоценные свидетельства давно ушедших эпох.

Наиболее важными из письменных источников являются летописи. Древнейшей из дошедших до нас является Лаврентьевская. Из записи на ее единственном списке известно, что в 1377 г. она была переписана с ветхих рукописей монахом нижегородского Печерского монастыря Лаврентием (от его имени летопись и получила свое название). Сделано это было по заказу суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. Исследователи не знают, где хранилась Лаврентьевская летопись до XVIII в. Обнаружена она была в библиотеке Софийского собора в Новгороде. После этого ее отправили в Синод А. И. Мусину-Пушкину. В XIX в. Лаврентьевская летопись неоднократно публиковалась. Лучшим считается издание Археографической комиссии 1872 г. Оно и используется в настоящей работе в современном переиздании.¹⁵ Подлинная рукопись Лаврентьевской летописи хранится ныне в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга.

Исследователи обнаружили, что Лаврентьевская летопись имеет сложный состав. В нее входит Начальный свод игумена Никона, созданный во второй половине XI в., древнейший памятник историографии начала XII в. «Повесть временных лет» в редакции игумена Сильвестра, киевские великокняжеские летописи XII в., владими́ро-суздальский свод 1205 г., а также тверские и ростовские летописцы XIII в. Изложение событий доведено в Лаврентьевской летописи до 1304 г.¹⁶

В итоге получается, что Лаврентьевская летопись содержит основные сведения об истории Древнерусского государства в X—XIII вв. Что же дает она по нашей теме? Оказывается, что женских имен в ней не так уж и много. В статьях X в. упомянуто всего 11 женщин. Из них 6 – только один раз. Чаще всего встречается имя княгини Ольги – ей посвящено 40 страниц печатного текста. Следующей по числу упоминаний идет жена князя Владимира Святославича Рогнеда – 5 раз, за ней еще одна жена князя византийская принцесса Анна – 4 раза. Получается, что за целый век внимание летописца привлекли только три женщины.

В статьях XI в. упоминаются 14 женщин, но из них 8 – только один раз. Наибольшее внимание уделено двум женам Всеволода Ярославича (их имена встречаются 5 раз), далее – жене Владимира Мономаха (3 раза) и столько же – его сестре Янке и сестре Ярослава Мудрого Предславе.

В статьях XII в. женских имен уже больше – 29, но из них 17 упомянуты только один раз. Наибольшее внимание уделено женам великого князя Изяслава Мстиславича (упомянуты 4 раза без указания имен) и жене великого князя Всеволода Большое Гнездо Марии Ясыне (4 раза).

---

¹⁵ Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001.

¹⁶ Клосс Б. М. Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 23–26.

В статьях XIII в. женских имен еще больше – 31 упоминание, но из них 15 встречается по одному разу. Больше всего внимания уделено ростовской княгине Марье Михайловне (10 раз) и Феодосии, жене великого князя Ярослава Всеволодовича (5 раз).

Статистические подсчеты показывают, что от века к веку число упоминаний женских имен увеличивается. Это может свидетельствовать о возрастании роли женщин в русском обществе. Но все же содержащаяся в Лаврентьевской летописи информация о древнерусских женщинах явно недостаточна для создания их полноценных исторических портретов.

Второй древнейшей летописью считается Ипатьевская, дошедшая до нас в нескольких списках. Свое название она получила от костромского Ипатьевского монастыря, в котором хранился ее древнейший список XV в. Ныне он находится в Библиотеке Академии наук. Второй список, Хлебниковский, датируется XVI в. Он менее исправный и содержит пропуски. Остальные списки относятся к XVII и XVIII вв.

Ипатьевская летопись неоднократно издавалась в XIX и XX вв. В настоящей работе использован текст, опубликованный в 1871 г. Археографической комиссией и переизданный в 2001 г.¹⁷

По мнению исследователей, в начальной части Ипатьевская летопись совпадает с Лаврентьевской, поскольку содержит и Начальный свод игумена Никона, и «Повесть временных лет», но в редакции не Сильвестра, а монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. С начала XII в. тексты летописей отличаются, поскольку в Ипатьевскую вошел киевский великокняжеский свод 1198 г. и Галицко-Волынская летопись XIII в. Последние известия датируются 1292 г.¹⁸

Сравнение женских имен, упомянутых в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, показало, что отличия есть только в статьях XII и XIII вв. В Лаврентьевской – 9 оригинальных имен, в Ипатьевской – 23, из которых 16 относятся к XII в., остальные – к XIII. Правда, большинство из них упомянуты не более 1–2 раз. В целом, наряду с Лаврентьевской летописью, Ипатьевская летопись является достаточно важным источником по указанной теме.

Еще одной древней летописью является Радзивилловская, названная по имени одного из владельцев. Исследователи полагают, что в основе ее лежит владими́ро-суздальский летописный свод 1205 г., но в более поздней редакции, чем в Лаврентьевской летописи. Главной особенностью этой летописи являются красочные миниатюры (их 618), скопированные частично с древнего оригинала. Именно эти архаичные изображения и являются важным историческим источником.¹⁹

Радзивилловская летопись дошла до нас в двух рукописях: собственно Радзивилловской, датируемой приблизительно 1487 г., и Московской Академической конца XV в. – без миниатюр. Первая хранится в Библиотеке Академии наук, вторая – в Российской Государственной библиотеке. В ней изложение событий доходит до 1479 г.

По мнению исследователей, иллюстрированная рукопись была скопирована с владими́ро-суздальского свода в Смоленске или Полоцке в XV в. В XVII в. она была подарена князю Я. Радзивиллу, который в 1671 г. передал ее в Кенигсбергскую библиотеку. Здесь в 1715 г. с ней ознакомился Петр I и повелел сделать копию для себя. В 1761 г. после взятия Кенигсберга русскими войсками Радзивилловская летопись стала военным трофеем и была передана в Библиотеку Академии наук.²⁰

В XX в. Радзивилловская летопись неоднократно издавалась. В настоящей работе использовано издание 1994 г.

¹⁷ Ипатьевская летопись. Рязань, 2001.

¹⁸ Клосс Б. М. Ипатьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 26–28.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 188–200.

²⁰ Клосс Б. М. Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 28–30.

Еще одной древнейшей летописью является Новгородская I, дошедшая в двух изводах. Старший представлен пергаменным списком XIII—XIV вв., хранящимся ныне в ГИМе. В нем утрачены первые 16 тетрадей о событиях до 1016 г. и одна тетрадь с описанием событий конца XIII в. Исследователи полагают, что Синодальный список был составлен в конце XIII в. местным новгородским духовенством в период существования Новгородской феодальной республики. Потом он был продолжен до середины XIV в.²¹

Младший извод, представленный двумя списками XV в., доводит повествование до 40-х гг. XV в. В начальной части он сходен со старшим изводом. Исследователи полагают, что в Новгородской I летописи отразился Начальный свод Никона, созданный до «Повести временных лет».²²

Новгородская I летопись неоднократно издавалась в XVIII—XX вв. В настоящей работе использован текст, опубликованный М. Н. Тихомировым.²³

В качестве дополнительных источников использовались и более поздние летописи, в которых, по мнению исследователей, отразились ранние тексты: Летописец Переяславля Суздальского, дошедший в составе компиляции «Летописец русских царей», Московский свод 1479 г., Троицкая летопись в реконструкции М. Д. Приселкова, Владимиро-Суздальский летописец, Ермолинская летопись, Никоновская летопись, Воскресенская летопись и др.²⁴

К числу важных и интересных письменных памятников следует отнести жития древнерусских женщин, провозглашенных православной церковью святыми. К их числу относятся «Житие княгини Ольги», «Житие Евфросинии Полоцкой» и «Житие Евфросинии Суздальской».²⁵ Правда, до нас тексты этих сочинений дошли в позднейших доработках, с многочисленными добавлениями и заимствованиями из аналогичных памятников. Поэтому вряд ли их можно считать абсолютно надежными и достаточно достоверными историческими источниками.

Источником, повествующим только об одной женщине, является «Слово о полку Игореве». В нем в поэтическом виде представлен образ жены новгород-северского князя Игоря. Среди исследователей нет единодушного мнения ни по поводу ее имени (Ярославна – отчество), ни по поводу ее возраста,²⁶ поэтому для решения данных вопросов требуются иные источники, летописи, синодики и т. д.

Несомненно, что для создания полноценных исторических портретов женщин необходимо привлечение всех возможных дополнительных источников. К ним можно отнести жития их мужей, отцов и т. д. Так в «Житии Владимира Святославича» обнаруживаются данные об его супруге Анне, в «Житии Михаила Черниговского» – о его дочерях.²⁷

Ряд дополнительных данных о некоторых конкретных женщинах содержат хождения русских паломников. Например, в «Хожении игумена Даниила» и «Хожении Добрыни Ядрейковича» есть сведения о дарах княгини Ольги в Софийский собор Константинополя, описаны могилы полоцких князей и их жен, представлены описания храмов, которые посещали женщины-паломницы, в частности Евфросиния Полоцкая.²⁸

²¹ Клосс Б. М. Новгородская I летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 37–38.

²² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 182–257.

²³ Новгородская харатейная летопись. М., 1964.

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989; Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002; ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004; Воскресенская летопись, Т. 2–3. Рязань, 1998.

²⁵ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские Жития. Приложение. С. 6–8. М., 1915; Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII—XV веков. М., 2005. С. 209–220; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 11. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 374–408.

²⁶ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. В 5 т.

²⁷ Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 14–16, 49–86.

²⁸ Малето Е. И. Указ. соч. С. 163–208, 221–235.

В число дополнительных источников можно включить похвальные слова и поучения русских духовных деятелей. Так, в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона с самыми хвалебными эпитетами упомянута жена Ярослава Мудрого Ингигерд-Ирина.²⁹ В послании другого киевского митрополита Никифора можно обнаружить сведения о жене Владимира Мономаха английской принцессе Гиде и его дочери Евфимии.³⁰

Интересные данные об участии княгинь в церковных делах дают два послания епископа Симона. Одно было направлено к жене князя Ростислава Рюриковича Верхуслане-Анастасии Всеволодовне, второе – к киево-печерскому монаху Поликарпу.³¹

Много сведений о различных женщинах далекого прошлого содержится в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей матери». Большинство из них принадлежало к простому сословию и обращалось к чудотворному образу с просьбой об исцелении от различных хворей.³²

Еще одним важным дополнительным источником является Помянник черниговских князей, дошедший в составе Синодика Антониева монастыря в Любече, датируемого 1693 г. Исследователи обнаружили, что в данном памятнике находится помянник черниговских князей Ольговичей, составленный приблизительно в XIII в. В него включены имена 119 князей и 45 княгинь с уточнением их родственных связей. Эти данные особенно ценны, поскольку в других источниках отсутствуют. Помянник был опубликован и исследован Р. В. Зотовым.³³

Весьма интересные данные о жизни и деятельности женщин самых различных слоев новгородского общества содержат найденные при археологических раскопках берестяные грамоты. Так, из грамоты Жизномира к Микуле можно узнать, что в конце XI – начале XII в. на Руси активно торговали рабами и рабынями. При этом предприимчивые люди старались украсть живой товар у одного владельца и перепродать его другому. Но за это они нередко были наказаны. Данную грамоту исследователи связывают со случаем воровства рабыни у жены новгородского князя Мстислава Великого Христины.³⁴

О социальном и имущественном положении новгородок в конце XII – начале XIII в. можно судить по посланию Анны к Климяте. Из него выясняется, что Анна выступила поручительницей по зятю, взявшему деньги в долг. Поскольку тот не вернул взятое, то долг стали требовать с тещи.³⁵

О самостоятельных финансовых операциях, осуществляемых женщинами, повествует грамота второй половины XII в. – послание Пелагеи к Алфимии.³⁶ Некоторые грамоты позволяют предположить, что в XIII в. в Новгороде между женихом и невестой заключался брачный договор.³⁷

В целом новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в XI—XIII вв. многие новгородские женщины были грамотными, вели переписку друг с другом по различным вопросам, были независимы от мужей в финансовом отношении, активно участвовали в хозяйственной жизни.

К числу важных дополнительных источников следует отнести вещественные памятники: обнаруженные в ходе археологических раскопок находки (украшения, посуда, остатки тканей,

²⁹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. СПб., 1994

³⁰ Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. С. 71–73.

³¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 476–485, 699–700.

³² Ключевский В. О. Сказание о чудесах иконы Божьей матери // ОЛДП. Вып. XXX. СПб., 1893.

³³ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // ЛЗАК за 1882–1884 гг. Вып. 9. СПб., 1893.

³⁴ Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 269–270.

³⁵ Там же. С. 286–287.

³⁶ Там же. С. 296.

³⁷ Там же. С. 313, 315.

орудий труда, предметов быта и т. д.); дошедшие до нас постройки XI—XIII вв. в Киеве, Новгороде, Чернигове, Полоцке, Смоленске, Ростове Великом, Владимире и остальных древнерусских городах, иконы, фрески, книжные миниатюры, печати и многое другое.³⁸

Все это в целом позволяет по крупицам создавать исторические портреты наиболее выдающихся женщин далекого прошлого.

---

³⁸ Каргер М. К. Древний Киев: В 2 т. М.; Л., 1958–1961; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. Т. 1–2. М., 1970; Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986; Культура Древней Руси. М., 1966; Древнерусская монументальная живопись. XI—XIV вв. М.; Л., 1964; В. Д. Черный, Русская средневековая книжная миниатюра. Направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.

Зарубежные источники

Зарубежные источники следует отнести к числу достаточно важных памятников, но дающих сведения лишь об отдельных конкретных женщинах, преимущественно об иностранных принцессах, ставших женами русских князей. Степень их достоверности различна, но при общей скудости источниковой базы игнорировать их нельзя. Например, скандинавские саги являются скорее литературными памятниками и лишь отчасти отражают историческую действительность, но в них много данных о жене Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд-Ирине и ее дочерях, о другой шведской принцессе, Христине, ставшей женой Мстислава Великого.

Исследователи полагают, что наиболее достоверную информацию содержат королевские саги, дошедшие до нас в нескольких рукописных сборниках: «Обзор саг о норвежских конунгах» 1190 г., «Гнилая кожа», составленная около 1220 г. и дошедшая в рукописи второй половины XIII в., «Красивая кожа» середины XIII в., «Круг земной», созданный около 1230 г. историком Снорри Стурлусоном. Перевод и публикация наиболее интересных саг были осуществлены Е. А. Рыздзиевской и Т. Н. Джаксон.³⁹

Целый ряд важных сведений содержат европейские латиноязычные источники. Например, в «Продолжении хроники Регинона» есть данные о контактах княгини Ольги с германским императором Оттоном. В сочинении мерзебургского епископа Титмара, написанном в 1012–1018 гг., рассказано о борьбе Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным, в которую были втянуты сестры князя. Перевод и публикация этих источников были осуществлены М. Б. Свердловым и А. В. Назаренко.⁴⁰

К числу важных источников следует отнести и польские латиноязычные источники, в частности знаменитый Кодекс Гертруды, жены Изяслава Ярославича. Некоторые выдержки из него были переведены и опубликованы Н. И. Щавелевой.⁴¹ Меньший интерес представляют польские хроники, поскольку их авторы были откровенно тенденциозны и настроены отрицательно к Древней Руси, например Галл Аноним, автор XII в.⁴²

К числу важных источников можно отнести сочинения византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанное в 948–952 гг., и «О церемониях византийского двора» конца 50-х г. X в. В них можно найти сведения о княгине Ольге, в частности о ее визите в Константинополь и посещении императорского дворца. Эти сочинения были переведены и опубликованы под руководством А. П. Новосельцева и Г. Г. Литаврина.⁴³

Некоторые сведения о княгине Ольге содержатся и в византийских хрониках: «Истории» Льва Диакона (создана после 992 г.), «Истории» Иоанна Скилицы, вошедшего в состав «Обозрения истории» Георгия Кедрина, составленного на рубеже XI—XII вв.⁴⁴ Одним из интереснейших и спорных документов является «Кембриджская рукопись».⁴⁵

³⁹ Рыздзиевская Е. А. Россия в исландских сагах. М., 1978; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, переводы, комментарии: В 3 т. М., 1993–1994.

⁴⁰ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. / Сост., пер. и коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989–1990; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, переводы, комментарии // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

⁴¹ Щавелева Н. И. Приватные молитвы жены Изяслава // Церковь в истории России. М., 1999. С. 4–18.

⁴² Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, переводы, комментарии // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1990.

⁴³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989.

⁴⁴ Лев Диакон. История. /Пер. М. М. Копыленко. М., 1988; Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.

В целом, хотя перечень источников и представляется довольно внушительным, содержащаяся в них информация по рассматриваемой теме достаточно скудна и нередко весьма противоречива. Поэтому более детально и обстоятельно каждый вид источников рассмотрен в соответствующих главах.

---

⁴⁵ Коковцов П. К. Новый документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913, ноябрь. С. 171.

Глава 1. Женщины древнейшего периода

В древнейших русских летописях нет никаких сведений о женщинах, живших на территории Руси до княгини Ольги. Исключением является загадочная Иоакимовская летопись, о существовании которой известно из труда В. Н. Татищева. Историк неоднократно делал из нее выписки, содержание которых многим современным историкам представляется абсолютным вымыслом. К их числу можно отнести сюжет о древнейших славянских князьях. В нем указано, что женой славянского князя Вандала была варяжка Адвинда. В одиннадцатом поколении от них находился Гостомысл, имевший трех дочерей. Старшая стала женой князя Изборска, муж средней – Умилы был неизвестен, но она родила сына по имени Рюрик. После этого Гостомыслу приснился чудесный сон о том, что из чрева Умилы выросло огромное дерево, покрывшее своими ветвями всю славянскую землю. Волхвы истолковали этот сон, как предзнаменование того, что потомки дочери Гостомысла будут править славянами. Поэтому перед смертью Гостомысл вызвал Рюрика к себе и официально передал ему власть.⁴⁶

Таким образом, согласно легенде Иоакимовской летописи Рюрик вовсе не был чистокровным варягом, по женской линии он вел родство от славянских князей, которые, впрочем, иногда женились на варяжках.

Хотя известия Иоакимовской летописи о происхождении Рюрика весьма любопытны, большинство историков считают их совершенно недостоверными.⁴⁷

Для нашей темы данная легенда интересна тем, что в ней Рюрик представлен продолжателем династии славянских князей именно по женской линии. Только это и обеспечивало легитимность его власти. При этом не сам Рюрик выглядит основателем династии киевских князей, а Умила: из чрева которой выросло гигантское дерево. Значит, автор легенды в основу русской государственности положил не мужское, а женское начало.

Также легендарными представляются сведения В. Н. Татищева, взятые из Иоакимовской летописи, о том, что жену Рюрика звали Эфанда и что она была из прибалтийского племени славян ободритов. Считается, что это имя было придумано историком как производное от Сфандра.⁴⁸ Правда, некоторые исследователи связали женитьбу на Эфанде с желанием Рюрика укрепить свои позиции в Новгороде после мятежа Вадима, о котором под 864 г. сообщала Никоновская летопись.⁴⁹

Но женитьба на ободритке вряд ли могла помочь Рюрику в Новгородской земле, населенной словенами. Более выгодным для него было породниться с местной знатью, но данных на этот счет в древнейших летописях нет.

Первой реальной женщиной, о которой в самых различных и достаточно достоверных источниках содержится довольно много сведений, следует считать княгиню Ольгу, жену князя Игоря. Несомненно, она была знаковой фигурой и для всего рода князей-Рюриковичей, и для всех древнерусских женщин. Благодаря ей пришлые варяги смогли породниться со славянской знатью и своим сыновьям и дочерям стали давать местные имена. Для женщин Ольга, отмстившая убийцам мужа, отстаивавшая права сына на великокняжеский престол, умело правившая в его малолетство и первая из высшей знати принявшая христианство, стала образцом для подражания.

Все это говорит о том, что начинать исследование, посвященное древнерусским женщинам, следует именно с княгини Ольги.

---

⁴⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 108–110.

⁴⁷ Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 61–65.

⁴⁸ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 110, 372; Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876. С. XXXIX.

⁴⁹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214–215.

Княгиня Ольга-Елена

Жизнь княгини Ольги отразилась в самых различных источниках: в письменных, русских и зарубежных, вещественных и даже географических. Казалось бы, такое значительное количество памятников прошлого должно было помочь исследователям составить достаточно полный и достоверный портрет княгини. Однако из-за противоречивости и недосказанности сведений в них в научной литературе не утихают споры об Ольге. Они касаются и ее происхождения, и дат рождения и замужества, и обстоятельств рождения сына Святослава, и взаимоотношений с ним, и реальности ее жестокой мести древлянам, и времени и места крещения, и в целом вклада в становление и развитие Древнерусского государства.

К числу важнейших источников о княгине Ольге относятся древнейшие летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская и др., начальную часть которых составляет «Повесть временных лет». В этом сочинении Ольга является одной из главных героинь X в. В нем подробно описано, как княгиня отомстила древлянам за убийство мужа, как стала управлять государством, как крестилась в Константинополе, как оказалась с внуками в осажденном печенегами Киеве, какие взаимоотношения были у нее с сыном и т. д.

Вторым памятником русского происхождения об Ольге является «Память и Похвала князю Владимиру» со вставкой «Похвалы княгине Ольге». Это произведение приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Иакову, жившему в XI—XII вв. По мнению исследователей, окончательное оформление его текста произошло в XIV в.⁵⁰

Еще одним важным источником является «Житие княгини Ольги», дошедшее до нас в двух редакциях. Считается, что древнейшая была написана в конце XIII в. и дошла до нас в списке XIV в. В XVI в. достаточно краткий текст был дополнен и включен в «Степенную книгу».⁵¹ Исследователи полагают, что по отношению к летописям текст пространного «Жития» вторичен, поскольку был написан через много лет после смерти княгини.⁵²

Деятельность княгини Ольги оставила след и в ряде зарубежных письменных памятников. Наиболее важным из них являются сочинения византийского императора Константина Багрянородного, в первую очередь его записки «О церемониях византийского двора». В них он подробно описал два приема княгини Ольги в своем императорском дворце. Он подробно перечислил всех спутников княгини, указал подарки, которые были ей поднесены, но не уточнил, в каком году все это происходило, только сообщил число, день недели и месяц. Не дал он сведений и о цели визита русской правительницы. В итоге среди исследователей возникла масса споров по поводу времени и обстоятельств поездки Ольги в Константинополь.

Сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» было переведено и опубликовано Г. Г. Литавриным.⁵³

Еще одним важным и интересным источником является «Продолжение хроники Регинона», приписываемое епископу Адальберту. Именно он ездил с миссионерской деятельностью в Киев (которая, однако, провалилась) в правление княгини Ольги. Среди исследователей данный памятник также вызывает много споров: при каких обстоятельствах Адальберт отправился на Русь, кто был инициатором его поездки, почему она оказалась неудачной?

К числу дополнительных источников можно отнести византийские хроники XI—XII вв., в которых есть краткие сообщения об Ольге.

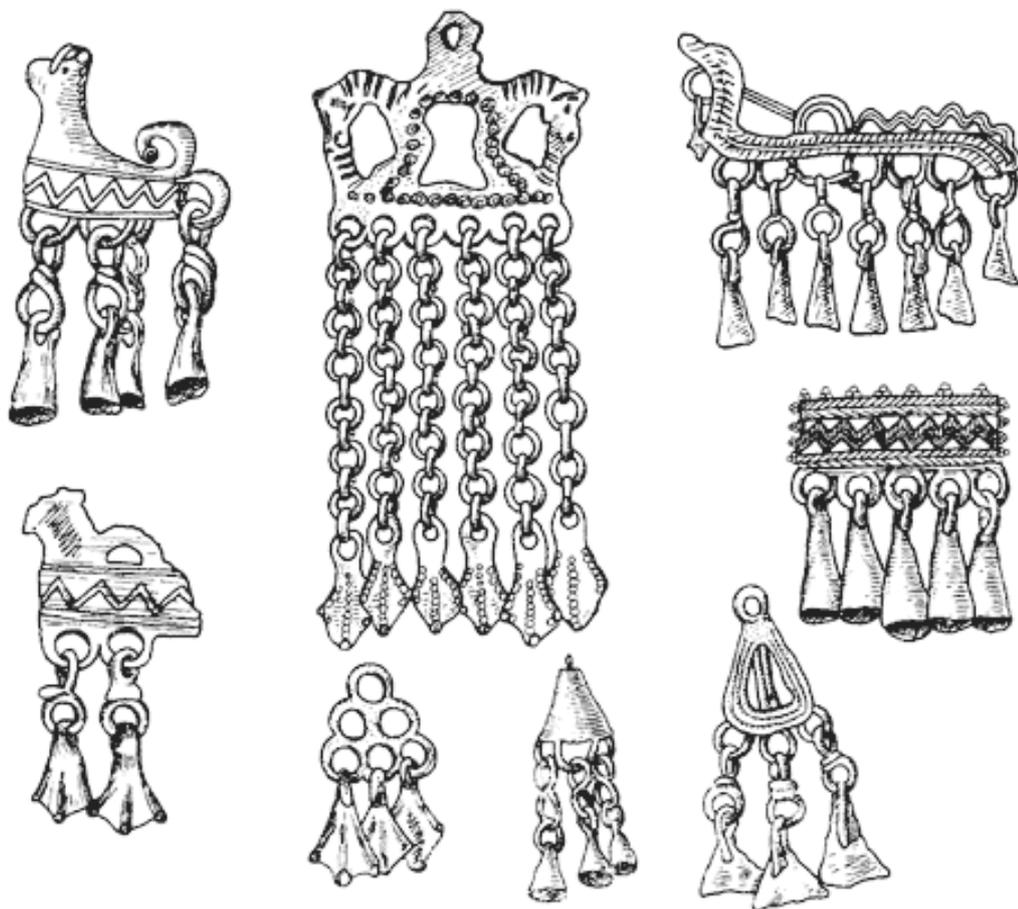
⁵⁰ Шапов Я. Н. «Память и Похвала князю Владимиру Святославичу» Иакова мниха и «Похвала княгине Ольге» // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 181–185.

⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т. 21. СПб., 1908. С. 7–16.

⁵² Клосс Б. М. Житие княгини Ольги // Письменные памятники истории Древней Руси. Указ. изд. С. 213.

⁵³ Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1931.

Следует отметить, что все важнейшие исторические источники о княгине Ольге были введены в научный оборот еще Н. М. Карамзиным. Он первым попытался дать оценку сохранившимся в них сведениям, представил собственную реконструкцию биографии княгини и сделал вывод о значении ее деятельности для Древнерусского государства. В последующем историки лишь уточняли и дополняли некоторые детали, высказывали свое мнение по спорным вопросам.

Основные типы шумящих привесок из древнерусских курганов

Рассмотрим, какой же исторический портрет княгини Ольги воссоздал Н. М. Карамзин. Он считал вполне достоверными данные древнейших летописей о происхождении Ольги из Пскова и о содействии князя Олега в 903 г. браку с ней юного родственника князя Игоря. При этом взятые В. Н. Татищевым из Иоакимовской летописи оригинальные известия о том, что славянским именем Ольги было имя Прекраса и что она вела свой род от новгородского посадника Гостомысла, он считал вымыслом.⁵⁴

Недоумение Карамзина вызвала и указанная в Ипатьевской летописи дата рождения Святослава – 942 г., поскольку в это время княгиня должна была быть престарелой женщиной, неспособной родить ребенка. Историк решил, что эта дата ошибочная, и предположил, что Ольга произвела на свет сына в 933 г., когда ей было 40 лет. Возраст княгини он определил из указания в Софийской I (датируется XVI в.) летописи о том, что на момент замужества Ольге было только 10 лет.⁵⁵ Хотя это добавление и представляется очень ценным, но его не было в

⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 102.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 11.

древнейших летописях. Появилось же оно в летописи позднего времени, как результат подсчетов самого создателя Софийской летописи, но точных данных на этот счет, конечно, нет.

Из предположения Карамзина о дате рождения Святослава выходит, что на момент смерти отца ему было уже 12 лет. Однако в летописном описании похода Ольги на Искоростень ее сын выглядит значительно младше – он был способен бросить копье только под ноги своей лошади.⁵⁶ Таким слабым мальчик мог быть в возрасте не старше 8 лет, при условии, что копье было взрослым и достаточно тяжелым.

Поэтому предложенная Карамзиным дата рождения Святослава не может быть признана правильной. В последующей историографии данный вопрос постоянно дискутировался, и до сих пор не решен.

Анализируя летописный рассказ о мести Ольги древлянам, Н. М. Карамзин решил, что тот больше похож на легенду или народную сказку, чем на реальность, поскольку древлянский князь Мал вряд ли бы стал свататься к женщине, которой было уже за 50 лет.⁵⁷ Однако этот вывод сомнителен, поскольку Ольга была не простой женщиной, а великой княгиней, матерью наследника верховной власти в Древнерусском государстве. Брак с ней позволял Малу самому стать правителем обширной державы.

Следует отметить, что вопрос о достоверности летописного рассказа о мести Ольги древлянам до сих пор вызывает в историографии споры.

Н. М. Карамзин не сомневался в том, что после гибели Игоря Ольга стала правительницей Руси. При этом у нее были собственные владения – г. Вышгород, выделенный ей князем Олегом в качестве «вено» – платы за брак с Игорем. Получаемые доходы княгиня имела право тратить на собственные нужды.⁵⁸

Славянские украшения VIII в. Среднее Поднепровье

Рассматривая нововведения Ольги в сборе дани, историк решил, что она провела административно-территориальную реформу, разделив подвластные ей земли на волости с административными центрами – погостами.⁵⁹ Но можно ли было это сделать в то время, когда даже границы государства четко не определялись и вся его территория была слабо заселена? Более вероятным кажется, что княгиня лишь определила размер дани для каждой местности и указала время и место, куда ее следовало привозить. Кроме того, она выделила княжеский домен

⁵⁶ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. Рязань, 2001. С. 56.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 268.

⁵⁸ Там же. С. 122.

⁵⁹ Там же. С. 123.

– места охоты и ловли рыбы для своего обихода. Для того времени это было очень важной реформой, поскольку она должна была урегулировать взаимоотношения с местным населением и исключить злоупотребления княжеской администрации в сборе дани. (В историографии вопрос о сути реформ княгини Ольги до сих пор вызывает споры.)

Анализируя сведения древнейших летописей о крещении Ольги, Карамзин обнаружил в них ряд ошибок. Так, оказалось, что летописная дата этого акта – 955 г. не согласуется с данными Константина Багрянородного о времени приема Ольги в Константинополе. Исследователь вычислил, что указанные императором числа, дни недели и месяц были либо в 946, либо в 957 г. Более подходящей для него показалась дата 957 г., поскольку, как следует из записок Константина, княгиня встречалась не только с ним самим, но и с семьей его сына Романа. В 946 г. царевич был еще подростком, хотя и женатым на маленькой девочке. Детей в это время он еще не имел.⁶⁰

Эти выводы историка представляются вполне убедительными, но в последующей историографии возникли споры и появились иные точки зрения.

Карамзин заметил, что в Лаврентьевской летописи и в связанных с ней поздних сводах принимавший Ольгу византийский император неправильно назван Иоанном Цимиским. Этот правитель пришел к власти уже после смерти княгини. В Ипатьевской летописи этой ошибки не было, значит, ее создатель был лучше информирован об истории Византии, чем автор Лаврентьевской. К тому же историк усомнился в сообщении обеих летописей о том, что император захотел жениться на Ольге, находящейся в весьма почтенном возрасте. Ведь сам он давно был женат, да и принимал русскую княгиню вместе с супругой.⁶¹

Пытливый историк заметил, что в сочинении Константина Багрянородного ничего не писалось о крещении русской княгини и сама она называлась языческим именем Хельга (после крещения Ольга стала Еленой). Однако русские летописи и византийские хроники утверждали, что Ольга ездила в Византию специально для крещения. Чтобы разобраться в этом противоречии, Карамзин решил, что Константина интересовали только вопросы церемониала, поэтому он и не упомянул о крещении своей гостью.⁶²

Позднее данный вопрос вызвал бурную дискуссию в историографии. При этом спорящим приходилось лишь интерпретировать те источники, которые ввел в научный оборот Карамзин.

Среди зарубежных хроник историку удалось обнаружить памятник, свидетельствующий о достаточно обширных международных контактах княгини Ольги. Это – «Продолжение хроники Регинона», написанное в конце X в. В нем сообщалось об отправке в 959 г. русского посольства к германскому императору Оттону I и ответной миссии католического епископа Адальберга в 961 г., которая закончилась полным провалом – Адальберт вынужден был бежать на родину. Карамзин счел содержание этого источника абсолютно достоверным и решил, что Ольга хотела крестить Русь с помощью немецких миссионеров, но не смогла это сделать из-за противодействия сына-язычника.⁶³

В последующем содержание «Продолжения хроники Регинона» привлекло внимание многих исследователей, предлагавших его собственное толкование.

Н. М. Карамзин подверг критике поздние источники о княгине Ольге, в частности ее «Житие» в краткой и пространной редакции, всевозможные добавления в поздних летописях и хрониках. Их он назвал баснословием и выдумками всевозможных сочинителей.⁶⁴ К числу недостоверных он отнес и сообщение в «Похвале князю Владимиру» о том, что в правление

---

⁶⁰ Там же. С. 124.

⁶¹ Там же. С. 272.

⁶² Там же. С. 271.

⁶³ Там же. С. 275.

⁶⁴ Там же. С. 272.

этого князя были обнаружены мощи Ольги и установлены в Десятинной церкви, поскольку в древнейших летописях никаких данных на этот счет не было.⁶⁵

В целом знаменитый историк очень высоко оценил деятельность княгини Ольги и поставил ее в один ряд с великими государственными деятелями Древней Руси: «Предание нарекло Ольгу хитрой, церковь – святой, история – мудрой. Она не воевала, а правила государством. С деятельностью великого мужа учредила порядок в государстве, не писала законов, но давала уставы, простые и самые нужные. При Ольге Россия стала известна в отдаленных странах Европы».⁶⁶

Определенное внимание княгине Ольге уделил и другой известный историк С. М. Соловьев. Рассматривая все предания и мнения об ее происхождении, он признал достоверным лишь ее происхождение из северных областей Руси. Сведения летописей об ее жестокой мести древлянам он не склонен считать легендарными, поскольку в древнерусском обществе месть была широко распространена, и почитался лишь тот, кто мог отомстить обидчику.⁶⁷

Анализируя сведения летописей о реформах княгини, Соловьев решил, что на установленных ею погостах находились представители княжеской администрации – тиуны, которые не только собирали дань, но и вершили суд. Слово «повосты» из Лаврентьевской летописи он счел неправильным прочтением, возникшим при переписке текста с древней ветхой рукописи.⁶⁸

Исследуя маршрут, по которому Ольга объезжала свои владения в начале правления, историк решил, что он проходил по окраинам Новгородской земли, т. е. рекам Мста и Луга.⁶⁹ Однако в настоящее время нет точных данных об этих границах. К примеру, Белоозеро было много севернее Мсты, а Изборск – юго-западнее Луги. При этом оба эти города были новгородскими еще при Рюрике.

С. М. Соловьев поддержал точку зрения Карамзина на то, что датой крещения русской княгини следует считать 957 г., а не 955, как в летописях. Предположение В. Н. Татищева о склонности Ольги к христианству еще в Киеве (но она якобы боялась враждебности язычников) он отверг: ведь согласно летописным данным, и в Киеве и в Новгороде при князе Игоре существовали христианские храмы в честь Ильи-пророка и Спасо-Преображения.⁷⁰

Историк высказал мнение о том, что Ольга осталась недовольна оказанным ей в Константинополе приемом, поскольку ее заставили долго ждать в гавани и принимали на недостойном ее низком уровне.⁷¹ Позднее византилисты убедительно оспорили эту точку зрения – Ольгу принимали на самом высоком уровне.

Рассматривая содержание «Продолжения хроники Регинона», Соловьев счел сомнительными сведения о том, что именно Ольга отправила послов к германскому императору. По его мнению, русские визитеры были самозванцами: желая получить дары от католического духовенства, они самовольно пригласили миссионеров в свою страну. В итоге оказалось, что в Киеве епископа Адальберта никто не ждал, и его миссия провалилась.⁷²

---

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же. С. 129.

⁶⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1. М., 1988. С. 147–148,

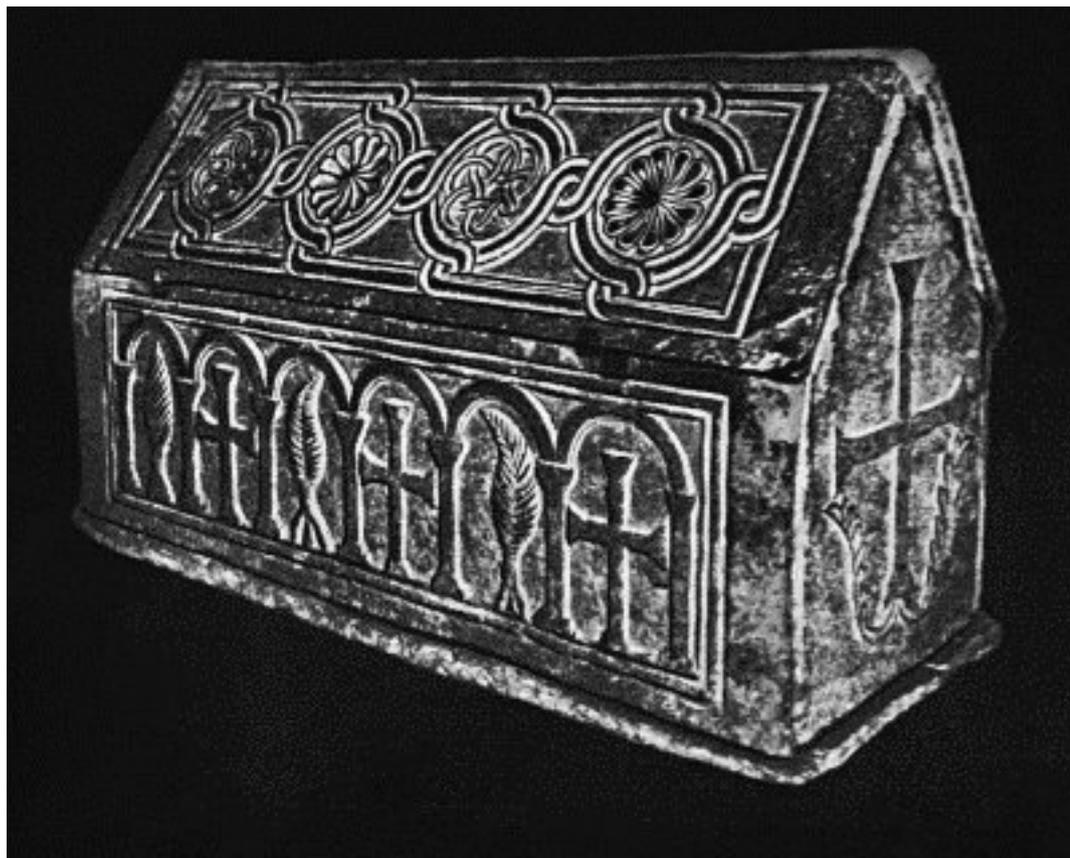
⁶⁸ Там же. С. 149.

⁶⁹ Там же. С. 301.

⁷⁰ Там же. С. 143, 151.

⁷¹ Там же. С. 153.

⁷² Там же. С. 302.

Саркофаг из волынского шифера. X в. Найден при раскопках Десятинной церкви. Предполагается, что в нем была захоронена княгиня Ольга

Историк полагал, что Ольга обладала большой личной собственностью. В Вышгороде находилась ее загородная резиденция, хранилась казна. Село Будутино она отдала ключнице Малуше, когда та родила от Святослава сына Владимира. Позднее та пожертвовала его Десятинной церкви.⁷³

В целом Соловьев, как и Карамзин, высоко оценил деятельность княгини Ольги, назвав ее «устроительницей Русской земли, мудрейшей из женщин». По его мнению, в Древней Руси княгини занимали высокое положение: имели значительное имущество, содержали целый штат слуг, участвовали в пирах, охоте, отличались хитростью, смекалкой, были храбры и находчивы.⁷⁴ Эти выводы он сделал, исходя из фактов биографии Ольги.

Не менее положительно относился к Ольге и другой историк рубежа XIX и XX вв. – академик С. Ф. Платонов. Он даже полагал, что с 945 по 957 г. княгиня правила совершенно самостоятельно всем Древнерусским государством. Подобно другим знатым женщинам своего времени она обладала полной гражданской и имущественной самостоятельностью, отличалась государственной мудростью, смекалкой и в этом отношении смогла «переплюнуть» самого византийского императора.⁷⁵ В данном случае Платонов счел достоверными сведения летописей о том, что Константин сватался к Ольге, но та, не желая портить отношения отказом, перехитрила его и сделала брак невозможным.

Академик Б. Д. Греков также полагал, что Ольга была совершенно самостоятельной правительницей: установила размер дани, взимаемой с подвластных территорий, создала админи-

⁷³ Там же. С. 303.

⁷⁴ Там же. С. 237.

⁷⁵ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 100.

стративно-хозяйственные пункты по управлению территориями, проводила собственную международную политику, владела замковым городом Вышгород. Обо всем этом было известно в Византии, поэтому она получила от императора более ценные дары, чем ее сын Святослав в лице своего посла. Греков не сомневался, что Ольга сама отправила послов к германскому императору, желая установить с ним дружеские отношения.⁷⁶

В последующее время историки стали уделять больше внимания отдельным сторонам деятельности княгини Ольги и конкретным фактам ее биографии. Так, А. Н. Сахаров написал обстоятельный очерк, посвященный дипломатии Ольги. Он подробно проанализировал все, дошедшие до нас источники, дал оценку предшествующим трудам, начиная с В. Н. Татищева и заканчивая В. Т. Пашуто, М. Б. Свердловым и А. Г. Кузьминым.⁷⁷

Сахаров согласился с мнением Карамзина о том, что княгиня ездила в Константинополь в 957 г. и что летописцы допустили ошибку в дате этого события. Цель визита Ольги состояла не только в крещении, но и в установлении с Византией равноправных отношений, и для этого она дважды посещала императора Константина – поэтому в своем сочинении о ее визите он и забыл упомянуть о ее крещении. Главным для Константина было описать пышный церемониал, по которому принималась русская княгиня: она была удостоена личной беседы с императором и членами его семьи; во время официальной части ее не заставили падать ниц перед императорским тронном, а во время неофициальной части даже предложили сесть; в честь нее и ее спутников был устроен обед, после которого всех одарили подарками.⁷⁸ В данном случае А. Н. Сахаров убедительно доказал несостоятельность мнения С. М. Соловьева, утверждающего, что Ольга была принята в Константинополе недостаточно пышно.

Рассматривая различные источники об обстоятельствах крещения Ольги и пытаясь объяснить существующие в них противоречия, Сахаров предположил, что княгиня могла стать христианкой дважды: первый раз неофициально, в Киеве, второй раз торжественно и публично, в Константинополе. Относительно причин провала миссии в Киев католического епископа Адальберта Сахаров высказал мнение, что тот превысил свои полномочия и решил поставить Русь в зависимость от католического духовенства, в частности главы германской церкви. Естественно, что Ольга и ее окружение не пожелали подчиняться каким-либо иностранцам.⁷⁹

Очерк о дипломатии княгини Ольги вошел в состав фундаментальной монографии А. Н. Сахарова, посвященной дипломатическим отношениям Древней Руси.⁸⁰

Академик Б. А. Рыбаков попытался оценить вклад княгини Ольги в становление и развитие русской государственности. Анализируя некоторые летописные известия о ней, он пришел к выводу, что рассказ об ее мести древлянам не имел ничего общего с историческими реалиями. По своей сути он напоминал описание славянского погребального обряда: сначала умершего несли в ладье, потом сжигали, затем насыпали холм и справляли тризну. Сказание о мести, по мнению Рыбакова, было написано для устрашения подданных княгини и для доказательства непобедимости киевских правителей.⁸¹

Рыбаков решил, что отношение к реальным событиям имело лишь летописное описание реформ Ольги. Она установила конкретные и справедливые налоги, организовала княжеский домен со становищами (местами стоянки князя), ловищами (охотничьими угодьями), знаменьями (бортями) и местами для ловли рыбы. Таким образом, она размежевала угодья прави-

⁷⁶ Гревов Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 295–298.

⁷⁷ Сахаров А. Н. Дипломатия княгини Ольги // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 25–35.

⁷⁸ Там же. С. 42–43.

⁷⁹ Там же. С. 43.

⁸⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

⁸¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 370–372.

телей и подданных. Становищ, как полагал академик, было не меньше 50. Кроме них якобы были погосты – острожки с постоянным гарнизоном, которых насчитывалось от 500 до 2000.⁸²

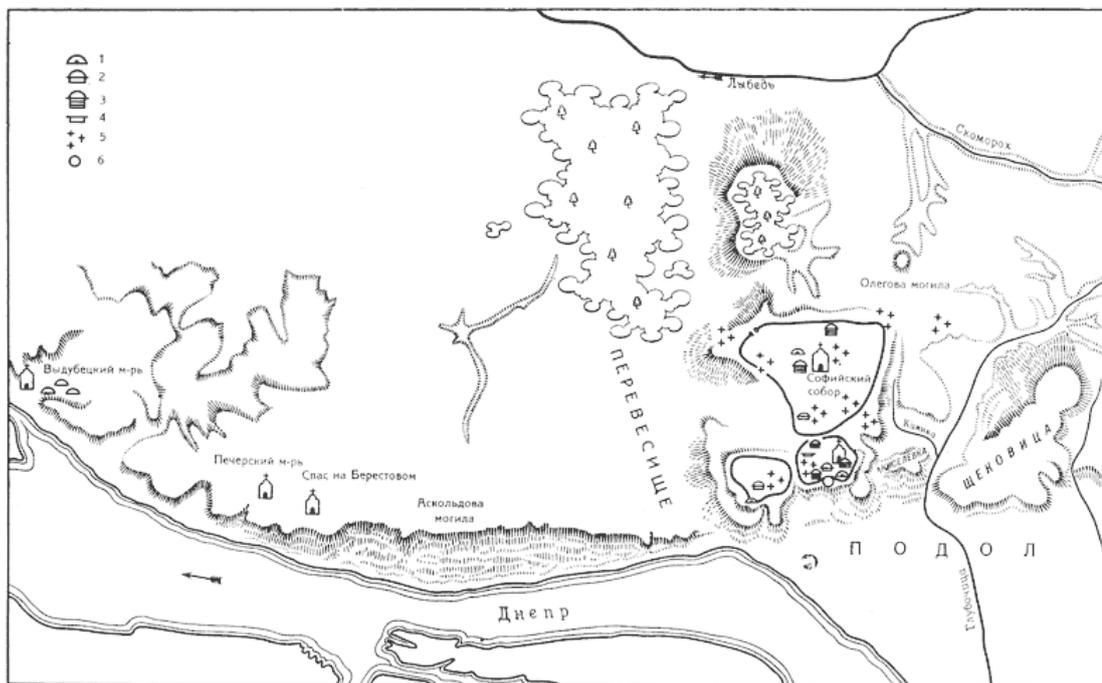
Последнее предположение академика кажется маловероятным, поскольку у Ольги не могло быть столь большой по численности дружины, чтобы распределять ее по острожкам. Да и надобности в них не было, учитывая слабую заселенность территории Древней Руси в то время.

Б. А. Рыбаков полагал, что Ольга сначала крестилась дома – в 955 г. и эта дата нашла отражение в летописях. Поэтому в Константинополь она прибыла уже христианкой в сопровождении священника Григоря (его имя Константин Багрянородный назвал в числе спутников княгини). По мнению историка, император в действительности хотел жениться на русской княгине, чтобы поставить ее страну в вассальную зависимость. При этом Ольга отнюдь не была старой женщиной, поскольку имела маленького сына. На момент гибели мужа ей должно было быть лет 28–32.⁸³

Делая подобное предположение о возрасте Ольги, Рыбаков почему-то полностью проигнорировал летописную запись о том, что брак между Игорем и Ольгой был заключен в 903 г., поэтому в 945 г. княгине никак не могло быть даже 32 лет.

В целом Б. А. Рыбаков весьма высоко оценил деятельность Ольги по обустройству Древнерусского государства, особенно реформы в налогообложении, выделении княжеского домена и устрашение подданных в письменном сочинении.⁸⁴

Последний вывод академика представляется несколько надуманным, поскольку устрашать неграмотных подданных письменно было бессмысленным. Для передачи же текста устным путем необходим был большой штат особых людей, которые вряд ли существовали в то время.

Киев и его окрестности в X–XIII вв. План составлен Л. А. Голубевой: 1 – курганные погребения с трупосожжением IX–X вв.; 2 – курганные погребения с трупосожжением в грунтовой могиле IX–X вв.; 3 – погребения в срубных гробницах IX–X вв.; 4 – погребения в грунтовых могилах конца X – начала XI в.; 5 – церковные кладбища XI–XII вв.; 6 – братские могилы XIII в.

⁸² Там же. С. 362–364.

⁸³ Там же. С. 369–370.

⁸⁴ Там же. С. 372.

Академик Г. Г. Литаврин посвятил ряд работ проблеме датировки поездки Ольги в Константинополь. Проанализировав содержание главного источника по этому вопросу – сочинения Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», он пришел к выводу, что Ольга ездила в Константинополь не в 957 г., как считало большинство исследователей вслед за Н. М. Карамзиным, а в 946 г. К этому году, как и к 957, подходили упомянутые императором даты: 9 сентября – среда и 18 октября – воскресенье. Аргументами в пользу своей точки зрения Литаврин считал следующие обстоятельства: в 957 г. княгиня Ольга была слишком стара для трудной поездки в Византию; описанные Константином взаимоотношения между его женой и невесткой больше походили на взаимоотношения с первой женой царевича Романа юной Бертой, нежели со второй женой, через некоторое время отравившей императрицу.⁸⁵

Но можно ли признать доводы Литаврина в пользу пересмотра устоявшейся точки зрения на дату поездки Ольги в Константинополь убедительными? Торговый путь в Константинополь к середине X в. был очень хорошо освоен русскими людьми и вряд ли являлся особенно трудным даже для пожилой женщины. К тому же после 957 г. княгиня Ольга прожила еще 12 лет, значит, особо дряхлой не была. Путешествие на судах для нее было привычным делом. Ведь это был главный способ передвижения в то время на Руси. Сочинение Константина Багрянородного вряд ли можно рассматривать как источник о взаимоотношении его жены с невестками. В нем описывались на конкретных примерах церемонии двора. Поэтому эпизод с двойным тронem, на наш взгляд, означал, что императрица и жена старшего царевича занимали равное положение во время официальных приемов.

Датируя поездку Ольги в Константинополь 946 г., Литаврин полностью проигнорировал сообщения русских летописей о том, что в этом году Ольга совершила военный поход на Искоростень и все лето осаждала город. Для поездки в Константинополь у нее просто не было времени. Ведь путь туда проходил по реке Днепр и Черному морю, которые зимой были несудоходными. К тому же в 946 г. вряд ли у Ольги было абсолютно прочное положение и в стране было спокойно. Поэтому в следующем 947 г. княгиня занялась реформами во время объезда своих владений. Ни в 946, ни в 947 г. у нее не было возможности надолго покинуть Русь и оставлять юного наследника без опеки. Поэтому, представляется, что датировать поездку Ольги в Константинополь, 946 г. нельзя. Княгиня могла покинуть страну на несколько месяцев, только окончательно укрепив свою и сына власть.

Попытка Г. Г. Литаврина пересмотреть традиционную датировку поездки Ольги в Константинополь привела к тому, что в историографии стали появляться самые различные мнения по этому вопросу. Так, О. М. Рапов решил, что княгиня ездила в Византию дважды. Первый раз в 944 г. – при вдовом и малообразованном императоре Романе, который посватался к своей госте. В это время она и приняла крещение. Вторая поездка была в 946 г. Зная, что Ольга христианка, Константин посадил ее за один стол с собой и познакомил с семьей. Язычницу же, по мнению Рапова, он не стал бы так принимать.⁸⁶

Натянутость подобных предположений очевидна, поскольку полностью разрушает летописную датировку событий 40-х г. X в. Смерть Игоря пришлось бы отнести к 943 г., а месть Ольги древлянам и поездку по стране с реформами – несуществующими. К тому же, если в 946 г. княгиня была уже христианкой, то почему Константин называл ее языческим именем Хельга, а не христианским Елена? Получается, что выдвинутая Раповым точка зрения противоречит данным сразу двух источников.

Н. Л. Пушкирева попыталась совместить различные точки зрения на дату поездки Ольги в Константинополь. Она предположила, что княгиня ездила в Византию дважды: в 946 и в

---

⁸⁵ Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 175, 181–163.

⁸⁶ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 161–172.

953/54 гг. (некоторые исследователи высказали мнение, что в летописных датах X в. есть сбой, поэтому 955 г. (6463 от Сотворения мира) следует считать 953/54 по сентябрьскому летоисчислению). Цель первой поездки состояла в ратификации договора, заключенного Игорем с греками, цель второй – крещение, но в летописях оказалась зафиксированной только одна поездка. Причину возникновения легенды о сватовстве к Ольге императора исследовательница объяснила желанием княгини найти в Константинополе невесту для сына, но ей не удалось это сделать из-за того, что тот был язычником. Акт крещения Ольги Пушкарева расценила не как личное дело, а как важный политический шаг, но от крещения страны ей пришлось отказаться, чтобы не попасть в зависимость от Византии. По этой же причине провалилась миссия католического епископа Адальберта. Исследовательница решила, что Оттон превысил свои полномочия и сам отправил на Русь миссионеров, поэтому-то они и были изгнаны.⁸⁷

Хотя Н. Л. Пушкарева, вслед за Б. А. Рыбаковым, отвергла достоверность летописных рассказов о мести Ольги древлянам, деятельность княгини она оценила весьма высоко и воздала должное ее государственному уму и способностям: «Не меч, но мудрость и ум служили ей оружием в осуществлении этого замысла – создания империи Рюриковичей».⁸⁸

А. В. Назаренко попытался выяснить причины провала миссии Адальберта. Он предположил, что в конце 50-х гг. X в. отношения Ольги с Константином Багрянородным ухудшились (источник своих сведений исследователь не указал). Поэтому княгиня направила посольство к германскому императору Оттону с просьбой прислать католических священников для крещения Руси. Однако Адальберт задержался с поездкой, а когда приехал в Киев, международная ситуация изменилась – вместо умершего Константина на императорский престол взошел Роман, с которым у Ольги установились хорошие отношения. У Оттона, напротив, взаимоотношения с Византией ухудшились, поэтому его посланцев княгиня встретила прохладно, язычники же их просто изгнали.⁸⁹

Предположения А. В. Назаренко выглядят несколько надуманными, поскольку никаких доказательств того, что при Константине у Ольги были плохие отношения с Византией, а при его сыне стали хорошими, нет. Более того, в своем сочинении «О церемониях византийского двора», написанном в конце 50-х гг., Константин описал визит русской княгини как исключительно дружеский. Причиной провала миссии Адальберта, вероятнее всего, было нежелание Ольги поставить свою страну в зависимость от иностранного духовенства.

Достаточно высоко оценивал деятельность княгини Ольги А. П. Новосельцев. Он считал ее реформатором, осуществившим административно-налоговую реформу и отменившим грабительское и бесконтрольное полюдь. По его мнению, после смерти мужа и до 964 г. княгиня была полновластной хозяйкой в стране. Святослав довольствовался второй ролью: правил в Новгороде и совершал завоевательные походы. Заслугой Ольги Новосельцев считал резкое изменение внешней политики: прекращение военных походов на Византию и установление с ней добрососедских отношений, поездка в гости к императору и отправка военной помощи ему в лице варягов-наемников.⁹⁰

---

⁸⁷ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 18.

⁸⁸ Там же. С. 15.

⁸⁹ Назаренко А. В. Попытки крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 24.

⁹⁰ Новосельцев А. П., Сахаров А. Н. и др. История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 72.

Шесть золотых браслетов из клада, найденного в 1913 г. в усадьбе И.А. Сикорского. Датируются IX–X вв.

Совершенно иную точку зрения на личность княгини Ольги высказал Р. Г. Скрынников. Он полагал, что она никогда не была самостоятельной правительницей, за смерть Игоря отомстила не она, а воеводы Свенельд и Асмольд. Свидетельством самостоятельности, что Святослав, по мнению исследователя, явилась битва с древлянами, во время которой он пер-

вым бросил в них копьё.⁹¹ Скрынников решил, что в летописях почти нет достоверных фактов ни в описании мщения княгини древлянам, ни в сведениях о ее поездке в Константинополь, поскольку пожилая женщина не могла очаровать женатого императора. Чтобы объяснить, почему в сочинении Константина «О церемониях византийского двора» Ольга была названа языческим именем, историк предположил, что княгиня крестилась во вторую поездку в Константинополь при Романе.⁹² Однако об этой поездке ни в одном источнике нет сведений. К тому же Роман вззошел на престол в 959 г., когда Ольга уже отправила посольство к Оттону для решения вопроса о крещении своих подданных, будучи сама христианкой.

В своем критическом отношении к Ольге Р. Г. Скрынников пошел настолько далеко, что даже решил, что она не проводила никаких реформ. Ее поездка по стране в 947 г. была простым сбором полюдья и закончилась во Пскове зимой, поэтому-то там и остались ее сани. Погосты, по его мнению, существовали и раньше и были местом торга и языческих святилищ.⁹³ Источник всех этих утверждений исследователь не указал. Ясно лишь одно – данным летописей они противоречат.

Большинство отечественных историков не поддержало точку зрения Скрынникова на деятельность Ольги. В недавно вышедшем учебнике для вузов А. Н. Сахаров вновь представил княгиню решительной, властной и дальновидной правительницей, сумевшей провести важнейшие для страны реформы (отмену полюдья и упорядочение сбора налогов) и поднять международный престиж Руси не с помощью военных походов, а путем мирных дипломатических контактов.⁹⁴

---

⁹¹ Скрынников Р. Г. История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 26.

⁹² Там же. С. 28.

⁹³ Там же. С. 30–31, 47.

⁹⁴ Сахаров А. Н., Морозова Л. Е., Рахматуллин М. А. История России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2003. С. 61–64.

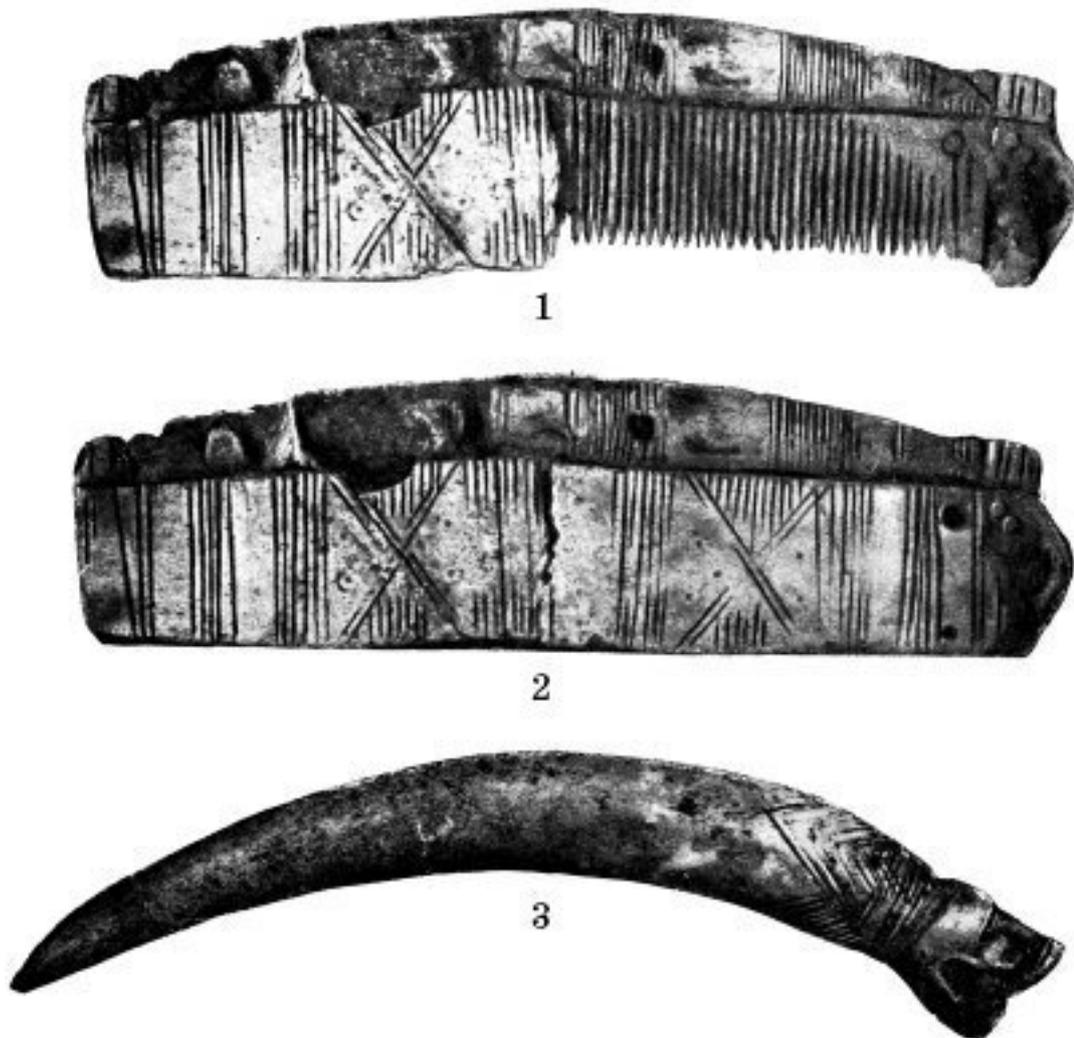

Погребальный инвентарь IX–X вв. Обнаружен в погребениях рядовых жителей Киева. Раскопки в усадьбе Десятинной церкви 1913 г. Киев. 1 – две пастовые бусы с инкрустациями; 2 – сердоликовые, пастовые и стеклянные бусы из ожерелья и подвеска-диргем; 3 – пастовые и стеклянные бусы из ожерелья.

Таким образом, подводя итог многолетнему изучению жизни и деятельности княгини Ольги, следует сделать вывод о том, что в отечественной историографии ей преимущественно дана очень высокая оценка как выдающейся государственной деятельнице. В то же время, из-за противоречивости и недосказанности сведений источников так и остались нерешенными следующие вопросы: происхождение и дата рождения Ольги, время появления на свет Святослава, была ли в реальности месть древлянам, правила ли княгиня самостоятельно и как долго,

в чем состояла суть ее реформ, когда и где она крестилась, когда, сколько раз и зачем ездила в Константинополь, каковы были взаимоотношения с другими странами, в частности с Византией и Германией, существовал ли проект крещения Руси католиками и почему провалилась миссия епископа Адальберта?⁹⁵

Естественно, что при существующей источниковой базе дать однозначный ответ на все эти вопросы нельзя. Можно лишь предложить новое толкование хорошо известных текстов. Эта попытка и предпринята в настоящей работе.

Погребальный инвентарь (IX–X вв.) рядового горожанина. Обнаружен в усадьбе Десятинной церкви. Раскопки 1913 г. Киев. 1,2 – костяной гребень в футляре; 3 – костяное острие.

Прежде всего попытаемся решить вопрос о происхождении Ольги: кем были ее родители, где и когда родилась? В древнейших Лаврентьевской и Ипатьевской летописях по этому поводу сделана только такая запись: «В лето 641⁹⁶ Игореву же возрастъшу, и хожаше по Олзе и слушае его, и приведоша ему жену от Пьскова именем Олгу».⁹⁷ Из нее ясно только одно – Ольга была псковичанкой и в 903 г. стала женой молодого князя Игоря. Никаких данных ни о ее происхождении, ни о возрасте здесь нет. Однако, исходя из косвенных соображений, можно

⁹⁵ Краткий обзор существующих в литературе споров по ряду этих вопросов представлен в кн.: Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 128–141.

⁹⁶ 903

⁹⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 28.

предположить, что она была знатной славянкой. Во-первых, ее сын получил чисто славянское имя Святослав. Во-вторых, в договоре Игоря с греками от 944 г. есть не только имя самой Ольги, но и несколько других славянских имен, чего не было в договоре с греками князя Олега от 912 г.⁹⁸ Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В договоре имя Ольги стоит третьим – после имен мужа и сына-наследника. Это говорит о ее очень высоком положении, поскольку четвертым идет имя старшего племянника князя Игоря, тоже Игоря, видимо, сына старшей сестры.

На переговорах с греками интересы Ольги представлял ее собственный посол Искусеви. Его имя представляется вполне славянским, производным от слова искусный или искусенный, т. е. опытный, мудрый, знающий.

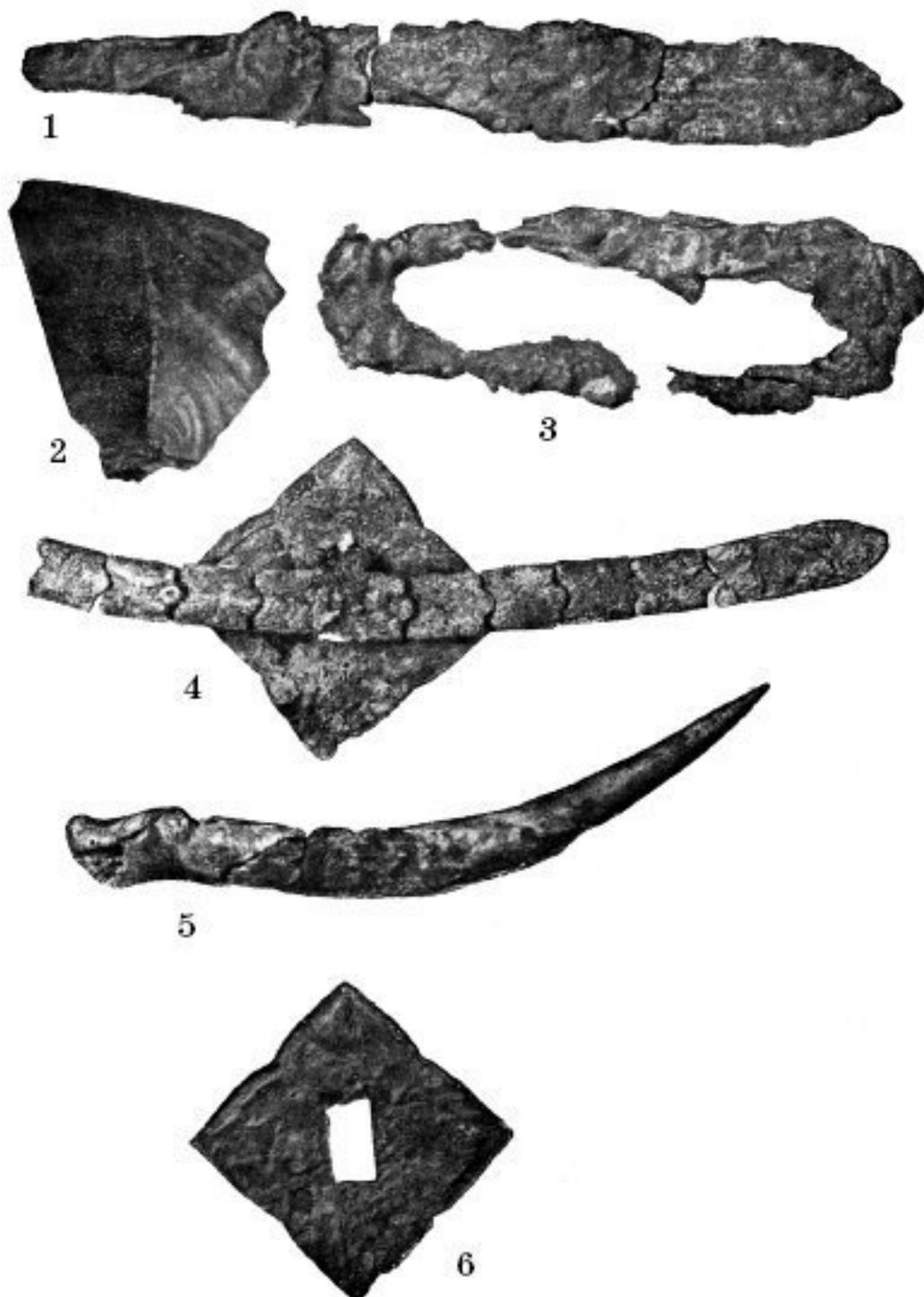
После имени племянника Игоря, тоже Игоря, в договоре значатся два славянских имени, вызывающие большие споры у исследователей: Володислав и Передслава. Поскольку около них нет никаких пояснений о том, что они являются чьими-либо мужем и женой, то напрашивается предположение, что они являются близкими родственниками Ольги, например Володислав – брат, Передслава – сестра. Далее в тексте договора стоит имя Сфандры, жены Улеба. Улеб мог быть умершим дядей Игоря, Сфандра – его женой.

За именем Сфандры в договоре значатся имена Туредува, Арефаста, Сфирка и Акуна. Только у имени последнего есть уточнение, что он являлся еще одним племянником Игоря, очевидно сыном умершей младшей сестры. В противном случае ее имя тоже должно было быть в тексте договора. Напрашивается предположение, что Туредув, Арефаст и Сфирк также состояли в родстве с Игорем. Один из них мог быть мужем умершей старшей сестры, другой – младшей. Но могло быть и так, что все трое являлись сыновьями Улеба и Сфандры и были двоюродными братьями Игоря.

Из всех этих рассуждений можно сделать один вывод: в тексте договора Игоря с греками были перечислены его родственники. В числе них, вероятно, были и ближайшие родственники Ольги, носящие славянские имена: Володислав и Передслава. При дворе князя Игоря они занимали высокое положение, выше его собственных родственников по женской линии. Значит, они не были простолюдинами, а принадлежали к местной славянской знати.

---

⁹⁸ Там же. С. 45–46.

Погребальный инвентарь, обнаружен в погребении IX–X вв. рядового горожанина в усадьбе Десятинной церкви. Раскопки 1913 г. Киев. 1 – железный нож; 2, 3 – кремь и кресало; 4 – кожаный ремешок с бронзовыми бляшками; 5 – костяное острие; 6 – бронзовая ромбовидная бляха.

Из летописей известно, что Псков не подчинялся Рюрику и, очевидно, управлялся местными князьями. К их роду, видимо, и принадлежала Ольга, вместе с братом и сестрой. (Предслава, впрочем, могла быть и женой Володислава, но в договоре уточнений на этот счет нет.) Несомненно, что брак со славянской княжной был очень выгоден варяжскому князю, желавшему ассимилироваться среди местной знати.

Можно предположить, что после смерти Рюрика положение юного Игоря было сложным. Он ведь не мог защищать границы новгородцев и обеспечивать для них безопасность на торговых путях, как это делал его отец. Вместо него это стал делать его родственник Олег. Игорю же необходимо было упрочить свое положение на Руси с помощью женитьбы на местной знатной девушке. Псков был ближайшим крупным городом, поэтому именно там и стали искать невесту для молодого варяжского князя. Ею стала Ольга, видимо, имевшая сначала славянское имя, например Олена, как сообщено в Радзивилловской летописи.⁹⁹

Дата рождения Ольги неизвестна. Но, как уже отмечалось, в Софийской I летописи, созданной в начале XVI в., уточнено, что на момент замужества ей было «лет 10».¹⁰⁰ Откуда взял эти сведения поздний летописец, нам неизвестно. Возможно, данная информация явилась плодом его собственных подсчетов наиболее вероятного времени появления на свет Святослава, который на момент гибели отца был маленьким мальчиком.

Если считать, что в Софийской летописи достоверные данные, то получается, что Ольга родилась в 893 г. Игорю в это время было около 25 лет. Точной даты его рождения в летописях нет, но отмечено, что умирающий в 879 г. Рюрик передал крошечного сына на руки Олегу.¹⁰¹

Некоторые исследователи полагали, что на момент замужества Ольге должно было быть не меньше 13 лет, якобы таким был брачный возраст в то время. Однако хорошо известно, что по политическим соображениям браки заключались в любом возрасте, а брак Игоря и Ольги таким и был – невесту варяжскому князю привез его родственник Олег.

Сведения поздних источников, в частности Никоновской летописи и Степенной книги, о том, что до замужества Ольга была простолюдинкой и работала перевозчицей на псковской реке – не более чем поэтическая легенда, созданная книжниками XVI в. Многие из них писали под руководством митрополита Макария, желавшего создать сборники Житий русских святых для самого массового читателя, в том числе и для простых людей. Поэтическая легенда о происхождении княгини Ольги должна была их заинтересовать.

---

⁹⁹ Там же. С. 28. Вариант 29.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 39. Указ. изд. С. 11.

¹⁰¹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 22.

Общий вид погребения рядового горожанина (IX–X вв.). Обнаружено в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев

В летописях практически нет никаких сведений о жизни Ольги в период замужества. Можно лишь предположить, что вместе с Игорем она находилась в Новгороде. Олег же в это время совершал завоевательные походы. Своей ставкой он сделал Киев – один из важных пунктов на пути «из варяг в греки». Здесь, видимо, взималась плата с купцов, едущих торговать в Константинополь и обратно, приносящая большой доход в княжескую казну. Кроме того, Киев стал для Олега главным опорным пунктом, из которого он совершал набеги на Византию.

Следует отметить, что в договорах Олега с греками не упоминаются ни Игорь, ни Ольга. В них единственным великим князем Русским назван Олег. В числе подчинявшихся ему городов нет Новгорода, а только Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк и Ростов.¹⁰² Это дает основание предположить, что Олег и Игорь правили на разных территориях отдельно друг от друга. Олегу подчинялись те земли, которые он сам захватил, Игорю – те, с которыми заключил договор его отец. Это земли словен, чуди, мери, веси и кривичей, которые со временем стали подчиняться новгородцам. Только после смерти, видимо, бездетного Олега, его владения отошли к Игорю, при этом древлян пришлось покорять вновь.¹⁰³

Во время военных походов мужа «на государстве» оставалась Ольга. Этот вывод можно сделать из того же договора с греками от 944 г. (по сообщениям летописей). Ведь ее имя стоит третьим, после мужа и сына. Но юный Святослав, естественно, сам править не мог. Несомненно, что в это время княгиня получила большой опыт по управлению страной. Как известно, тогда в задачу князя входило: обеспечивать безопасность подданных, разбирать

¹⁰² Там же. С. 30, 32.

¹⁰³ Там же. С. 41.

судебные тяжбы между ними и собирать с них налоги в свою пользу. Во времена Игоря налоги заменяло полюдье – сбор с подвластного населения мехов, продуктов, т. е. того, что князь считал необходимым для себя и дружинников. Согласно данным летописей, Игорь совершал военные походы в следующие годы: 914 – поход на древлян, 915 – Игорь встретил на границах своей страны печенегов и заключил с ними мир, 920 – воевал с печенегами, 941 – совершил неудачный поход на Константинополь, 944 – удачный поход на Константинополь, после которого достаточно долго продолжались переговоры о мире, заключенном-таки в следующем году. Все это время обязанности мужа должна была выполнять Ольга. Очевидно, что сбор полюдья удавался ей меньше всего. Поэтому вернувшиеся из греческого похода дружинники Игоря вдруг обнаружили, что воины из отряда воеводы Свенельда богаче их одеты и лучше экипированы. Пришлось Игорю самому отправиться к древлянам, жившим недалеко от Киева, чтобы удовлетворить запросы своих дружинников с помощью сбора полюдья. Но, как известно, эта поездка закончилась трагически – древляне с жестокостью расправились с Игорем.¹⁰⁴

Таким образом, можно предположить, что на момент гибели князя Игоря его жена Ольга уже имела определенный опыт управления страной.

Общий вид погребения рядового горожанина IX–X вв. Обнаружено в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев

Одним из наиболее запутанных фактов в биографии Ольги является время рождения ею сына-наследника Святослава. В Лаврентьевской летописи на этот счет нет никаких данных и лишь отмечено, что в год смерти отца он был маленьким мальчиком, но у него уже был кормилец, т. е. воспитатель Асмуд.¹⁰⁵ Наличие у княжича воспитателя позволяет сделать предположение о его возрасте – 3–4 года, поскольку до этого возраста дети воспитывались под присмотром женщин из окружения матери.

В Ипатьевской летописи сообщено, что Святослав появился на свет в 942 г., когда болгарский царь Симеон совершил поход на хорватов.¹⁰⁶ Однако известно, что Симеон правил только до 927 г., поэтому никак не мог совершить поход в 942 г. Получается, что рождение

¹⁰⁴ Там же. С. 53–54.

¹⁰⁵ Там же. С. 54.

¹⁰⁶ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 28.

Святослава следует отнести к периоду до 927 г. В этом случае в 945 г. ему должно было быть не меньше 18 лет, т. е. он был совершенно взрослым человеком, способным отомстить за смерть отца и править самостоятельно. Однако, по сообщениям летописей, Святослав в это время был совсем маленьким мальчиком, едва способным удержать взрослое копьё и бросить под ноги своего коня. Как уже отмечалось, подобной силой мальчик мог обладать в возрасте 7–8 лет.

Более точно определить дату рождения Святослава можно, исходя из приблизительной даты рождения у него самого старшего сына Ярополка: по сообщениям летописей в 970 г. тот начал самостоятельно править в Киеве, поскольку отец отправился в Болгарию. В это время княжичу должно было быть не меньше 16 лет – с этого возраста в то время подростки считались взрослыми. Значит он появился на свет в 954 г., когда Святославу должно было быть также не меньше 16–17 лет. Несложные подсчеты показывают, что годом рождения сына Ольги должен быть 937 или 936. Стало быть, в 945 г. ему как раз и было бы 7–8 лет. В этом случае Ольга должна была родить сына приблизительно в 45 лет, что считается вполне возможным. Для сравнения можно отметить, что великий князь Московский Василий II родился, когда его матери было приблизительно 44 г. Его старшие братья умерли еще при жизни отца, поэтому престол достался именно ему. Аналогичной могла быть ситуация и в семье Игоря с Ольгой. Кроме того, до Святослава у них могли быть дочери, которых выдали замуж за европейских правителей. Исследователи неоднократно встречали в европейских хрониках глухие известия о славянских княжнах, женах некоторых королей. К примеру, известно, что первой женой немецкого короля, а потом и императора Оттона I была знатная славянка, родившая в 929 г. сына Вильгельма, который в 25 лет стал архиепископом Майнцким. Если предположить, что женой Оттона была рано умершая старшая дочь Ольги, то тогда будет понятно, почему в 959 г. княгиня отправила посольство именно к нему. Желая крестить свою страну, она, возможно, рассчитывала на помощь бывшего зятя и внука, но те, как известно, не оправдали ее надежд.

Интересно отметить, что, согласно сообщенным в «Продолжении хроники Регинона» данным, Адальберт был отправлен на Русь именно Вильгельмом Майнцким, которому было поручено заниматься вопросом отправки миссионеров к княгине Ольге.¹⁰⁷

На вероятность того, что дочь Ольги была первой женой Оттона I, указывает и предположение исследователей о том, что женой старшего сына Святослава Ярополка была внучка Оттона I.¹⁰⁸

В те времена представители различных европейских династий любили многократно родниться друг с другом. Примером могут быть многочисленные браки между семьями киевских князей и польских и венгерских королей в XI—XII вв.

Кроме того, вполне вероятно предположение о наличии у Ольги и Игоря старшего сына, названного в честь опекуна и свата Олега также Олегом.¹⁰⁹ Именно о нем, возможно, содержались сведения в Кембриджском документе, который вызывает много споров среди исследователей. Если считать, что в то время Русь отнюдь не была единым государством и состояла из двух частей – племенного союза словен, кривичей, веси, мери и чуди на северо-западе и отво-еванной у хазар южной части, то в ней вполне могли быть два правителя: Игорь, по договору со старейшинами, возглавлял племенной союз, а его старший сын властвовал на юге, постоянно совершая новые завоевательные походы. Поскольку второй Олег, согласно данным Кембриджского документа, погиб еще при жизни отца, то автор Начального свода мог вообще ничего о нем не сообщать. Ведь его целью было показать преемственность власти внутри княжеского рода.

¹⁰⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 304.

¹⁰⁸ Там же. С. 308–312.

¹⁰⁹ Вернадский Г.В. Киевская Русь, Тверь, 1996. С. 41.

Таким образом, представляется, что в позднем появлении у Ольги сына Святослава ничего необычного не было. У княгини могли быть и другие дети до него, например дочери, рано вышедшие замуж. Предположительно годами рождения Святослава можно считать 936 или 937 г. В летописях они оставлены пустыми, поскольку писавший во второй половине XI в. летописец вряд ли имел четкое представление о событиях этого времени. Основными его источниками, скорее всего, были рассказы старожилов, которые плохо помнили даты.

При князе Игоре, как отмечалось, в общей иерархии знати Ольга занимала очень высокое место, выше были только муж и сын. Все остальные родственники, даже мужского пола, были ниже. Однако после гибели Игоря от рук древлян все могло измениться. Ведь юный Святослав был неспособен водить в бой дружину, собирать полюдье, разбирать судебные тяжбы, т. е. выполнять функции правителя. За него это должен был делать какой-либо опекун из числа взрослых родственников или видных военачальников Игоря. В этом случае положение Ольги могло измениться в худшую сторону – она становилась всего лишь матерью не имевшего власти княжича.

Однако, как известно из летописей, княгиня решила сама стать соправительницей сына. Но для этого ей необходимо было показать свою силу, твердый характер, способность водить дружину и управлять подданными. Все это она могла продемонстрировать во время мести древлянам за убийство мужа. Если бы она это не сделала, то не только потеряла бы власть, но и страну. Киевляне и дружинники не стали бы подчиняться слабой женщине с маленьким ребенком на руках, древляне провозгласили бы себя независимым княжеством, их примеру последовали бы и другие племена. В итоге Древнерусское государство развалилось бы на составные части, а в Киеве вспыхнула бы ожесточенная борьба за власть между родственниками Игоря и ведущими полководцами.

Погребальный инвентарь из погребений рядовых горожан IX–X вв. Обнаружен в усадьбе Десятинной церкви в 1913 г. Киев. 1 – стеклянные, сердоликовые, хрустальные, янтарные и серебряные с зернью бусы, два серебряных височных кольца, трехбусинная серьга, пластичный серебряный перстень; 2 – стеклянные, сердоликовая, хрустальная и пастовая бусы; 3 – стеклянные бусы; 4 – стеклянные и сердоликовые бусы.

Сложная ситуация, в которой оказалась Ольга после смерти князя Игоря, заставила ее быть хитрой, изворотливой, отважной и даже жестокой. Ведь ей приходилось защищать не только права на власть свои и сына, но и жизнь обоих. Победитель междоусобицы непременно расправился бы с ними.

Некоторые исследователи, как уже отмечалось, отрицали достоверность летописных рассказов о мести Ольги древлянам. По их мнению, женщина не могла быть такой мстительной и кровожадной. Однако стать такой Ольгу заставили сами древляне, убившие ее мужа с невероятной жестокостью. По сообщению византийского историка Льва Диакона, Игоря привязали за руки и за ноги к двум склоненным деревьям и отпустили их. В итоге князь был буквально разорван пополам. После этого его останки без всяких почестей были зарыты в землю.¹¹⁰ Известие о бесславной гибели мужа, принесенное древлянскими послами, желавшими сосватать ее за своего князя Мала, не могло не вызвать глухую ярость в сердце Ольги. На наглую демонстрацию силы и жестокости она должна была ответить еще большей жестокостью, но не сразу и не демонстративно, поскольку она не была уверена в поддержке киевлян и дружины мужа. Поэтому первое древлянское посольство было принято в загородном дворце Ольги и уничтожено так, что и следов от него не осталось.

Ольге было важно все проделать тихо и тайно, чтобы в Древлянской земле ничего не узнали о гибели послов. Для усыпления бдительности Мала она тут же отправляет к нему свое посольство, которое сообщает ему о ее согласии стать его женой. Но при этом тот должен выполнить следующие условия: прислать более пышное посольство, состоящее из самых знатных людей, и организовать достойные похороны князя Игоря. Поскольку в этих просьбах ничего необычного не было, Мал с готовностью их исполняет. Таким образом, Ольга получает возможность расправиться со всей древлянской знатью: часть перебили в составе второго посольства, остальных – во время поминальной трапезы по Игорю. В их числе, вероятно, был и сам Мал, поскольку его имя больше в летописях не упоминалось.

---

¹¹⁰ Лев Диакон. История. Кн. 6. СПб., 1820. С. 66.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении IX–X вв. рядового горожанина. Раскопки в усадьбе Успенского собора 1913 г. Киев. 1 – стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы; 2, 3 – подвески-диргемы; 4 – восемь височных колец с несомкнутыми концами.

Следует отметить, что во время первой поездки в Древлянскую землю с небольшим окружением Ольга очень рисковала. Ведь если бы кто-то проговорился Малу о ее жестокой расправе с древлянскими посольствами, ей грозила бы смерть. Но княгиня продемонстрировала всем невероятную отвагу, хитрость и выдержку. Видимо, поэтому никто не решился ее предать.

Победительницей вернулась Ольга в Киев. Своими собственными малыми силами она смогла отомстить убийцам мужа и существенно подорвать мощь восставших древлян. Естественно, что в этих условиях дружинники Игоря полностью поддержали княгиню, согласились встать под ее знамена, чтобы нанести древлянам окончательный удар. Хотя маленький Святослав мог не участвовать в походе, Ольга, видимо, взяла его специально, чтобы дружинники видели своего будущего полководца. При этом она и сама едет, чтобы держать под контролем все происходящее.

Первый же бой с древлянами, как известно, закончился их полным разгромом. Но потом Ольге пришлось достаточно долго осаждать столицу Искоростень. Взята она была только при помощи хитрого приема – поджога с использованием птиц. Некоторые историки решили, что в реальности такой способ поджога города невозможен – птицы не полетят в свои гнезда с привязанным к ним горящим трупом. Однако еще Н. М. Карамзин нашел в одной европейской хронике повествование о том, как будущий зять Ярослава Мудрого Харальд применил подобную хитрость при взятии сицилийского города.¹¹¹ (Ныне этот источник переведен и опубликован.¹¹²) Значит, подобный прием был хорошо известен в то время и достаточно эффективен.

---

¹¹¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 269.

¹¹² Рыдзиевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX—X вв. М. 1978. С. 55–56.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребениях IX–X вв. рядовых жителей Киева. Раскопки 1937 г. в районе Художественной школы. 1 – сердоликовые, стеклянные, пастовые и серебряные бусы, серебряная лунница и височное кольцо с завязанными концами; 2 – серебряное височное колечко и железные гвозди от гробовища.

Н. М. Карамзин, желая убедиться в том, что поход Ольги на Искоростень был в действительности, отправился на Украину для поиска места, где он мог находиться. На Волыни, около р. Уша, он обнаружил остатки древнего городища с земляными валами и проездными воротами. Рядом располагались деревенька Шатрицы, которая, по мнению ученого, получила свое название от места стоянки войска Ольги.¹¹³

¹¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 269.

Доказательством реальности похода Ольги на древлян может служить тот факт, что это племя вновь стало подчиняться киевским князьям. Искоростень после сожжения, видимо, запустел, так как новой столицей стал город Овруч. Туда в 970 г. Святослав отправил на княжение своего младшего сына Олега, поскольку местная княжеская династия, очевидно, прекратила свое существование.

Следует отметить, что для автора Начального свода, писавшего во второй половине XI в., время правления Ольги было не таким уж далеким прошлым – каких-то 100 лет назад. В молодости он даже мог быть знаком с людьми из окружения княгини. Поэтому он точно указал, где был терем Ольги, где находилась пристань, к которой приставали древлянские послы, где была могила князя Игоря.¹¹⁴ Несомненно, что все сведения об Ольге он узнал от старожил, хорошо запомнивших яркие эпизоды, но путавшихся в датах, которые обычно быстро забываются.

Все это говорит о том, что в летописном рассказе о мести Ольги древлянам нет ничего нереального и легендарного. Данные события, несомненно, были в действительности, поскольку без них княгине не удалось бы удержать власть в своих руках и стать соправительницей малолетнего сына.

Реальными следует считать и сведения летописей о проведенных Ольгой реформах налогообложения. Убийство Игоря древлянами показало, что в этом вопросе много недостатков. Произвольный сбор полюдья мог привести к новому выражению недовольства подданных. Сначала княгиня определила размер дани, которую должны были платить древляне. Две трети ее отправлялись в Киев на содержание дружины, обеспечивающей безопасность границ и сопровождавшей в Византию караванов купцов. Одна треть шла непосредственно в казну Ольги, которая, очевидно, находилась в принадлежащем ей Вышгороде. Кроме того, древляне должны были выполнять общегосударственные повинности, определяемые уставами и уроками. Например, сооружать мосты через топи и небольшие речки во время поездок через их территорию княгини или ее людей. Там же Ольга наметила места своих стоянок и охотничьих угодий.¹¹⁵

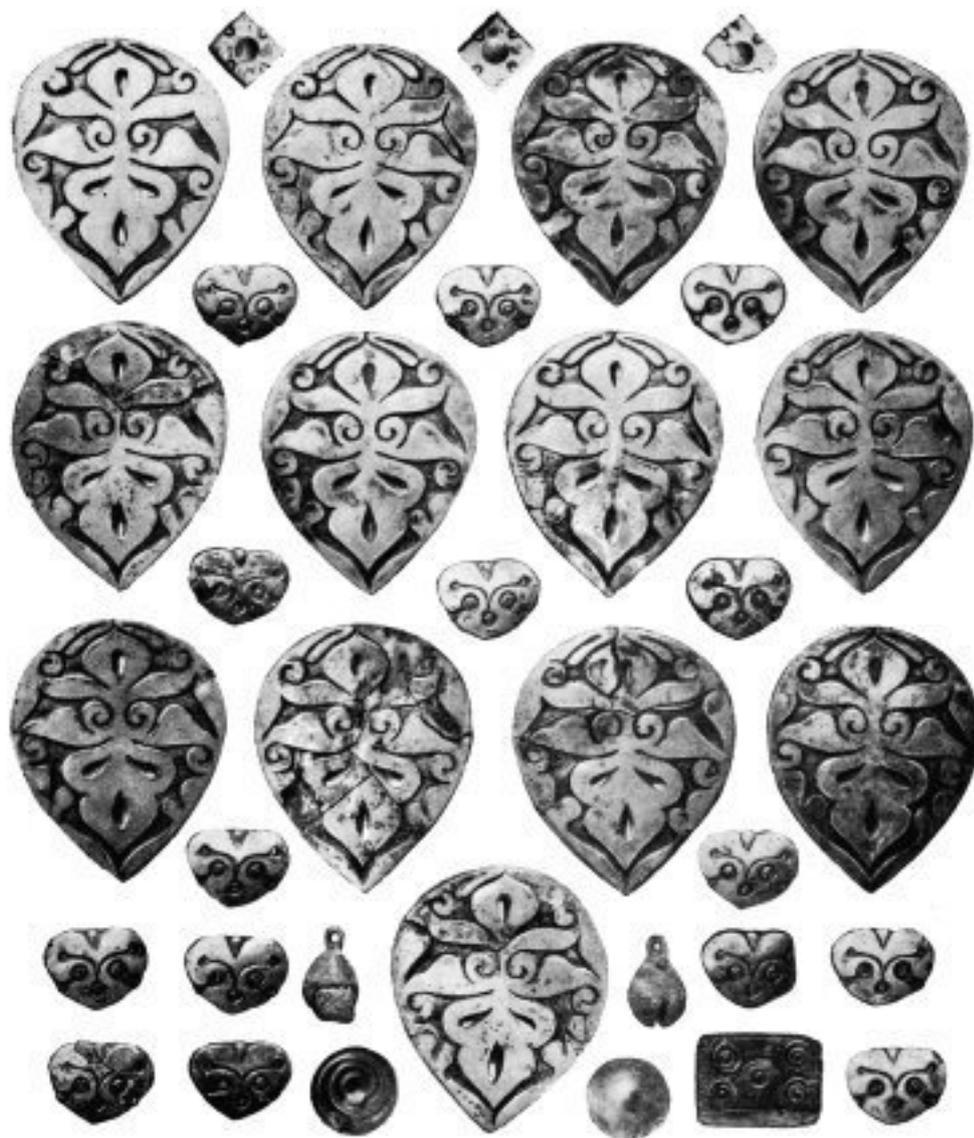
В следующем году, 947, Ольга отправилась в Новгород. Там на окраинах новгородских владений по рекам Мста и Луга она наметила места, куда следовало привозить дань, четко определив ее размер. Там же особыми знаками она выделила места для своей охоты, рыбной ловли и отстрела дичи.¹¹⁶ Все это было сделано для предотвращения конфликтов с местным населением.

---

¹¹⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 54.

¹¹⁵ Там же. С. 58.

¹¹⁶ Там же. С. 59.

Серебряные бляхи, стеклянные шашки, игральная кость, бубенчики. Обнаружены в погребении IX–X вв. знатного дружинника с конем. Раскопки 1990 г. в усадьбе Фурмана. Киев

Летописец пишет, что и через 100 лет можно обнаружить следы деятельности Ольги: сани, особые знаки, отмечающие на Днепре и Десне места, где для нее ловили дичь, рыбу; сохранило свое название и принадлежащее ей село¹¹⁷ Будутино.

Несомненно, что личные доходы княгини Ольги были весьма значительными. На что же она их тратила? Об этом можно только догадываться. В Вышгороде, вероятно, существовала прекрасно отстроенная резиденция с красивыми жилыми помещениями и обширными хозяйственными постройками. В них хранились большие запасы зерна, круп, овощей, заготовленных впрок рыбы, мяса, молочных продуктов, а также всевозможные напитки, включая привозимое из Византии вино.

В распоряжении княгини была личная дружина и множество прислужников и прислужниц. Можно предположить, что Ольга окружала себя молодыми и привлекательными людьми, как это всегда делали русские государи. Всех их она стремилась красиво одевать, чтобы в глазах иностранных гостей ее свита выглядела особенно пышно. В итоге, одна из Ольгиных при-

¹¹⁷ Там же. С. 58–59.

служниц, ключница Малуша, очень приглянулась княжичу Святославу, вероятно, уже имевшему жену и двух сыновей. Результатом связи стало рождение сына, названного Владимиром. В древнейших летописях ничего не сообщено о дальнейшей судьбе любовницы Святослава. В поздней Никоновской летописи есть данные о том, что Ольга разгневалась на прислужницу и сослала ее в свое псковское село Будутино.¹¹⁸ Однако Владимира она признала внуком и стала воспитывать наравне с законными сыновьями Святослава, Ярополком и Олегом. Об этом известно из сообщений летописей о том, что в 968 г. княгиня вместе с тремя внуками оказалась в осажденном печенегами Киеве.¹¹⁹

Вполне вероятно, что у Ольги был свой двор и в родном Пскове. Несомненно, княжеский дворец был и на Городище близ Новгорода. Но поскольку он был деревянным и в дальнейшем многократно перестраивался потомками Ольги., его остатки не сохранились. В этом отношении больше повезло киевским дворцам княгини – каменным. Их фундаменты археологи обнаружили в ходе раскопок еще в XIX в. Результаты многолетней работы были обобщены в фундаментальной двухтомной монографии М. К. Картера «Древний Киев», где ученый отметил, что только в середине X в. три разрозненных небольших поселения, существовавших на территории Киева, начали соединяться в единое целое. Центром их стала княжеская резиденция на Андреевой горе, которая по площади была даже меньше небольшого Владимирова городка – резиденции Владимира I.

Кольцевая серебряная фибула. Обнаружена в погребении IX–X вв. знатного дружинника с конем. Раскопки 1990 г. в усадьбе Фурмана. Киев

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 9–10. М., 1965. С. 35.

¹¹⁹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 64.

В центре резиденции Игоря, Ольги и Святослава находилось языческое капище, сложенное из камней. По форме оно напоминало окружность с четырьмя выступами. Как оно выглядело в реальности, археологи не смогли понять.¹²⁰

Следуя указаниям летописей, археологи обнаружили два каменных дворца Ольги: один на городище, другой – загородный. Первый представлял собой внушительную постройку с толщиной стен у фундамента 1,5 м, длиной 18 м, ширину постройки определить не удалось.¹²¹ Загородным дворцом Ольги археологи считают остатки достаточно большого здания на территории бывшей усадьбы Трубецкого. По форме его фундамент напоминал многоугольник, стены соединялись друг с другом под тупым углом. Вероятно, это было парадное помещение для пиров и дипломатических приемов.¹²²

Раскопки захоронений позволили ученым сделать выводы о населении Киева в X в., об одеждах мужчин и женщин, о предметах, использовавшихся в быту. Оказалось, что по этническим социальным признакам население было довольно разнообразным. Среди захоронений встречалось трупосожжение, характерное для славян-язычников, труположение скандинавского типа и переходный вариант, когда тело умершего не сжигали, но посыпали пеплом. Встречались и могилы с костяком, обсыпанным зерном. Наиболее богатые захоронения представляли собой несколько деревянных срубных камер, в которых находился не только сам умерший, но и его рабыня и конь.

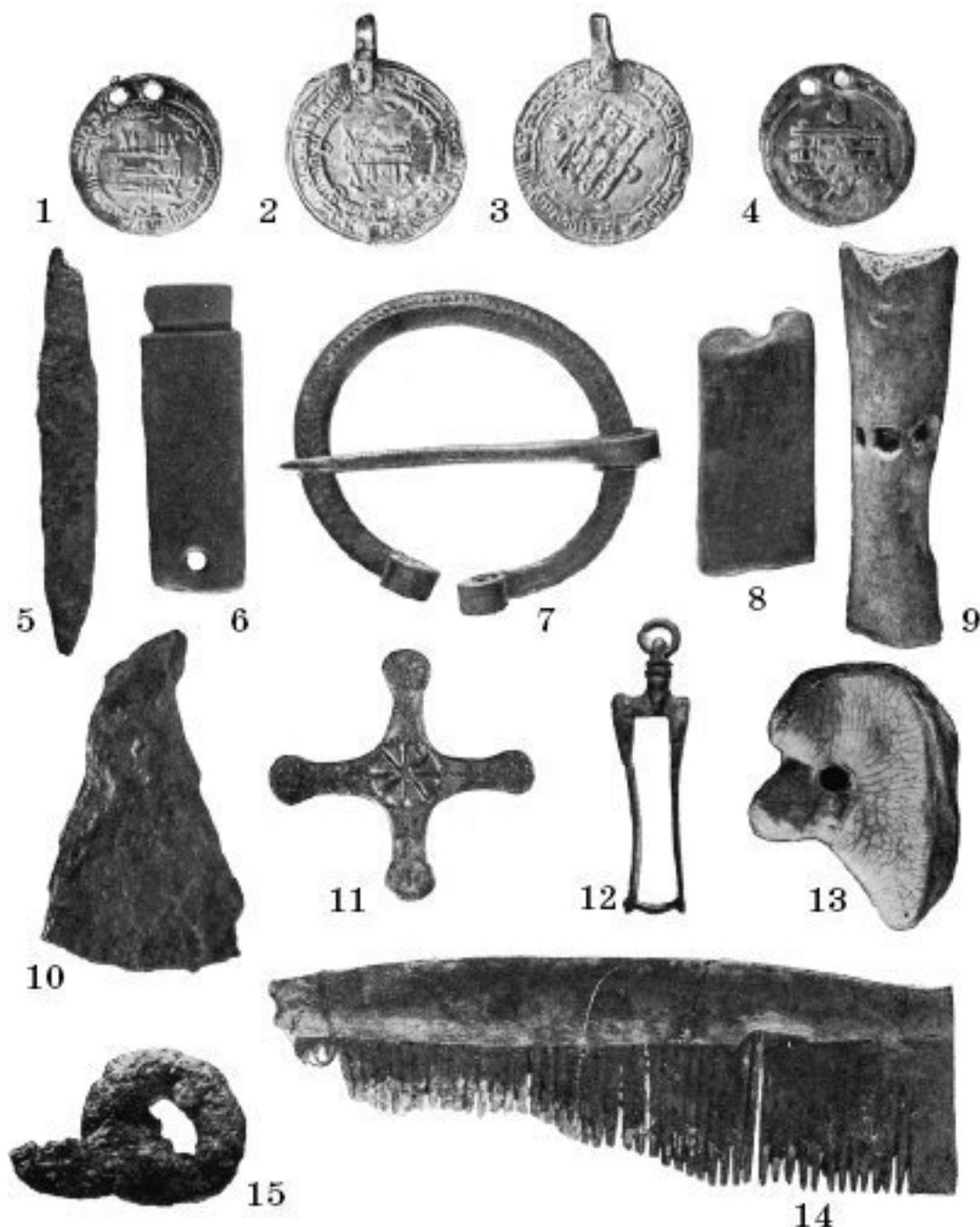
Некоторые исследователи высказали мнение о том, что в X в. на Руси вместе с князьями хоронили их жен, поэтому Ольга якобы должна была лежать в одной могиле с Игорем. Однако археологи доказали, что обычая хоронить жен вместе с мужьями никогда не было. Их заменяли рабынями. Доказательством для этого вывода служили довольно-таки скромные украшения женщин, захороненных вместе с мужчинами. Они были много беднее, чем в могилах знатных киевлянок.

---

¹²⁰ Каргер М. Н. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 107–111.

¹²¹ Там же. С. 264–265.

¹²² Там же. С. 266.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении IX–X вв. знатного мальчика. Раскопки 1909 г. в усадьбе Десятинной церкви. Киев. 1–4 – подвески-диргемы, 5 – железный ножичек, 6, 8 – миниатюрные оселки, 7 – бронзовая пряжка, 9 – костяная свистулька, 10 – миниатюрный топорик, 11 – крестообразная серебряная накладка, 12 – коромысло миниатюрных бронзовых весов, 13 – просверленная пяточная кость, 14 – костяной гребень, 15 – железное изделие.

Что же нашли археологи в киевских могилах X в.? В бедных мужских захоронениях встречались железные ножи с костяными рукоятками, кресало и кремь, костяные гребни. В бедных женских могилах были простые ожерелья, височные кольца, серьги, редко перстни из простых металлов, а также глиняные сосуды с остатками пищи. Ожерелья состояли преимущественно из стеклянных пастовых бус восточного происхождения, металлические изделия были местного производства. Среди скромных захоронений обнаружили могилу купца. Определили

это потому, что в ней находились медные чашки от весов, складное коромысло к ним и 9 гирек. Там же оказалась золотая византийская монета.¹²³ Наличие только одного захоронения купца свидетельствовало об отсутствии среди постоянного населения Киева торговцев. Они, видимо, находились в этом городе проездом. Основное население составляли ремесленники и обслуга княжеской резиденции. Их могил было найдено более 100.

Значительно меньше было захоронений знатных и богатых мужчин, очевидно дружинников – всего 18. Все они находились в деревянных срубках, перекрытых бревенчатым настилом. Их особенностью являлось богатое вооружение, драгоценные украшения, остатки пышной одежды и рядом костяки рабыни и коня в роскошной сбруе. Мечи, как правило, были франкского образца с серебряными рукоятями, украшенными гравировкой. Среди вооружения были также боевые топоры и металлические наконечники стрел. Хотя ткани практически не сохранились, представление об одежде мужчин дают остатки кожаных панцирей, обильно украшенных серебряными бляшками. Серебряные нашивки были также на кожаных ремнях. В качестве подвесок на шее использовались серебряные монеты – диргемы. Кроме того, в богатых могилах были обнаружены стеклянные игральные шашки и костяные астрагалы для игры в кости, костяные гребни с красиво отделанными серебром рукоятями, глиняные сосуды, деревянные ведерки, просверленные раковины и многое другое.¹²⁴ Все эти находки свидетельствовали о том, что во времена Ольги знатные мужчины одевались богато, обильно украшая одежду гравированными серебряными бляшками, оружие было западного образца и привозилось из Европы. Развлекаться они любили игрой в шашки и кости.

---

¹²³ Там же. С. 525–526.

¹²⁴ Там же. С. 166–175.

Костяная ложка, обнаруженная в погребении IX–X вв. знатного мальчика. Раскопки 1909 г. в усадьбе Десятинной церкви. Киев

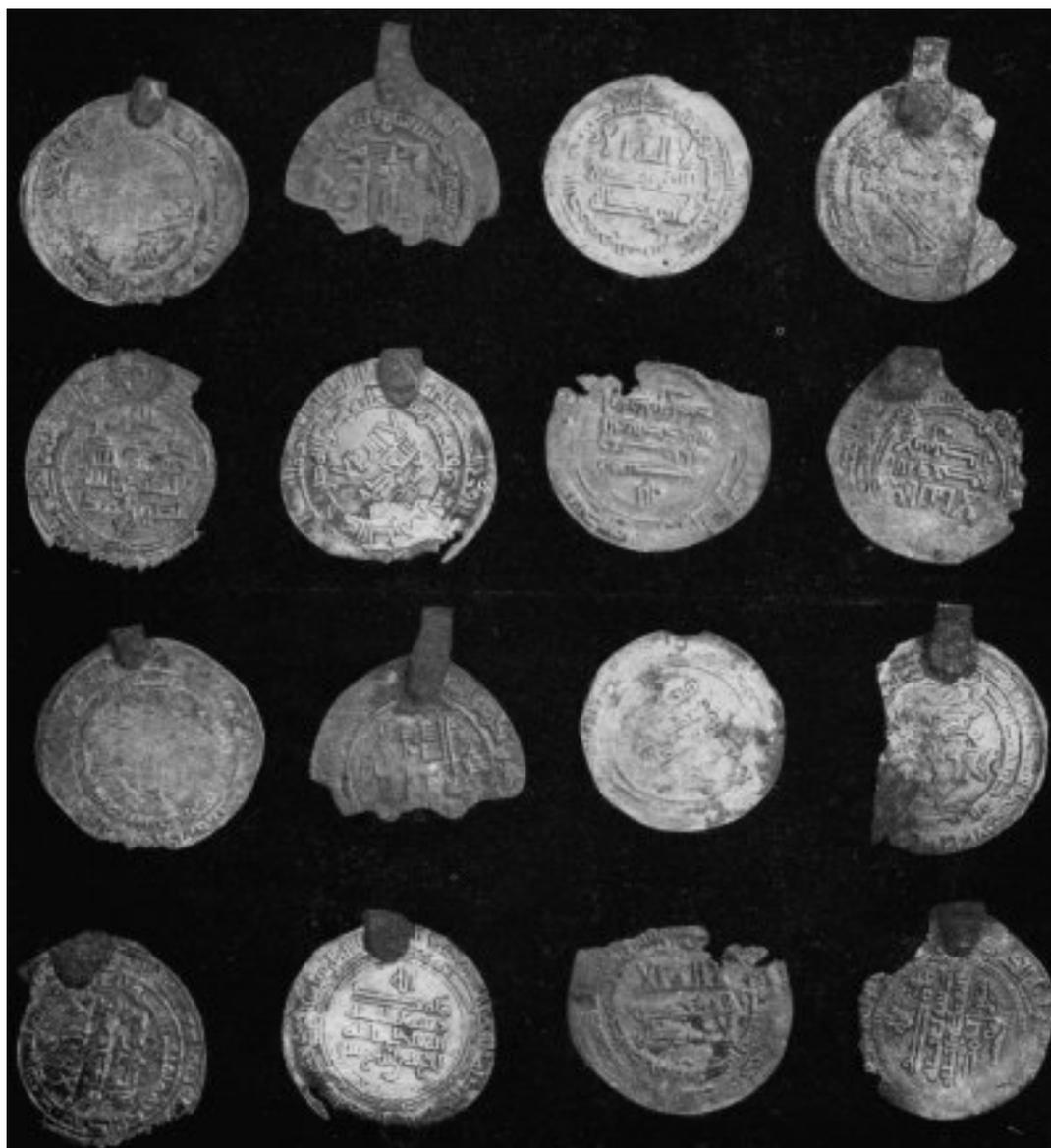
Среди человеческих захоронений археологи обнаружили могилу, в которой был похоронен только конь. Его сбрую украшали более 200 бронзовых и серебряных бляшек. Некоторые из них были в форме пятиконечных звезд, другие – круглые, третьи – четырехугольные. Несомненно, этот конь был боевым другом знатного хозяина, который очень его любил.¹²⁵ В связи с этим захоронением вспоминается легенда о Вещем Олеге и его коне. Возможно, она имела реальную основу.

Особый интерес у археологов вызвало захоронение знатного мальчика. В нем было обнаружено много глиняной и деревянной посуды с остатками тризны, а также детские игрушки: набор «бабок», состоящий из 157 астрагалов с гравировкой, костяная свистулька, маленький железный топорик, ножичек с костяной ручкой, маленькие весы, три кабаньих клыка и множество просверленных раковин. Грудь ребенка украшали два серебряных диргема и серебряная накладка. Серебряными были и пуговицы на одежде.¹²⁶ Находки дают представление об игрушках мальчиков в X в. Это: детское оружие, «кости», свистульки, весы, с помощью которых можно было играть в торговлю. Вполне вероятно, что и у Святослава был такой же набор.

---

¹²⁵ Там же. С. 188–189.

¹²⁶ Там же. С. 176.

Подвески-диргемы, обнаруженные в погребении IX–X вв. знатного дружинника с женщиной. Раскопки 1936 г. в усадьбе Художественной школы. Киев

Следует отметить, что других детских захоронений не было обнаружено, поэтому можно предположить, что знать постоянно не жила в Киеве в это время. Подтверждает это сравнительно небольшое количество захоронений знатных женщин – их всего 4 за целый век. Но по ним можно получить некоторое представление об одежде княгини Ольги и женщин из ее окружения. Главным их украшением являлись роскошные ожерелья, состоящие из нескольких нитей. Бусинки были сердоликовыми, стеклянными пастовыми и серебряными с зернью. Среди бусинок встречались золотые и серебряные византийские монеты с просверленными дырочками и плоские белые перламутровые раковины. Застежками на одежде являлись серебряные с позолотой фибулы и серебряные же пуговицы. В одном из наиболее богатых захоронений были обнаружены остатки золотой парчи с вышитыми серебряными нитями узорами. Из парчи был сделан и головной убор, к которому были приделаны золотые височные кольца. Руки умершей женщины украшали серебряные браслеты, пальцы – золотые кольца, по два на каждой руке. Несохранившийся пояс застегивала подковообразная серебряная пряжка. Несомненно, эта женщина принадлежала к высшей знати и никогда не занималась тяжелым ручным трудом. Поэтому в ее могиле не было обнаружено никаких орудий труда. Для сравнения можно

отметить, что в захоронениях простолюдинок встречались ножницы, точильные бруски, деревянные ведерки и ковшики.¹²⁷

Археологи тщательно исследовали найденные в захоронениях вещи, чтобы определить их происхождение. В итоге выяснилось, что височные кольца относятся к «волынскому типу», распространенному в Среднем Поднепровье и на Волыни. Деревянные ведерки встречались в славянских погребениях около Чернигова, Смоленска и на Волыни. Вероятно, они предназначались для меда. Стекланные шашки встречались и в других богатых погребениях. Это позволило сделать вывод о распространении этой игры и среди знатных женщин. А вот астрагалы – «бабки» – были найдены и в бедных захоронениях. Значит, эта игра имела массовое распространение.

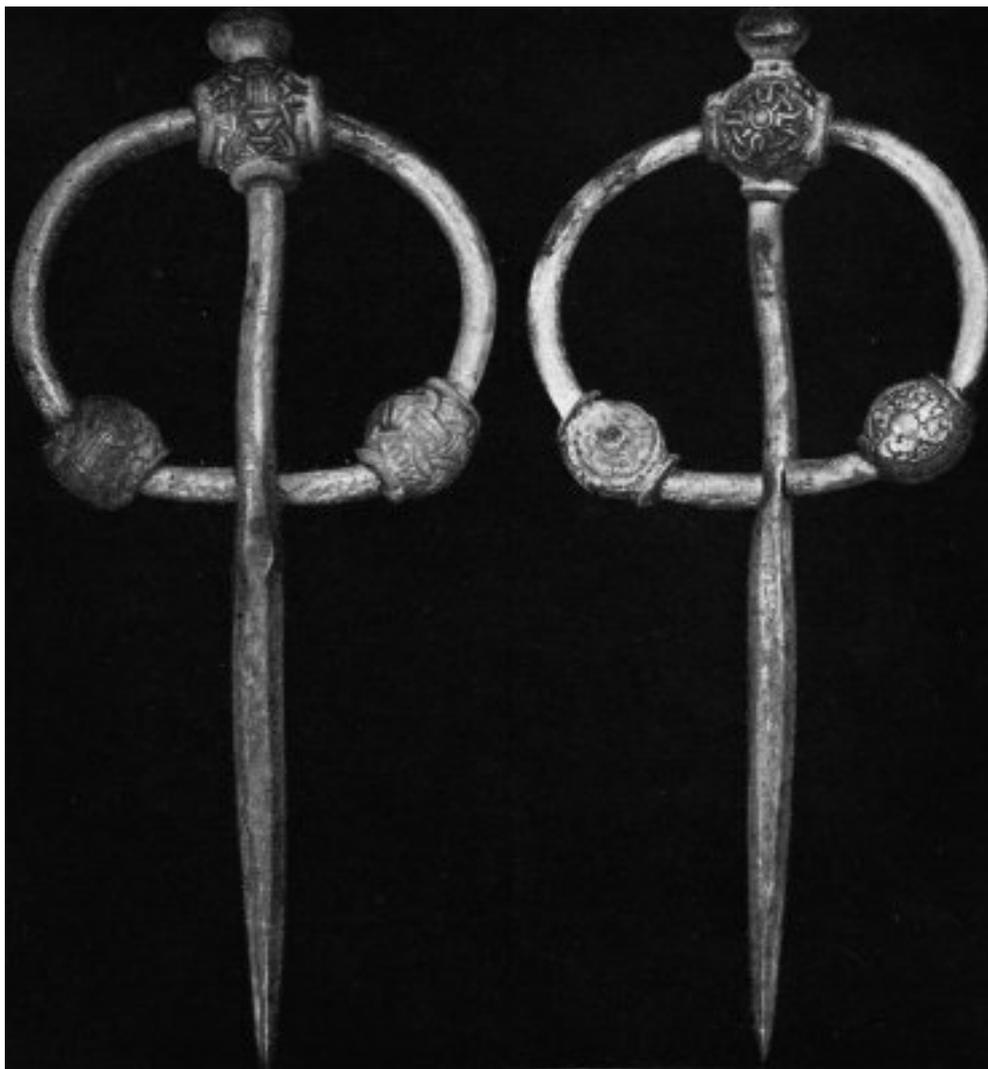
Анализ всего погребального инвентаря, обнаруженного в древнейших погребениях, позволил пересмотреть устоявшееся мнение о большом влиянии Византии на становление древнерусской культуры в X в. Греческих вещей среди него очень мало – только 4 монеты IX—X вв. Значительно больше было обнаружено изделий восточного происхождения: монеты-диргемы, превращенные в подвески, пастовые бусы, бронзовые курительницы и т. д. Они свидетельствовали об устойчивых торговых связях с Халифатом. На торговые контакты с Западной Европой указывали франкские мечи у знатных воинов.¹²⁸

Находки в погребениях позволили развеять еще один миф о том, что киевская знать в X в. преимущественно была скандинавского происхождения. Варяжским элементом в одежде можно было считать только серебряные фибулы, найденные и в женских и в мужских могилах. Но они одни, естественно, не дают оснований делать однозначный вывод об этническом составе населения Киева в это время. Он, скорее всего, был смешанным. При этом киевляне, очевидно, имели самые разнообразные торговые контакты – со странами и востока, и юга, и севера, и запада.

---

¹²⁷ Там же. С. 205–211.

¹²⁸ Там же. С. 212–217.

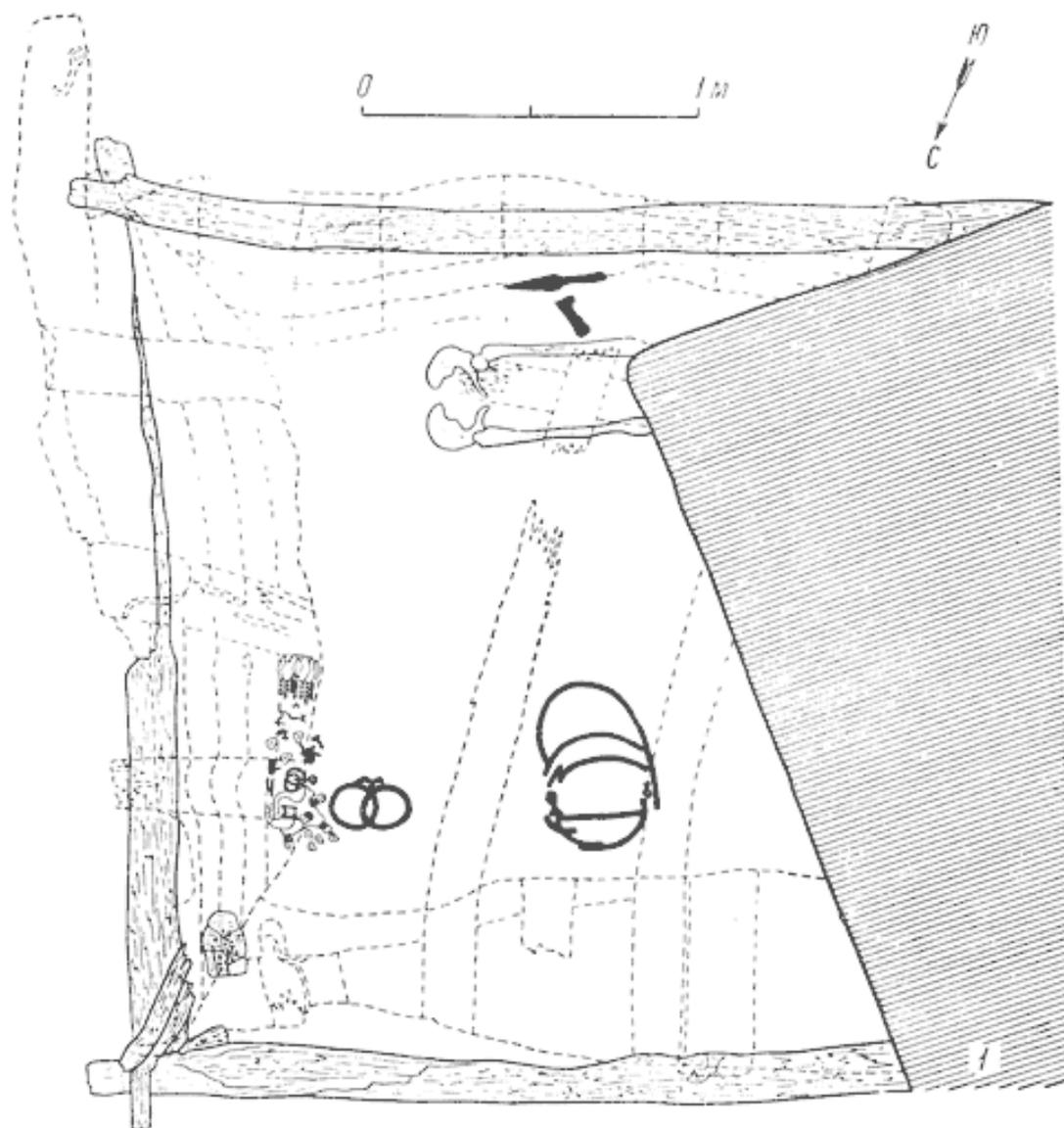

Кольцевая серебряная фибула, обнаруженная в погребении IX–X вв. знатного дружинника с женщиной. Раскопки 1936 г. в усадьбе Художественной школы. Киев

Таким образом, археологические раскопки Древнего Киева позволили сделать вывод о его населении, во времена Ольги это преимущественно простые люди, ремесленники и обслуга знати. Из высших слоев общества основу составляли воины-дружинники. Знатных женщин мало, а детей почти не было. Причина этого, видимо, заключалась в географическом положении. Киев в то время был окраинным городом, и жить в нем было небезопасно.¹²⁹

Находки в богатых женских захоронениях позволяют представить, как выглядела княгиня Ольга. Голову, вероятно, украшал головной убор из золотой парчи с вышивкой из драгоценных камней. К нему были приделаны золотые височные кольца. Сверху на голову накидывалось шелковое покрывало, украшенное по краям драгоценной вышивкой. Платье было в виде удлиненной рубашки с глухим воротом и длинными рукавами. На талии его стягивал кожаный пояс с драгоценной пряжкой. Шею и грудь украшали ожерелья, состоящие из нескольких нитей сердоликовых, пастовых и серебряных бус. На руках были браслеты и кольца из драгоценных металлов. Сверху на платье была наброшена накидка из бархата или шелка, скрепленная фибулой.

¹²⁹ Там же. С. 218–220.

Погребение IX–X вв. знатного дружинника. Раскопки 1939 г. в усадьбе Десятинной церкви. Киев. 1 – план.

Чтобы иметь такие роскошные наряды, княгине приходилось заботиться о преумножении своих доходов и покровительствовать торговле. Как отмечалось в летописях, Ольга несколько лет занималась обустройством своей страны. В 946 г. она провела налоговую реформу в Древлянской земле. В 947 г. ездила с той же целью по окраинам Новгородской земли. Хотя на верховную власть, по завещанию Игоря, права имел только Святослав, он ни в чем не противоречил матери и, как подчеркнуто в летописях, «пребывал с ней в любви».¹³⁰ Такие взаимоотношения с подрастающим сыном позволили Ольге встать во главе Древнерусского государства и самостоятельно решать все внешние и внутренние проблемы.

¹³⁰ Там же. С. 59.

Погребение IX–X вв. знатного дружинника. Раскопки 1939 г. в усадьбе Десятинной церкви. Киев. 2 – общий вид могильной камеры.

Некоторые исследователи предположили, что Святослав со своим окружением отправился в Новгород, Ольга же осталась полновластной хозяйкой Киева. Основанием для подобного мнения послужили данные летописей о том, что княжич рос отнюдь не под «крылом матери». Он превосходно освоил воинское искусство, легко переносил любые жизненные невзгоды, был неприсотлив в пище и одежде, мог спать на земле, подложив под голову седло.¹³¹ Естественно, что стать таким закаленным воином в княжеских теремах было невозможно. Значит, Святослава воспитывала не мать, а воеводы Игоря, совершавшие с ним многодневные военные походы. В Новгородской земле надобности в подобных рейдах не было, напротив, около Киева всегда существовала опасность нападения степняков, поэтому дружинникам приходилось постоянно нести дозорную службу. У них Святослав как раз и мог набраться военного опыта, закалиться и стать равнодушным к бытовым невзгодам. Из этих рассуждений напрашивается вывод о том, что Ольга, скорее всего, правила в Новгороде, а Святослав чаще находился с дружинниками в Киеве. При этом его главной обязанностью было охранять границы государства и торговые пути. Ольга же собирала дань, разбираала судебные тяжбы, благоустраивала резиденции, принимала послов, а потом занялась воспитанием внуков.

Следует отметить, что о жене Святослава в летописях нет никаких сведений. В. Н. Татищев утверждал, что его супругой была дочь какого-то венгерского князя, но Н. М. Карамзин считал это известие ложным.¹³² При отсутствии точных данных можно по этому поводу лишь высказать некоторые предположения. Например, невестка Ольги могла рано умереть, поэтому княгиня и вынуждена была стать попечительницей внуков. Другой вариант – после интрижки Святослава с Малушей его знатная супруга устроила скандал и вернулась на родину. В любом случае современники почему-то не запомнили, на ком женился сын Ольги и от кого у него были двое старших сыновей. При этом имя Малуши оказалось зафиксированным в летописях. Произошло это, видимо, потому, что ключница являлась славянкой, лицом, хорошо известным при княжеском дворе. Законная же супруга Святослава была иностранкой, жившей достаточно изолированно, только со своим окружением.

¹³¹ Там же. С. 63.

¹³² Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 265.

Святослав, судя по всему, был не слишком семейным и склонным к оседлому образу жизни человеком, поскольку приблизительно в 27 лет он начал ежегодно отправляться в завоевательные походы. Ольга не смогла передать ему свой государственный ум, способность решать многие конфликтные ситуации мирным путем, быть ловким политиком, опытным реформатором и заботиться о благе подданных. Святослав вырос только воином-завоевателем.

Проводя реформу налогообложения, Ольга наверняка использовала опыт зарубежных стран в этом отношении. О порядках в Византии или Западной Европе она могла узнать от разъезжавших по всему свету купцов. Они могли рассказать ей о законодательстве как о необходимом атрибуте любого государства. Конечно, разработка фундаментального свода законов, видимо, была достаточно сложным делом в то время, но простой устав княгиня все же создала. О нем упоминается в летописях. Потом он, очевидно, был дополнен ее внуком Владимиром и оформлен в виде первого русского законодательного памятника – Устава князя Владимира. Еще дальше пошел правнук княгини Ярослав Мудрый, создавший Русскую правду, фундаментальный свод законов. Чуть позже сыновья князя, Ярославичи, существенно его дополнили.

В летописях нет никаких сведений о том, чем занималась Ольга после проведенных реформ целых 7 лет – с 948 по 954 г. Только под 955 г. отмечено: «Иде Ольга в Греки и приде Царюгороду», т. е. в Константинополь.¹³³ В данном случае зафиксирована знаменитая поездка княгини в Византию, описанная в целом ряде зарубежных источников: сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», «Продолжении хроники Регинона», хрониках Иоанна Скилицы и Иоанна Занары. Как уже отмечалось, из-за противоречивости данных этих текстов в исследовательской литературе не утихают споры по поводу даты и целей поездки. Попробуем представить свою версию этого события.

Несомненно, визит Ольги в Константинополь с мирными целями был весьма выдающимся фактом в истории дипломатических контактов между Русью и Византией. Впервые правительница ранее враждебной державы прибыла для переговоров с императором. Естественно, что тот запомнил это событие и подробно описал прием гостьи в своем дворце. Но при этом он уделил главное внимание не сути бесед с Ольгой, а лишь внешней стороне – церемонии приема. Все происходившее он описал в сочинении «О церемониях византийского двора», которое дошло до нас и опубликовано.¹³⁴

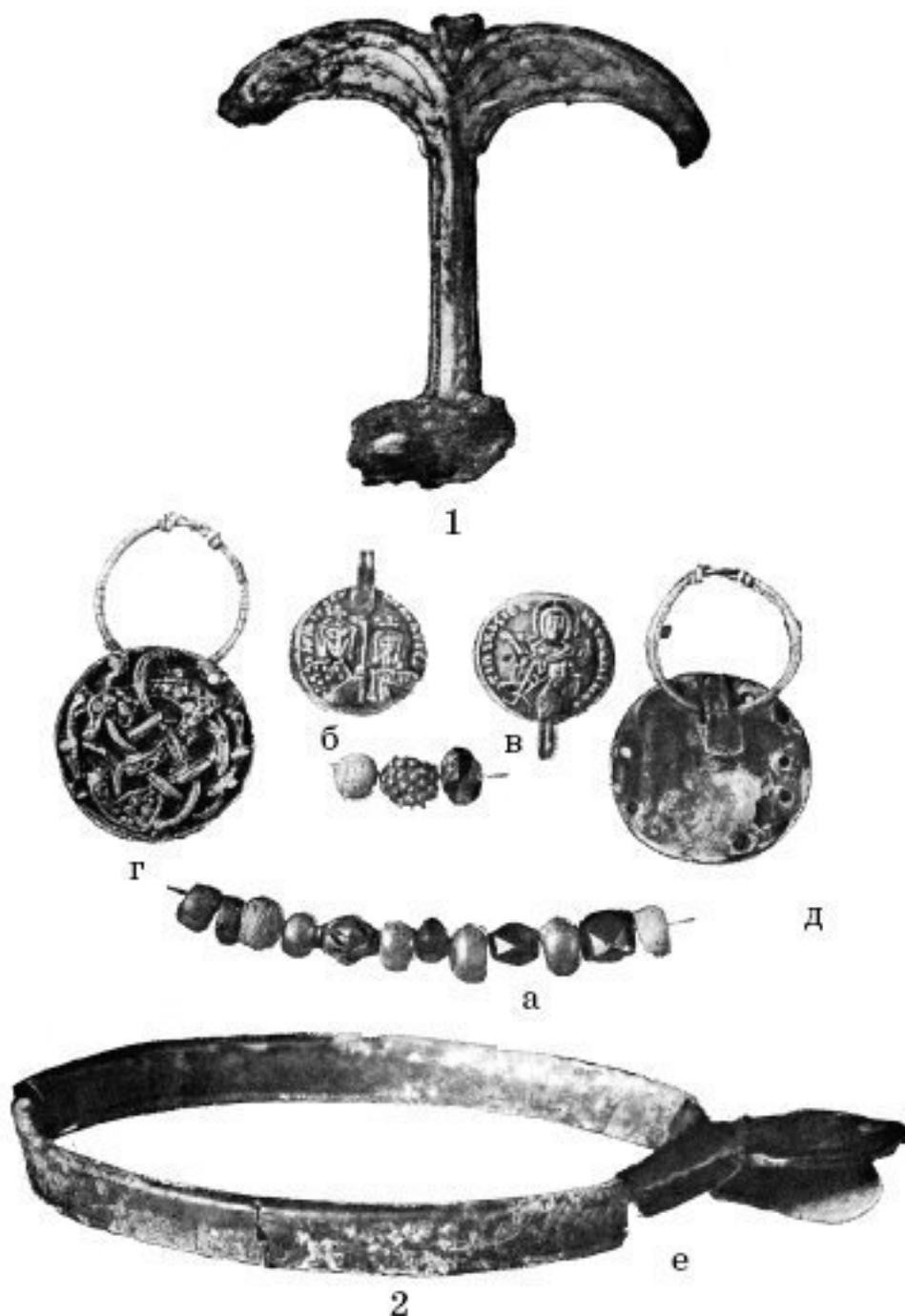
По непонятной причине Константин не указал год визита Ольги, сообщив лишь число, день недели и месяц (двух приемов): 9 сентября в среду и 18 октября в воскресенье. Еще Н. М. Карамзин определил, что такие даты могли быть в 946 и 957 гг. Исследователь счел наиболее подходящим 957 г., поскольку на приеме присутствовали члены семьи императора: жена, сын Роман с супругой и детьми. В 946 г. у юного Романа детей еще не было, хотя он уже был женат на маленькой девочке Берте.¹³⁵ Последнее обстоятельство привлекло внимание Г. Г. Литаврина, который счел более подходящим для поездки Ольги 946 г.¹³⁶ Поскольку данный вопрос достаточно подробно рассмотрен в историографической части главы, то здесь лишь следует еще раз подчеркнуть, что в 946 г. положение Ольги и ее сына было довольно непрочным, поэтому вряд ли бы княгиня отважилась покинуть свою страну надолго и оставлять без присмотра юного Святослава. На наш взгляд, более правильно датировать поездку Ольги в Константинополь 957 г., когда государство можно было оставить на уже взрослого сына (в это время Святославу было уже приблизительно 19 лет).

¹³³ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 58.

¹³⁴ Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1981. С. 42–44.

¹³⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 270.

¹³⁶ Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 181–183.

Наносник от шлема и погребальный инвентарь. 1 – наносник от шлема, найденного в усадьбе Десятинной церкви, 2 – инвентарь из погребения IX–X вв. знатной женщины. Раскопки 1908 г. в усадьбе Десятинной церкви. Киев.: а) сердоликовые, пастовые и серебряные с зернью бусы, б, в) – имитация византийского солида императоров Василия I и Константина (869–879 гг.), г, д) серебряная фибула, превращенная в медальон, е) серебряный ободок деревянного ковша.

В русских летописях ошибка в дате поездки княгини в Византию могла возникнуть из-за того, что в X в. какие-либо события точно не фиксировались, летописные записи, даже краткие, не велись, поэтому книжнику XI в. при описании правления Ольги пришлось ограничиться воспоминаниями старожил, не всегда правильно ориентировавшихся в годах. К этому можно добавить, что в Лаврентьевской летописи принимавший Ольгу император неправильно назван

Цемьским, т. е. Иоанном Цимисхим, который вступил на престол уже после смерти княгини, 11 декабря 969 г.¹³⁷ В Ипатьевской и Радзивилловской летописях имя императора названо правильно, поскольку их создатели, видимо, лучше знали историю Византии, чем автор Лаврентьевской летописи.¹³⁸

Согласно летописному рассказу, Ольга произвела настолько большое впечатление на императора, что тот захотел на ней жениться. Однако, как отметили многие исследователи, данный рассказ – явная выдумка, поскольку Константин был давно женат и принимал гостей вместе с супругой. Е. И. Малето, опубликовавшая летописную статью о поездке Ольги в Константинополь в виде отдельного «Хожения княгини Ольги в Царьград», высказала мнение о том, что сюжет со сватовством Константина к русской княгине носит апокрифический характер.¹³⁹ С этим мнением следует согласиться.

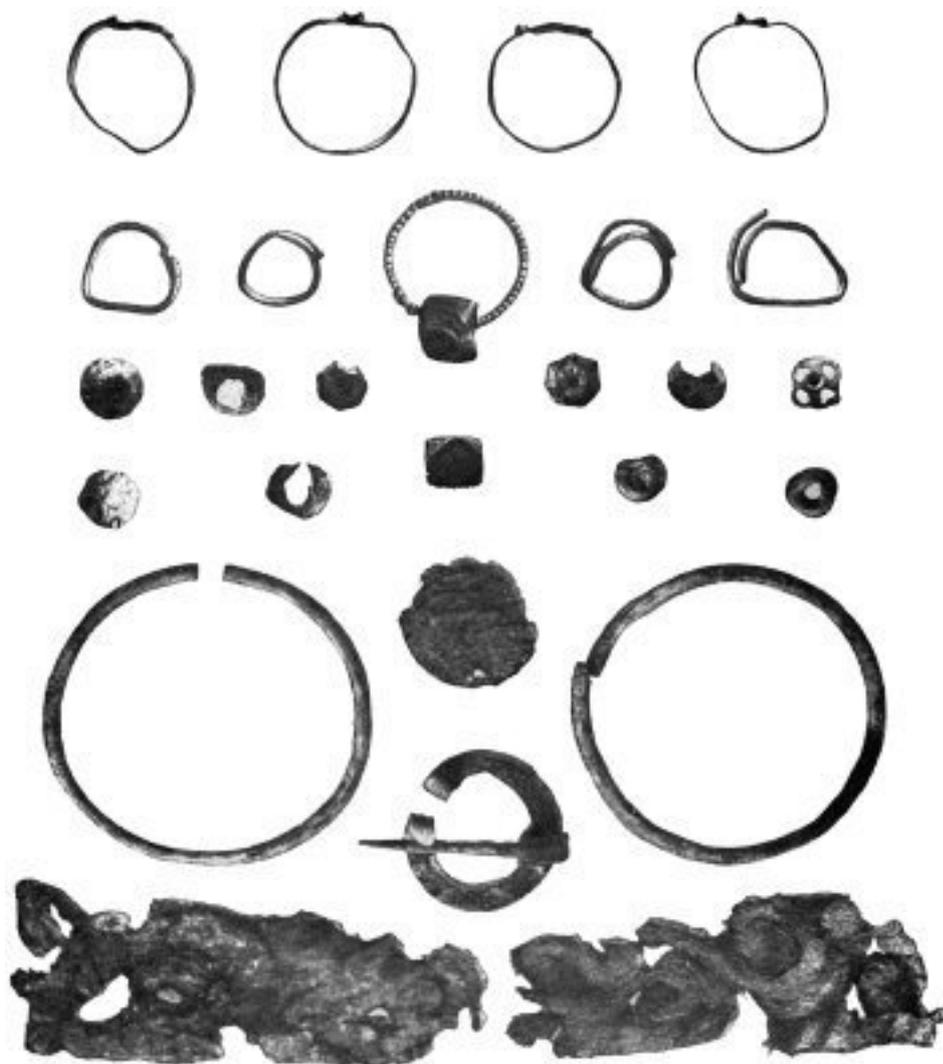
Думается, что сюжет со сватовством императора к Ольге был придуман летописцем для того, чтобы подчеркнуть всевозможные достоинства русской княгини и ее высокое положение, делающие ее завидной невестой даже для правителя Византии. Отказ Ольги вновь выйти замуж должен был свидетельствовать о ее высоконравственности, целомудрии и верности первому мужу князю Игорю. Кроме того, сватовство Константина, по замыслу летописца, должно было показать, что русская княгиня была вполне достойна того, чтобы стать императрицей. Этим Русь ставилась не только в один ряд с Византией, но даже выше, поскольку Ольга не сочла предложение Константина о браке выгодным для себя и с помощью хитрости отказала ему.

---

¹³⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 59. Примечания.

¹³⁸ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 38.

¹³⁹ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников. XII—XV века. М., 2005. С. 373–377.

Золотые височные кольца, подвеска, сердоликовые, пастовые и серебряные ажурные бусы, пара браслетов, золотые перстни, серебряная пряжка, диргем, фрагменты ткани. Обнаружены в погребении IX–X вв. знатной женщины. Раскопки 1937 г. в усадьбе Художественной школы. Киев

В летописях совершенно однозначно отмечено, что княгиня поехала в Константинополь для крещения. При этом она попросила императора быть ее крестным отцом, чтобы после принятия христианства стать его крестной дочерью. Это было необходимо русской правительнице для того, чтобы не попасть в зависимость от императора, считавшегося главой и повелителем всех православных христиан. На правах крестной дочери Ольга попадала в число родственников Константина, а не в число его подданных. Именно в этом и могла заключаться ее хитрость, смысл которой остался для летописца непонятным.

Согласно данным летописей, Ольга была не слишком довольна оказанным ей в Византии приемом, поскольку ей пришлось долго находиться на корабле в гавани. Однако из сочинения Константина Багрянородного «О церемонии византийского двора» исследователи делают вывод, что прием был оказан на самом высоком уровне, поскольку княгиня удостоилась личной беседы с императором и членами его семьи, побывала во внутренних покоях дворца, получила дорогие подарки и в честь нее и ее спутников были устроены пиры. Правда, Константин назвал Ольгу архонтиссой, т. е. правительницей зависимой от Византии области. На самом деле Русь никогда не подчинялась грекам, поэтому можно предположить, что Константин назвал

так Ольгу, подразумевая, что после крещения та со своей державой автоматически попала под его власть.

Круглая серебряная фибула, пара серебряных височных колец «вольнского типа», серебряная серьга с насаженной пастовой бусиной, золотое колечко из рубчатой проволоки, ожерелье из сердоликовых, хрустальных, пастовых, янтарной, стеклянной и серебряной бус, бронзовая крестообразная подвеска, серебряная подвеска, две византийские серебряные монеты (931–944 гг.). Обнаружены в погребении IX–X вв. знатной женщины. Раскопки конца XIX в. на Кирилловской ул. Киев

Во время приема более низкое положение русской княгини было подчеркнuto тем, что ей пришлось стоять у трона вместе с греческими знатными женщинами. Правда, Ольга не

стала падать ниц перед императором, как остальные присутствующие, и ограничилась поклоном головы. Вероятно, Константин заметил это и после приема пригласил высокую гостью в свои внутренние покои. Там ей показали оранжерею, ипподром, дворик для прогулок членов семьи императора. Княгиню познакомили с императрицей, ее сыном Романом и невесткой, как бы вводя в родственный круг правителя Византии. Это было возможно только при условии, что она стала крестной дочерью Константина. Во время парадного обеда в честь русской правительницы всех развлекали певчие из храмов Святой Софии и Двенадцати апостолов. Потом актеры разыграли несколько сценок. В заключение пира Ольга и ее спутники получили богатые подарки, в числе которых была украшенная драгоценными камнями золотая чаша с золотыми монетами. В общей сложности княгиня получила 40 червонцев.¹⁴⁰ Блюдо же она пожертвовала в храм Святой Софии. Там его увидели русские паломники и в XII и в XIII вв. Новгородский путешественник Добрыня Ядрейкович описал его так: «Блюдо велико злато, служебное Ольги Руской». На нем было изображение Христа.¹⁴¹

Поскольку в сочинении Константина Багрянородного ничего не писалось о крещении Ольги и сама она называлась языческим именем Ельга вместо христианского Елена, то некоторые исследователи решили, что княгиня крестилась не во время приезда в Константинополь, а позднее дома. Однако вполне вероятно, что во время первого приема Ольга еще не была христианкой и прибыла, чтобы обговорить данный вопрос с императором. Поэтому он назвал ее языческим именем. Второй прием был уже после того, как Ольга крестилась, и на нем не было послов Святослава, оставшегося язычником. Этим могло объясняться то, что посланцы князя получили самые незначительные подарки, даже меньше, чем купцы и переводчики.¹⁴² Теплый на родственном уровне прием Ольги свидетельствовал о ее крещении в это время. Имя же ее Константин мог назвать старое, чтобы не путать ее с какой-либо иной женщиной, например своей женой.

Интересно отметить, что среди окружения Ольги находились ее родственники, в частности либо двоюродный брат, либо племянник, который получил даров больше всех остальных спутников княгини. Его имени нет в сочинении императора, но возникает вопрос: не являлся ли он тем таинственным Володиславом, упомянутым в договоре Игоря с греками от 944 г.? Он мог также быть сыном Володислава и Предславы.

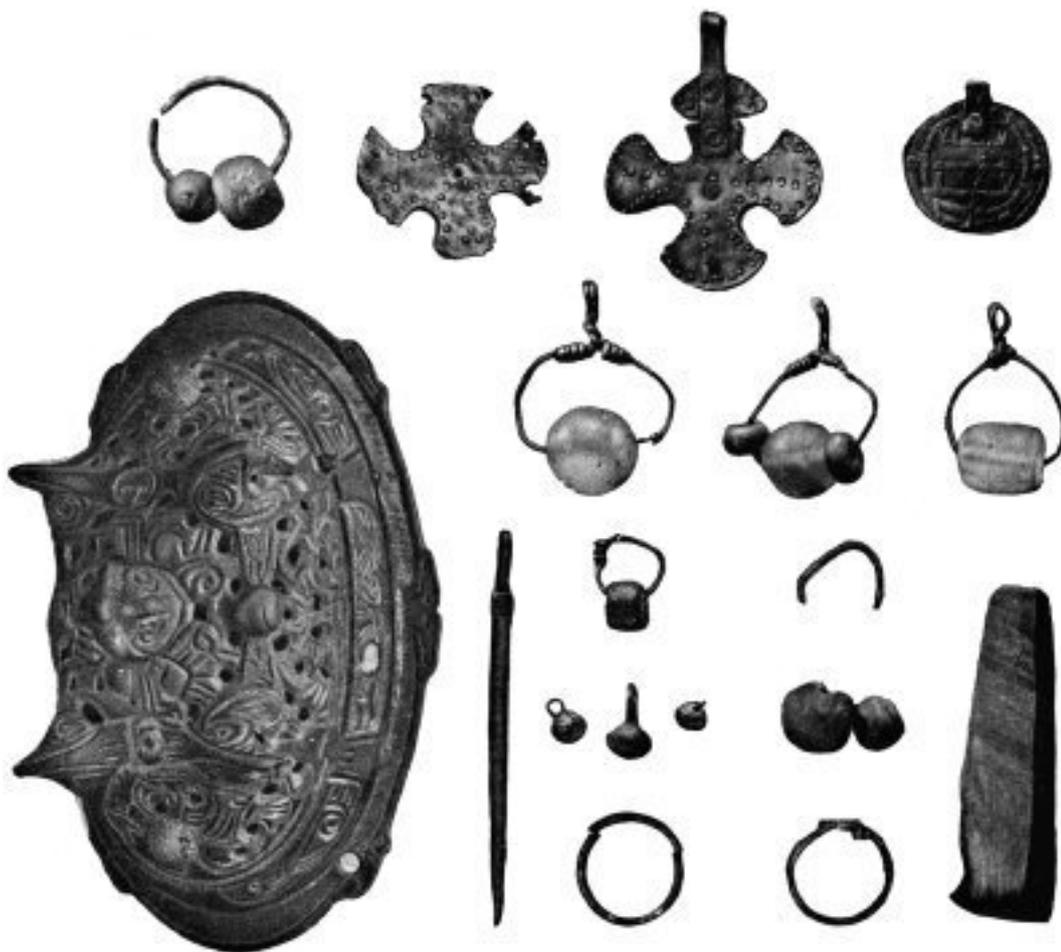
Из произведения Константина можно узнать, что свита княгини Ольги была достаточно многочисленной, – кроме близкого родственника, 8 представителей знати, 16 женщин из окружения правительницы, 22 посла от различных областей Руси и их правителей, в том числе и от Святослава, 18 прислужниц княгини, священник Григорий, 2 переводчика и 44 купца.¹⁴³ Все они получили дары в виде серебряных византийских монет. Число их определялось местом каждого в свите. Интересно отметить, что люди из окружения Святослава получили меньше монет (только по 5), чем рабыни Ольги (по 6). Данный факт можно объяснить только тем, что они не приняли христианства и остались язычниками, как и их князь. Окружение же Ольги крестилось вместе со своей повелительницей, и за это было награждено Константином.

¹⁴⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 118–120.

¹⁴¹ Малето Е. И. Указ. соч. С. 31–32, 56, 138.

¹⁴² Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1981. С. 43–44.

¹⁴³ Там же. С. 44.

Четыре серебряные и одна золотая серьга с насаженными бусами, дирigem, серебряные крестообразные подвески, бусы, скорлупообразная фибула, точильный брусок. Обнаружены в погребении IX–X вв. знатной женщины. Раскопки 1876 г. в усадьбе Марра. Киев

Таким образом, сочинение Константина Багрянородного дает основания считать, что Ольга ездила в Константинополь в 957 г. и там приняла крещение вместе с окружающими ее лицами. Данный факт косвенно подтверждают и другие источники. Так, в «Продолжении хроники Регинона» отмечено, что в 959 г. к германскому королю Оттону I (императором он стал позднее) прибыло посольство от Елены, королевы ругов. Относительно Елены хроникер сделал добавление о том, что та крестилась в Константинополе при императоре Романе.¹⁴⁴ Получалось, что в 959 г. Ольга уже была христианкой и носила новое имя Елена. Правда, при Романе она не могла креститься, поскольку этот император пришел к власти в ноябре 959 г. Ольге пришлось бы посещать Константинополь для крещения в ноябре—декабре этого же года, когда путешествия водным путем по Днепру уже не предпринимались. К тому же русские послы, прибывшие в Германию, ничего бы не знали о крещении своей правительницы. Вероятно, автор «Продолжения хроники Регинона» просто ошибся в имени императора, зная, что во время переговоров Оттона с русскими послами в Византии правил Роман. Он был императором с конца 959 по 963 г.

В сочинении византийского историка Иоанна Скилицы, писавшего в конце XI в., указано, что после смерти мужа Ольга (Эльга) отправилась в Константинополь и там «открыто сделала выбор в пользу истинной веры».¹⁴⁵

¹⁴⁴ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 24.

¹⁴⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Указ. изд. С. 118.

Поэтому вряд ли могут быть сомнения в том, что Ольга крестилась в Константинополе. Ей это было необходимо для того, чтобы придать событию важное международное значение и поднять собственный престиж в глазах других европейских монархов. Однако она постаралась сделать все возможное, чтобы не попасть в зависимость от византийского императора, считавшего всех православных христиан своими подданными. Сама она стала крестной дочерью Константина Багрянородного и таким образом вошла в число его родственников. Свою державу она решила крестить при более благоприятной ситуации, поэтому не взяла с собой греческих миссионеров, но пообещала императору обговорить данный вопрос с сыном. Желая ускорить события, Константин вслед за гостьей тут же отправил послов. Но те были приняты в Киеве холодно. Причинами могло быть и нежелание Ольги поставить свою страну зависимой от греков, и противодействие Святослава крещению. К тому же византийцы просили за свои услуги по христианизации Руси слишком много: рабов, военную помощь, меха и воск.¹⁴⁶

---

¹⁴⁶ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 61.

Скорлупообразные фибулы. Случайные находки в Киеве. Датируется IX–X вв.

Вполне вероятно, что для избежания зависимости от императора Ольга отправила посольство к германскому королю Оттону I, возможно бывшему зятю, чтобы с помощью католического духовенства крестить свою державу. Но Оттон сразу не смог выполнить просьбу княгини. Миссионеры во главе с епископом Адальбертом собирались несколько лет. Когда же они прибыли в Киев в 962 г., ситуация там, очевидно, изменилась. Окончательно возмущавший Святослав категорически воспротивился крещению, желая ни в чем не отличаться от своих дружинников, которые, видимо, были язычниками. Он хотел совершать завоевательные походы в христианские страны, крещеному же человеку это было делать нельзя.¹⁴⁷

Ольге пришлось ограничиться только тем, что окружавшие ее люди были христианами. Духовником и служителем ее домового церкви, видимо, стал священник Григорий, ездивший в свите княгини в Константинополь.

Необходимо отметить, что и до Ольги на Руси были христиане. Некоторые исследователи предполагают, что ими были варяги Оскольд и Дир, правившие Киевом до Олега. В летописях есть данные о том, что в Киеве при Игоре существовал храм в честь Ильи Пророка. В нем давали клятву верности дружинники-христиане. В Новгороде в это время был храм в честь Преображения Господня.¹⁴⁸

Храм, построенный Ольгой в честь своих патрональных святых Константина и Елены, видимо, находился в Вышгороде. Он, скорее всего, был деревянным, поэтому не дошел до наших дней. К тому же на его месте мог быть построен храм-усыпальница для первых русских князей-мучеников Бориса и Глеба. Правда, точных данных о строительной деятельности княгини после принятия ею христианства у нас нет. Можно лишь предположить, что каменный терем в Киеве Ольга возвела после возвращения из Константинополя и постаралась сделать его похожим на императорские хоромы: ведь в нем ей приходилось принимать византийских послов и показывать им, что русские правители живут не хуже греческих. Археологи предположили, что дворец Ольги был двухэтажным, сложенным из тонкого кирпича, плинфы. Пол в нем был мраморным, стены украшали разноцветные фрески и мозаики, в окна были вставлены круглые стекла.¹⁴⁹

Следует отметить, что византийские императоры намеренно демонстрировали своим гостям роскошь обстановки, в которой они жили. Этим они пытались показать свое превосходство над правителями соседних стран. Несомненно, Ольга заметила это, поэтому и построила для себя дворец не хуже. Она могла перенять и некоторые элементы византийского церемониала, например обычай одаривать гостей ценными подарками. При русском дворе он существовал потом несколько веков, но начало ему могла положить Ольга, сама побывавшая на приеме у императора. Кроме того, при ней на пирах могли появиться музыканты и скоморохи, развлекавшие гостей. Их изображения есть на фресках Софийского собора в Киеве и на миниатюрах Радзивилловской летописи.

Именно при Ольге существенно изменился несколько аскетичный и суровый быт воинов-варягов: знать стала одеваться в парчу и шелк, обильно украшать свое платье золотыми и серебряными изделиями, развлекаться охотой, игрой в шашки и кости. Князья и дружинники постепенно начинают изменять свой кочевой образ жизни, связанный с военными походами и сбором полюдья, и занимаются обустройством постоянных роскошных резиденций.

Ольга первой показала, что с соседями можно жить в мире и дружбе и разрешать все конфликты дипломатическим путем. Она первой поставила вопрос о взаимоотношениях с поддан-

¹⁴⁷ Там же. С. 61–62.

¹⁴⁸ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 51; Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 112–113.

¹⁴⁹ Каргер М. К. Указ. соч. С. 263–284.

ными и их благе. С помощью уставов постаралась установить в стране законность и порядок. Поэтому-то княгиня решительно отвергла грубые и жестокие языческие обычаи и совершенно естественно пришла к христианству. Однако ей не удалось воспитать сына-наследника в своем духе и сделать его продолжателем своих славных дел, поскольку мальчиков полагалось опекать мужчинам уже с 3–4-х лет.

В летописях содержится очень яркий портрет Святослава, сурового и отважного воина: «Князю Святославу возрасташю и возмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, воины многи творяше».¹⁵⁰ Сначала Святослав освободил вятичей, живших в низовьях Оки, от уплаты дани хазарам. Потом он отправился прямо к столице Хазарского каганата Белой Вежи и захватил этот город. После победил ясов (предков осетин) и касогов. Существенно расширив Древнерусское государство на восток и юг, князь направился на Дунай и захватил 80 болгарских городов. Там он стал правителем Болгарского царства и даже требовал от греков, чтобы те платили ему дань.¹⁵¹

Вполне вероятно, что успехи сына радовали Ольгу, которая в его отсутствие была вынуждена жить с внуками в Киеве. Здесь она обеспечивала безопасность тылов Святослава, но в 968 г. сама оказалась в беде. Дело в том, что в городе никто не ожидал нападения печенегов, поскольку заградительные отряды воеводы Претича были на другой стороне Днепра. Степняки же проявили хитрость и напали с той стороны, с которой их никто не ждал. Горожане вместе с княгиней и ее внуками оказались в окружении и вскоре стали страдать от голода и жажды. Ведь княжеская резиденция располагалась на высоком холме над рекой и, очевидно, в ней не было хозяйственных построек с запасами продовольствия, поскольку те были у пристани на Подоле.

В момент смертельной опасности престарелая Ольга проявила большое мужество и не позволила киевлянам открыть ворота перед врагом. Ей удалось найти юного храбреца, который сообщил Претичу о нападении печенегов, и тот с небольшой дружиной оказал помощь осажденным. Затем подошедший Святослав окончательно отогнал печенегов.

Тяготы длительной осады и переживания за судьбу внуков, видимо, нанесли большой удар по здоровью очень немолодой Ольги. Чувствуя кончину, она не разрешила сыну вновь отправиться в Болгарию. Сначала ему следовало похоронить ее по христианскому обряду, потом определить судьбу Русского государства и своих сыновей.¹⁵²

В летописях нет указаний на точную дату смерти Ольги, сообщен лишь 969 г. Нет в них сведений и о месте ее захоронения, только отмечено, что княгиня запретила справлять по себе тризну и насыпать над могилой курган. Она хотела, чтобы ее отпели по православному обряду и устроили могилу, видимо, рядом с домовою церковью, находившейся, возможно, в Вышгороде.

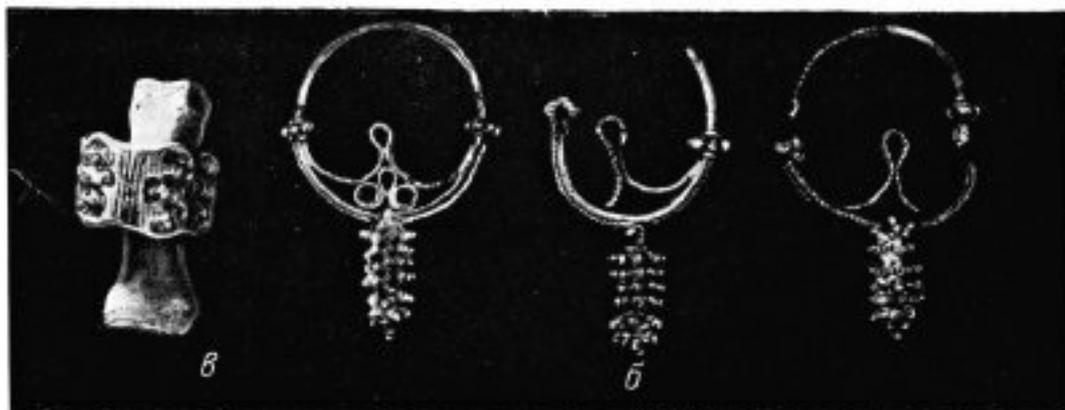
¹⁵⁰ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 63.

¹⁵¹ Там же. С. 63–64.

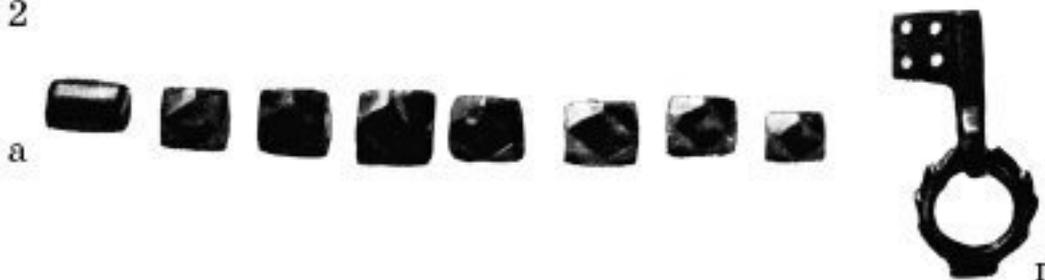
¹⁵² Там же. С. 66–67.

1

2

Погребение IX–X вв. знатного воина с конем и рабыней. Раскопки 1936 г. в усадьбе Художественной школы. Киев. 1 – общий вид могильной камеры, 2 – погребальный инвентарь: а) сердоликовые бусы, б) височные кольца, в) перстень, г) бронзовый ключик.

Однако в добавлении к «Похвале князю Владимиру», памятнику XI—XIII вв., есть уточнение о том, что Ольга умерла 11 июля, и добавлено, что в 1007 г. останки княгини были пере-

несены в Десятинную церковь.¹⁵³ Источник этих сведений неизвестен, можно лишь предположить, что возникли они из-за неправильного толкования текста древнейших летописей о том, что в 1007 г. были «перенесены святые в святую Богородицу».¹⁵⁴ В данном случае святыми являлись мощи Климента и Фива, привезенные князем Владимиром Святославичем из Херсонеса. Ольга же в этом году еще не была канонизирована, а других святых мощей у молодой русской церкви не было. К сожалению, дата канонизации княгини Ольги неизвестна. Исследователи полагают, что это произошло в домонгольский период. В «Похвале княгине Ольге», вставленной в текст «Похвалы князю Владимиру», она сравнивается со святой Еленой, матерью императора Константина, объявившего христианство официальной религией Византии. Автор этого произведения даже полагал, что Ольга сокрушила «требища бесовские», что, конечно, вряд ли можно было сделать при сыне-язычнике. Он указал, что после крещения княгиня прожила 15 лет и умерла 11 июля 969 г. Несложные подсчеты показывают, что в этом случае Ольга должна была креститься в 954 г. Но думается, что это ошибка, допущенная автором «Похвалы», который он писал через много лет после смерти княгини, когда она уже была канонизирована и ее мощи перенесли в Десятинную церковь. Дело в том, что авторы «Повести временных лет» (Нестор и Сильвестр), создававшие свое произведение в начале XII в. ничего не знали о месте захоронения Ольги. Сочинитель же «Похвалы» указал, что «до сих дни» (т. е. значительно позднее) мощи княгини находятся в Десятинной церкви в небольшом каменном саркофаге с оконцем, через которое видно ее нетленное тело.¹⁵⁵ Малые размеры саркофага и оконце в нем говорят о том, что это была не настоящая гробница Ольги, а лишь рака с ее мощами. Поэтому предположение Б. А. Рыбакова о том, что найденный при раскопках Десятинной церкви шиферный саркофаг принадлежит именно Ольге, вряд ли обоснованно.¹⁵⁶

Как уже отмечалось, Н. М. Карамзин обнаружил в ряде географических названий память о княгине Ольге. Около Пскова находилась деревенька Ольжинец, там же было Ольгино поле. Один из притоков р. Великая назывался Ольгины Ворота. Около Чудского озера было место, носящее название Ольгин Крест. Около села Выбуты, куда якобы была сослана провинившаяся Малуша, находился большой валун Ольгин Камень.¹⁵⁷ Данные названия подтверждают сведения летописей о том, что жена Игоря была из Пскова.

В XVI в. макарьевские книжники написали пространное «Житие княгини Ольги» и включили его в состав «Степенной книги». В нем они всячески прославили святую, назвав ее «блаженной, равноапостольной, премудрой, исполненной разума, всюду кипящей духовным благовоением, дивной в девицах». В этом сочинении даже есть особый раздел «О добродетелях блаженной Ольги» и две похвалы.¹⁵⁸ Несомненно, автор стремился создать идеальный образ правительницы и святой женщины, достойной всяческих похвал и почитания. Правда, как уже отмечалось, в содержании этого памятника мало достоверных фактов, поскольку он создавался как занимательное чтение для самых широких читателей.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что княгиня Ольга внесла большой вклад в развитие русской государственности и культуры. Она первой занялась обустройством русских земель, разработала основы законодательства, отрегулировала вопросы налогообложения, сформировала княжеский домен и обустроила несколько резиденций в разных городах: Пскове, Новгороде, Вышгороде и Киеве. При ней резко изменилась внешняя политика – заво-

¹⁵³ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские Жития. Указ. изд. Тексты 12–13.

¹⁵⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 127.

¹⁵⁵ Известия. Отделение русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1924. Т. 29. Л., 1925. С. 141–153.

¹⁵⁶ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 371.

¹⁵⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 270.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. С. 5–8, 22.

евательные и грабительские походы на Византию сменили добрососедские отношения и активное развитие торговли и культурного обмена.

Первой из русских правителей Ольга отправилась с мирным дипломатическим визитом в Константинополь. Там она была принята на самом высоком уровне, свидетельствующем о важности для Византии связей с Русью. Приняв крещение от константинопольского патриарха и императора Константина Багрянородного, Ольга публично продемонстрировала всем, что не является варваркой и язычницей. Не случайно потом акт ее крещения был отражен в ряде зарубежных сочинений. Однако крестить всю свою страну она не смогла из-за противодействия сына, не желавшего поставить свою страну в зависимость от иностранных церквей. Воплотить мечту Ольги христианизировать Русь смог воспитанный ею внук Владимир.

Несомненно, Ольга стремилась к тому, чтобы лучшие образцы византийской культуры были восприняты русскими людьми. Сама она с помощью священника Григория, видимо, рано пристрастилась к чтению византийской христианской литературы и с готовностью восприняла христианские идеалы. При ее дворе было несколько переводчиков, помогавших ей понимать греческие тексты. (Потом они поехали с ней в Константинополь.)

Можно предположить, что при Ольге изменился княжеский двор. Он стал более пышным, многолюдным. В него вошли и родственники княгини, и жены представителей знати, и многочисленная прислуга. В свите Ольги были даже купцы, которые, очевидно, закупали все необходимое для княжеского обихода и реализовывали собранные в виде дани меха, зерно, воск и прочее.

Думается, что при Ольге стали формироваться особые культурные традиции Древней Руси, связанные с творческим заимствованием и переработкой на местной почве лучших образцов византийского искусства и архитектуры. Вполне вероятно, что рассказы княгини о Константинополе повлияли не только на ее сына, пожелавшего после завоевания Болгарии переехать в эту страну, но и на внуков, захотевших жениться на прекрасных гречанках. Как известно, первой женой старшего Ярополка стала монахиня-гречанка, отличавшаяся необычайной красотой. Ее захватил в плен Святослав и привез сыну в жены. После гибели Ярополка гречанку взял в жены Владимир. Позднее он даже смог высватать сестру византийских императоров принцессу Анну.

В целом Ольга стала идеалом для многих поколений русских женщин, стремящихся во всем на нее походить: быть не только мудрыми, но и хитрыми, смело отстаивать честь своей семьи, интересы детей и внуков, являться рачительными хозяйками в масштабах не одного своего дома, но и всей страны, сохранять чистоту и целомудрие до глубокой старости, заботиться о благе не одних ближних, но и всех подданных.

Несомненно, с правления Ольги началась новая эпоха в русской истории и культуре: окончательно оформилось государство и начался переход от язычества к христианству.

В приложении к работе представлены таблица дат, относящихся к княгине Ольге, и схема ее родственных связей.

Глава 2. Две жены великого князя Владимира I

После смерти княгини Ольги в 969 г. Святослав, как повествуют источники, отправил сыновей на самостоятельное княжение, а сам вернулся в Болгарию. В древнейших летописях этот вопрос рассмотрен весьма обстоятельно, поскольку он был важен для княжеской династии. Старший княжич Ярополк получил Киев, второй сын Олег – Дrevлянскую землю. Именно эти земли, видимо, считались наследственной собственностью Святослава, и он мог распоряжаться ими по собственному усмотрению. Новгород в их число, очевидно, не входил. Однако новгородцы прибыли сами в Киев и стали просить дать им одного из сыновей Святослава. Старшие княжичи сразу отказались, поэтому по совету брата Малуши Добрыни, который, видимо, тоже служил Ольге, новгородцы стали просить послать к ним Владимира. Тот был почти своим для славян, поскольку его матерью была не варяжка, а славянка, дочь жителя Любеча Малка.¹⁵⁹ Она, судя по всему, не принадлежала к княжескому роду, но и не была простолюдинкой, т. к. должна была обладать большим опытом по ведению княжеского хозяйства. В ее распоряжении находились все кладовые, погреба и даже казна. Должность ключницы была сродни дворецкому и казначею и при княжеском дворе была второй после тиуна.

В летописях нет никаких точных данных о возрасте сыновей Святослава, но известно, что до своей смерти в 972 г.

князь привез старшему княжичу Ярополку, очевидно уже совершеннолетнему, жену – взятую в плен очень красивую монахиню-гречанку. Но поскольку та не была знатного рода, то в 980 г. Ярополк решил жениться на дочери полоцкого князя Рогнеде. К этому времени, видимо, женатыми были и Олег, и Владимир. О жене первого никаких точных данных нет, хотя некоторые исследователи высказывали мнение, что ею была какая-то иностранка, возможно дочь графа Куно из рода Энинген. Другие, правда, полагали, что эта графиня была невестой Ярополка.¹⁶⁰ О первой жене Владимира вообще нет никаких данных. Известно лишь, что от нее у него был сын Вышеслав. Однако, узнав, что Ярополк намерен жениться на полоцкой княжне Рогнеде, Владимир решил опередить брата и сам стать ее женихом.

История сватовства двух князей к Рогнеде описана в летописях подробно, поскольку она привела к острейшему междоусобию и резкому изменению политической ситуации в стране в связи с победой Владимира.¹⁶¹ Поэтому личность полоцкой княжны заслуживает особого внимания; попробуем восстановить ее исторический портрет, используя все дошедшие до нас источники.

---

¹⁵⁹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 67–68.

¹⁶⁰ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 155–157.

¹⁶¹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 74.

Полоцкая княжна Рогнеда Рогволдовна

На страницах древнейших летописей Рогнеда Рогволдовна выступает как одна из наиболее ярких личностей, уступая в этом отношении только княгине Ольге. Летописца или заказчика летописи почему-то не заинтересовала участь горькая монахини-гречанки и судьба многочисленных жен и наложниц князя Владимира. Причина, видимо, в том, что те ничего не сделали для изменения своей жизни к лучшему.

Иной была полоцкая княжна.

Несмотря на то что в древнейших летописях довольно много сведений о Рогнеде, никто из историков не попытался воссоздать ее исторический портрет, реконструировать биографию. Всего лишь несколько замечаний о ней можно встретить в капитальных трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Чуть больше внимания ей уделено в современных работах о Полоцком княжестве и монографиях о Древней Руси.¹⁶² Лишь А. В. Чернецов, исследуя миниатюры Радзивилловской летописи, обратил внимание на то, что Рогнеда изображена всюду в особой шапке, подчеркивающей ее происхождение. Потом в такой же шапке был изображен ее правнук Всеслав Брючиславич, провозгласивший Полоцкое княжество самостоятельным. По мнению исследователя, сходство шапок указывало на то, что полоцкие князья считали Рогнеду своей родоначальницей.¹⁶³

Согласно данным древнейших летописей, Рогнеда принадлежала к знатному роду варяжских князей, которые осели в славянских городках или основали свои в тех местах, где проходили важные торговые пути. Отца княжны Рогволда летописец сравнил с князем Туром, якобы основавшим Туров.¹⁶⁴

Хотя имена Рогволда и Рогнеды явно скандинавского происхождения, среди историков возникла дискуссия о их национальной принадлежности. Н. Т. Беляев выдвинул предположение о том, что Рогволд принадлежал к династии норвежских Инглингов.¹⁶⁵ Другие исследователи с ним не согласились и решили, что полоцкий князь был либо кривичем, либо прибалтийским славянином.¹⁶⁶ Однако вряд ли есть основание для подобных мнений, поскольку в летописях прямо сообщено, что Рогволд прибыл «из заморья»,¹⁶⁷ т. е. из Скандинавии.

---

¹⁶² Алексеев Л. В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966. С. 136–140; Штыков Г. В. Древний Полоцк. IX—XIII вв. Минск, 1968. С. 22–30; Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. С. 197–203; Он же. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 35, 38, 219–222; Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 165–188.

¹⁶³ Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 288.

¹⁶⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 74.

¹⁶⁵ Беляев Н. Т. Рюрик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929. С. 264.

¹⁶⁶ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 146.

¹⁶⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 74.

Софийский собор в Полоцке (XI в.)

Следует отметить, что в то время княжить в Полоцке было очень выгодно, поскольку он находился на важных торговых путях из Балтийского моря в Черное. Своеобразными дорогами являлись крупные реки: Западная Двина, Полота, Березина, Днепр и др. Полоцкие князья собирали с торговцев пошлины и, видимо, сами активно торговали дарами своей земли: мехами, воском, кожами, зерном, салом. По своему богатству они были вполне сравнимы с киевскими князьями. Естественно, что последним было очень выгодно породниться с Рогволодом, чтобы взять под свой контроль путь из Прибалтики в Византию. Поэтому-то Ярополк и хотел жениться на Рогнеде.

Но и для Владимира союз с полочанами был просто необходим. Ведь Рогволодом с Ярополком могли перекрыть новгородцам торговые пути и в Византию, и в страны Европы. К тому же родство с полоцким князем усилило бы позицию новгородского правителя в борьбе со старшим братом, вознамерившимся стать единоличным правителем Древнерусского государства. В 977 г. он уже расправился с полностью родным братом Олегом и присоединил Древянскую землю к своим владениям. Поначалу Владимир, не чувствуя поддержки со стороны новгородцев, бежал за море, где начал собирать варягов в свою дружину. На родину он смог вернуться только в 980 г. В это время в Новгороде уже правили посадники Ярополка, но это, видимо, не очень нравилось местным жителям. Поэтому они с готовностью поддержали Владимира, изгнали посадников и вместе с кривичами и чудью влились в войско своего князя.¹⁶⁸

Желая обрести в лице будущего тестя верного союзника, Владимир послал к его дочери сватов. В летописной статье 980 г. нет сведений об именах сватов, но в годовой статье 1128 г.

¹⁶⁸ Там же. С. 73–74.

указано, что главным сватом стал дядя Владимира Добрыня, «воевода, храбр и наряден муж». ¹⁶⁹ Источник этих сведений неизвестен, возможно, они были придуманы продолжателем «Повести временных лет» (она заканчивается событиями начала XII в.).

Однако как повествуют летописи, гордая Рогнеда ответила Владимиру решительным отказом. В Лаврентьевской летописи ее слова звучат так: «Не хочу розути робичича (т. е. сына рабыни. – *Л. М.*), но Ярополка хочю». ¹⁷⁰ Смысл этой фразы заключался в том, что Рогнеда не желала разувать, по обычаям того времени, мужа слишком низкого происхождения, а предпочитала киевского князя Ярополка.

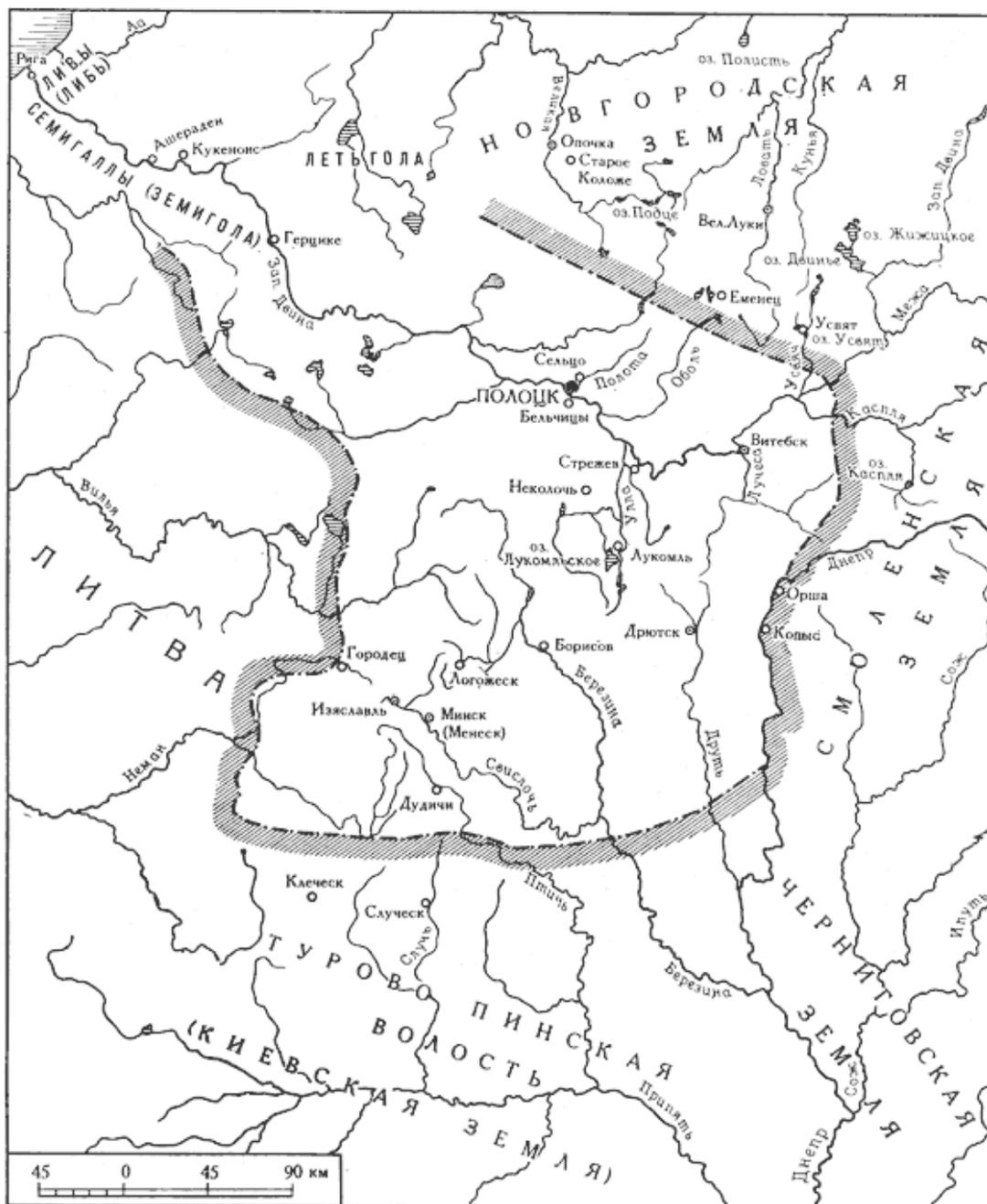
В Ипатьевской летописи грубость отказа княжны несколько сглажена и в ее ответе нет намек на низкое происхождения Владимира: «Не хочу розути Володимера, но Ярополка хочю». ¹⁷¹ Возможно, в данном случае автор не хотел намекать на не совсем законное происхождение Владимира, ставшего потом правителем и крестителем Руси. Следует отметить, что в позднейших летописных сводах сохранен вариант Лаврентьевской летописи, поскольку он объяснял причину гнева Владимира и его жестокую расправу с семьей Рогнеды.

---

¹⁶⁹ Там же. С. 284.

¹⁷⁰ Там же. С. 74.

¹⁷¹ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 50.

Полоцкая земля (по Л. В. Алексеву)

Большинство исследователей не сомневались в реальности сватовства Владимира к Рогнеде именно в 980 г., как сообщено в летописях. Однако А. А. Шахматов решил, что это событие было в начале 70-х гг. X в., поскольку в это время князь был в детском возрасте и за него вопрос о женитьбе решал дядя Добрыня.¹⁷² Однако как правильно заметил Е. В. Пчелов, изменение даты сватовства полностью нарушает логику последующих событий. Получается, что младший брат отнимает невесту у старшего, а междоусобица между ними из-за этого начинается только через несколько лет.¹⁷³ К тому же на момент сватовства Владимир отнюдь не был юн: у него уже была жена и рожденный ею сын Вышеслав. Хотя в летописной статье 1128 г.

¹⁷² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 173–175.

¹⁷³ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 166–167.

есть замечание о том, что Владимир на момент сватовства был «детеск», поведение его было отнюдь не детским – на глазах родителей он овладел плененной Рогнедой, желая всячески ее унижить. Добрыня же отправился в Полоцк сватом не потому, что его племянник был юн, а потому, что таков был обычай в то время. Женихи сами не занимались сватовством. Примером являются посольства Мала к Ольге.

Сомнения Шахматова относительно даты сватовства Владимира к Рогнеде возникли, видимо, потому, что вопрос о времени рождения самого крестителя Руси до сих пор не решен и является предметом постоянных дискуссий между исследователями. На наш взгляд, если считать, что Святослав родился в 937 г., то Ярополк мог появиться на свет в 953–954 гг. Следовательно, в 969 г. ему было лет 16 и он вполне мог править самостоятельно. Олегу было несколько меньше лет, но ненамного, поскольку он тоже получил право княжить самостоятельно. Владимир же был их младше, поскольку поехал в Новгород с дядей-опекуном Добрыней. Отсюда напрашивается предположение о том, что Владимир родился после 955 г. В Новгород он поехал приблизительно в 13 лет. Когда началась междоусобица между старшими братьями, ему было лет 20. К Рогнеде же он посватался приблизительно в 22 года. Все эти выкладки не противоречат данным летописей о том, что князь Владимир умер в 1015 г. в преклонном возрасте, но дряхлым старцем он не был, поскольку собирался в поход на Новгород, на непокорного сына Ярослава.¹⁷⁴ В 59–60 лет мужчины как раз такими и бывают.

Некоторые исследователи полагают, что летописный рассказ о Владимире и Рогнеде всего лишь легенда, встречающаяся в эпосе других стран.¹⁷⁵ Однако ничего нереального в описанных событиях нет, к тому же они находят подтверждение археологическими раскопками. Согласно им, в конце X в. Полоцк был полностью разрушен и восстановился только в XI в., но уже на новом месте.¹⁷⁶ К тому же, как отмечалось, для летописца середины XI в. 80-е гг. X в. были совсем недалеким прошлым, и он мог найти немало очевидцев событий того времени.

В летописях сватовство Владимира к Рогнеде теснейшим образом связано с его борьбой с Ярополком. Узнав о том, что невеста отказала ему в грубой форме и хочет выйти замуж за его противника, новгородский князь собирает большое войско. В него вошли: наемники-варяги, словене, кривичи и чудь, т. е. те племена, которые объединялись в союз еще при Рюрике. Естественно, что полоцкий князь Рогволд не мог сражаться с такой большой силой. Он, видимо, попытался отправить Рогнеду к Ярополку, но не успел. Полоцк был захвачен, и семья правителя оказалась в плену у Владимира. Возможно, Рогволд и его два сына пытались оказать сопротивление, но в ходе боя были убиты. Рогнеда попала в руки Владимира, который насильно сделал ее своей женой. После этого ее, видимо, отправили в Новгород. Войско же во главе с Владимиром направилось в Киев против Ярополка. Тот не смог дать отпор младшему брату и вскоре был убит.¹⁷⁷

Владимир въехал в Киев победителем. Ему досталась не только казна Ярополка, но его беременная жена-гречанка. В отместку Рогнеде вдову брата Владимир также сделал своей супругой. Возможно даже, гречанка осталась хозяйкой в киевском дворце. Рогнеду же поселили в пригороде Киева, на р. Лыбедь для нее построили отдельный двор. Этим Владимир еще больше унизил заносчивую полоцкую княжну.

Следует отметить, что автор летописи хорошо знал, где находился терем Рогнеды, поэтому пояснил, что «ныне» на этом месте находится сельцо Предславино.¹⁷⁸ Предслава была

¹⁷⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 127.

¹⁷⁵ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 190–192.

¹⁷⁶ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 138.

¹⁷⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 74–75.

¹⁷⁸ Там же. С. 78.

дочерью Рогнеды и поэтому стала собственницей ее двора, вокруг которого образовалось поселение – сельцо.

В летописи Владимир представлен большим женолюбом: «Бе же Володимер побежен похотью женьскою, и быша ему жены водимыя: Рогнед..., от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от Грекине Святополка; от Чехине Вышеслава; а от другое Святослава и Мьстислава и Станислава; а от Болгарыни Бориса и Глеба; а наложниц бе у него 300 в Вышгороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове».¹⁷⁹

Если проанализировать перечень жен и сыновей Владимира, то можно заметить, что больше всего детей ему родила Рогнеда: 4 сына и 2 дочери. Вдова Ярополка родила только Святополка, которого Владимир хоть и признал своим сыном, но, по сути, тот был его племянником. Отсутствие общих детей может свидетельствовать о том, что с гречанкой на самом деле Владимир не жил, а своей женой объявил, чтобы унижить Рогнеду и заставить жить вдали от княжеского дворца. С матерью Вышеслава, своей первой женой, князь, видимо, тоже не жил. Ее имя скорее всего было Малфрид, и летописец указал его. Она с сыном, очевидно, осталась в Новгороде. Еще одну жену-чешку Владимир, возможно, нашел во время войны с поляками в 981 г. Она могла стать его как бы походной супругой, поэтому и родила трех сыновей. Но где она проживала с детьми постоянно, неизвестно.¹⁸⁰

На болгарке князь женился, судя по всему, в 985 г., когда совершил удачный поход на Волжскую Булгарию. Возможно, она-то и стала настоящей хозяйкой киевского дворца, поскольку ее сыновей, Бориса и Глеба, Владимир любил больше остальных детей.

Судя по количеству сыновей и дочерей у Рогнеды, Владимир жил с ней почти до самого брака с византийской принцессой Анной. Ее терем он навещал не так уж и редко, но, видимо, не для того, чтобы высказать свою любовь, а чтобы в очередной раз унижить. Об этом известно из повествования 1128 г. Его автор рассказал читателям о происхождении полоцких князей и сообщил о том, как Владимир неудачно сватался к Рогнеде, как, возмущенный отказом, напал на ее город, убил родственников, а саму княжну насильно сделал своей женой. После этого ее прозвали Гориславой. Родив сына Изяслава, Рогнеда стала возмущаться, что у мужа много других жен, с которыми он постоянно ей изменяет. Считая себя самой знатной и законной супругой, а своего сына наследником престола, она решила убить Владимира. Один раз, когда тот пришел в ее терем и заснул после удовлетворения похоти, княгиня взяла кинжал и решила вонзить его в грудь неверного супруга. Но тот внезапно проснулся и перехватил ее руку. Возможно, Владимир хотел нанести тем же кинжалом ответный удар Рогнеде, но она стала просить его сжалиться и понять причину ее поступка. Оправдываясь, княгиня сказала следующее: «Отца моего уби и землю его полони, мене деля; и се ныне не любиши мене и с младенцем сим». Услышав обвинения в свой адрес, Владимир решил сразу не убивать супругу, но приказал ей приготовиться к смерти на следующий день. Однако хитрая Рогнеда решила спастись с помощью маленького Изяслава. Ему она дала меч и научила словам, которые тот должен был сказать при виде отца. Сама же надела лучшие одежды и приготовилась ждать. Когда Владимир вошел в покои, навстречу ему вышел Изяслав и, протягивая обнаженный меч, сказал: «Отче! Еда един мнишися ходя?», намекая на то, что Владимир собрался жить один и решил избавиться от близких людей.

---

¹⁷⁹ Там же. Примечания.

¹⁸⁰ Там же. С. 126.

Трубчатые замки из мастерской литейщика. Раскопки 1948 г. Киев

Слова сына заставили князя уйти. Он рассказал боярам о случившемся и спросил их совета. Те, видимо, сочувствуя Рогнеде, которая была знатного рода и не заслуживала крайне небрежного отношения к себе и постоянных унижений со стороны супруга, посоветовали отдать Рогнеде с сыном Изяславом ее родное Полоцкое княжество и отправить их туда на постоянное местожительство. Поскольку Полоцк был полностью razoren, Владимир отстроил новый город для жены и сына и назвал его Изяславль.¹⁸¹

Так, по мнению летописца, образовалась особая династия полоцких князей, которые всегда воевали с киевскими князьями. Под ними летописец подразумевал внуков Ярослава Мудрого, видимо, не зная, что тот также являлся сыном Рогнеды.¹⁸²

На первый взгляд летописное повествование о конфликте Рогнеды с мужем выглядит придуманным и далеким от реальности. Но оно нашло подтверждение сразу в нескольких источниках. Так, археологи обнаружили между притоками р. Свислочь Княгинька и Черница остатки городища конца X – начала XI в. Оно состояло из детинца и посада. Было решено,

---

¹⁸¹ Там же. С. 285.

¹⁸² Там же.

что данное поселение является городком Изяславль, построенным для сына и Рогнеды князем Владимиром.¹⁸³ Интересно и название протекающих здесь речек – Княгинька и Черница. Вполне вероятно, что они были связаны с Рогнедой. Дело в том, что в XIX в. белорусские ученые услышали от старожилов историю о том, как в этих местах много веков назад поселились жена князя Владимира Рогнеда с сыном Изяславом и для них был специально отстроен деревянный дворец. Княжич, повзрослев, стал правителем Полоцкой земли, Рогнеда же построила неподалеку Спасский монастырь и постриглась в нем под именем Анастасия. Память об этом сохранилась не только в названии речек, но и в названии озера Рогнед, находящегося неподалеку.¹⁸⁴

Из данного рассказа можно сделать вывод, что на родине Рогнеда не только стала христианкой, но и первой из представителей княжеской династии приняла постриг и основала монастырь. Данный факт почему-то нигде не упоминается в трудах, посвященных христианизации Руси.

Еще одним свидетельством реальности рассказов о Рогнеде является запись в Тверской летописи о том, как сын Владимира Ярослав (впоследствии получивший прозвище Мудрый) научился ходить. С раннего возраста он якобы не мог передвигаться из-за болезни ног (антропологи, исследовавшие останки князя, действительно обнаружили, что у того было заболевание костей ног и он был хромым). Однажды мальчик подслушал разговор отца с матерью и узнал, что родители вскоре расстанутся, поскольку отец решил жениться на византийской принцессе и желал любым путем избавиться от прежней супруги. Он даже готов был выдать ее вновь замуж за какого-нибудь своего вельможу, Рогнеда же собиралась уйти в монастырь. Услышанное настолько поразило маленького Ярослава, что он вскочил и пошел.¹⁸⁵

Таким образом получается, что, казалось бы, легендарные повествования о Рогнеде находят подтверждение в различных источниках, географических названиях и археологических раскопках. Стойкая память о ней, очевидно, была связана с тем, что полоцкие князья считали ее своей родоначальницей и в течение нескольких веков почитали. Как уже отмечалось, значение Рогнеды для полоцкой династии нашло отражение даже на миниатюрах Радзивилловской летописи.

Однако в Ипатьевской летописи нет красочного рассказа о Рогнеде в годовой статье 1128. Но он есть в Троицкой, Воскресенской и Никоновской летописях. В последней он даже назван Повестью, и весь сюжет изложен более понятно и красочно. Так, Изяславу приписаны следующие слова: «Отче! Егда един жити хоцещи на земли или бессмертен мнишися? Приими убо, отче, меч сии и вонзи преже в утробу мою, да не увижу горкыя смерти матери моея».¹⁸⁶ Несомненно, что все новые детали были сочинены автором Никоновской летописи. Но при этом он допустил ошибку в дате смерти Рогнеды – вместо 1000 указал 1002 г.¹⁸⁷

Все поздние летописи повторили ошибку статьи 1128 г. о том, что внуки Рогволда постоянно обнажают меч против внуков Ярослава. Никто из авторов не понял, что Ярослав сам был внуком Рогволда, поскольку его матерью являлась Рогнеда. Правильно было бы написать, что внуки Изяслава всегда соперничали с внуками Ярослава.

Следует отметить, что в некоторых древних летописях, например новгородских, о Рогнеде вообще ничего не сообщено. В других повествование о ней сокращено, и она упоминается не столько как жена князя Владимира, сколько как мать Ярослава Мудрого (Софийская I, Ермолинская). При этом никто из создателей летописных сводов не обратил внимание на

¹⁸³ Рапов О. М. Русская церковь... Указ. изд. С. 375–376.

¹⁸⁴ Там же. С. 376.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15. М., 1905. С. 113.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 9. М., 1963. С. 156.

¹⁸⁷ Там же. С. 68.

то, что род князей Рюриковичей пошел только от потомства полоцкой княжны. Как уже отмечалось, ее сыновьями были: Изяслав, Ярослав, Мстислав и Всеволод. Изяслав стал основателем династии полоцких князей. Ярослав, хотя и был маленьким мальчиком, приблизительно в 988 г., когда отец женился на византийской принцессе Анне, поехал править Ростовом. По возрасту среди остальных сыновей Владимира он, видимо, был третьим. Поэтому когда в 1010 г. правивший в Новгороде Вышеслав умер, Ярослав был переведен отцом в этот город.

Относительно судьбы Мстислава среди исследователей нет единодушного мнения. Некоторые полагают, что такого княжича вообще не было, а его имя попало в перечень детей Рогнеды по ошибке. Другие же отождествляют его с тмутараканским князем Мстиславом Храбрым.¹⁸⁸ Последнее мнение представляется более верным, поскольку в древнейших летописях четко указано, что у Рогнеды было четыре сына.

Керамические изделия X–XII вв., найденные при раскопках в Киеве

---

¹⁸⁸ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 168.

Младший сын Рогнеды Всеволод получил в управление только что основанный отцом Владимир Волынский. Его дальнейшая судьба туманна. Правда, некоторые исследователи предположили, что Всеволод приблизительно в 995 г. сватался к вдове шведского конунга Сигрид, но был убит вместе с другими женихами как недостойный ее руки. Поэтому его владения перешли к другому сыну Владимира Борису. Однако хронологические нестыковки в этой версии (на момент сватовства Всеволоду могло быть не больше 15 лет) делают ее малоубедительной для некоторых исследователей.¹⁸⁹

Все сообщенные о Рогнеде сведения позволяют реконструировать ее биографию приблизительно так. Княжна родилась, видимо, в первой половине 60-х гг. X в. На момент сватовства к ней Владимира ей должно было быть от 16 до 20 лет. Младше она не могла быть, поскольку отец предлагал ей самой выбрать жениха, старше – тоже вряд ли, ведь в то время девушки долго не засиживались в невестах.

Отец Рогнеды, варяжский князь Рогволд, принадлежал к знатному скандинавскому роду, мать тоже, очевидно, была ему под стать. В противном случае Рогнеда не могла бы обвинить Владимира в низком происхождении. В источниках нет сведений о том, как Рогволд оказался правителем Полоцкого княжества. Может быть, его дед прибыл в славянские земли вместе с Рюриком и получил в управление городок, стоявший на важном торговом пути из Прибалтики в Черное море. Сам он не мог быть основателем Полоцка, поскольку тогда бы город был назван в честь него, а не по названию реки Полоты.

К началу 80-х гг. Рогволд, видимо, был достаточно видным и богатым князем, поэтому и киевский князь Ярополк, и новгородский князь Владимир захотели с ним породниться. Для самого полоцкого князя наиболее выгодным был союз с Ярополком, владевшим выходом в Черное море. В этом отношении Владимир был ему совсем не нужен. Поэтому отец наверняка посоветовал дочери выбрать киевского князя. Предлогом же для отказа Владимиру стало его не совсем законное происхождение. После этого в Киев было отправлено посольство, сообщившее о желании Рогнеды стать женой Ярополка.

Рогволд, видимо, рассчитывал, что после этого киевский князь защитит его семью от отвергнутого жениха. Но оказалось, что Владимир уже готов к междоусобной борьбе, а Ярополк – нет. В том же 980 г. новгородские дружины подошли к Полоцку, быстро сломили сопротивление Рогволда и превратили в пленников его самого и всех членов его семьи. Так Рогнеда стала пленницей-рабыней.

В присутствии родителей победитель надругался над ней и, фактически, превратил в наложницу. После этого он вполне мог бы расправиться со всеми членами семьи слишком заносчивых полоцких князей. Однако Рогнеду он почему-то оставил в живых и даже официально назвал своей женой, прекрасно зная, что та его ненавидит. Возможно, Владимиру доставляло удовольствие унижать знатную варяжку, чувствовать свою власть над ней и заставлять ее страдать.

Поскольку Полоцк был полностью разгромлен и разрушен, Рогнеду, видимо, отправили в Новгород, где она узнала, что у мужа уже есть жена-чешка, Малфрид, родившая сына Вышеслава. Значит, собственные дети Рогнеды уже не могли стать первенцами и рассчитывать на верховную власть.

Пока Рогнеда осваивалась со своим достаточно унижительным положением второй жены новгородского князя, сам Владимир расправился с Ярополком и получил в качестве трофея его беременную супругу. Гречанка тоже официально была названа женой победителя, а ее неродившегося ребенка тот соглашался признать своим. Получалось, что в любом случае ребенок Рогнеды становился третьим.

---

¹⁸⁹ Там же. С. 176–178.

В итоге в новгородской княжеской резиденции хозяйкой осталась чешка, в киевском дворце продолжала жить гречанка, а Рогнеду поселили на р. Лыбедь, в пригороде, на специально для нее отстроенном дворе. Так гордая полоцкая княжна превратилась в третью жену любвеобильного Владимира.

Как уже отмечалось, спальни Малфред и гречанки князь скорее всего не посещал. Рогнеда же постоянно должна была исполнять супружеский долг и рожать детей. При этом она с горечью узнавала о появлении у Владимира все новых и новых жен, а также многочисленных наложниц сразу в трех городах. При этом всех родившихся детей он признавал своими законными наследниками. Некоторые исследователи полагают, что у князя было около 20 детей.¹⁹⁰

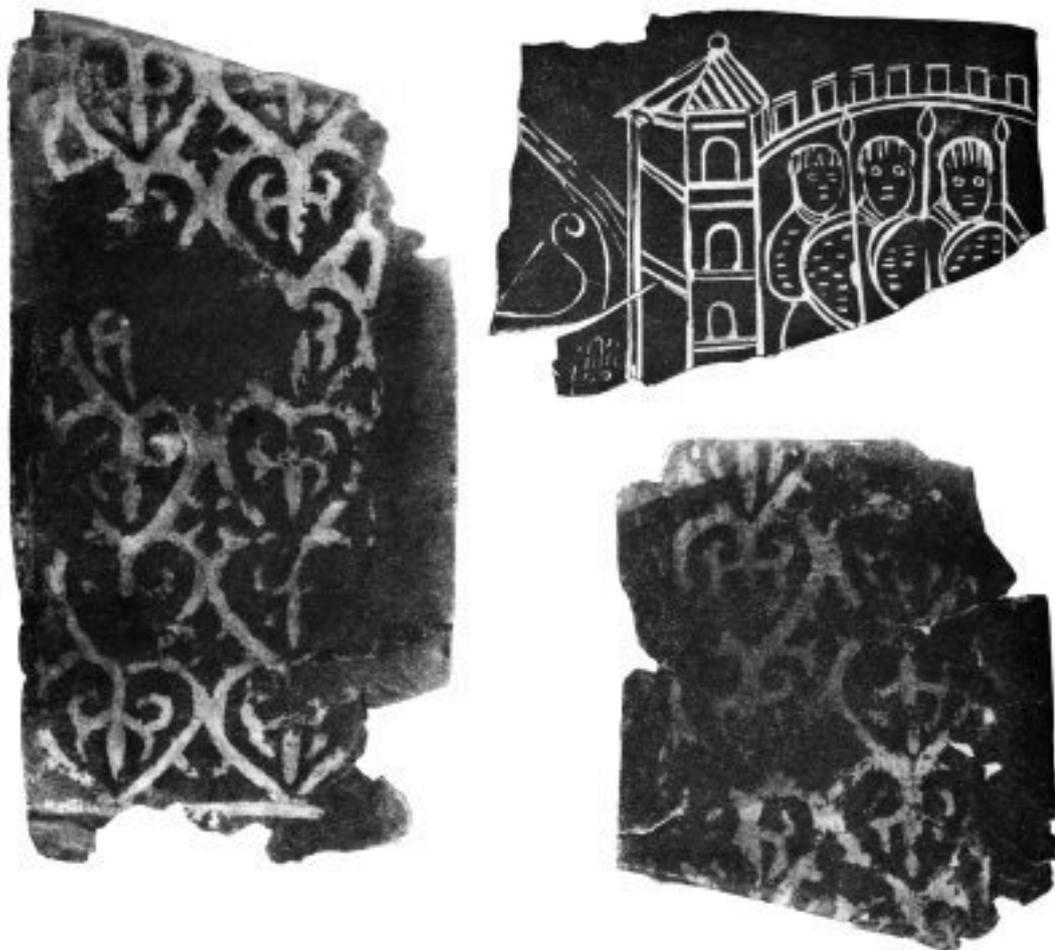
Бесконечные унижения и оскорбления, а также беспокойство за судьбу детей, которые могли остаться без уделов и приданого, видимо, заставили Рогнеду пойти на отчаянный шаг – убийство супруга. Данный инцидент мог произойти в 987 – начале 988 г., когда Владимир задумал жениться на византийской принцессе. Раньше это быть не могло, поскольку с момента замужества в 980 г. Рогнеда не успела бы родить 6 детей. Позже это также быть не могло, поскольку после крещения князь не имел права быть многоженцем.

Замышляя убийство, Рогнеда, видимо, опиралась на каких-то лиц из окружения мужа, обещавших ей в случае успеха всяческое содействие в получении престола вместе со старшим сыном. Ведь в противном случае ее поступок был бы бессмысленным. Эти люди, возможно, и спасли потом княгиню от немедленной расправы, когда ее попытка убийства не удалась. Конечно, ослабленной бесконечными родами женщине трудно было одолеть крепкого мужчину-воина.

Следует отметить, что Рогнеда не растерялась даже тогда, когда Владимир схватил ее за руку с занесенным кинжалом. Она сама стала обвинять его в том, что он довел ее до отчаянного и жестокого поступка. Именно это остановило князя от немедленной расправы с супругой-убийцей. Потом, видимо, не только хитрость княгини, но и советы бояр склонили его к решению о высылке Рогнеды в Полоцкую землю. Ведь ее казнь могла произвести самое негативное впечатление на новую невесту-христианку. В ее глазах Владимир не желал представать кровавым варваром. Кроме того, в случае расправы над Рогнедой князь мог навсегда лишиться любви ее сыновей. В будущем они могли превратиться в тайных врагов, мечтающих отомстить за мать. Ведь по сути, хотя поступок княгини был и недопустимым, вполне оправданным, никто не может терпеть оскорбления и унижения до бесконечности.

---

¹⁹⁰ Там же. С. 160–161.

Фрагменты бронзовых листов с золотой росписью. Раскопки в Киеве 1940 г.

Владимир, очевидно, и сам осознал, что удаление Рогнеды из Киева со старшим сыном и исключение ее из числа жен очень выгодно для него в период подготовки брака с византийской царевной; можно предположить, что в это время он расстался и со всеми другими женами, отправив их вместе со старшими сыновьями княжить в различные города.

Следует отметить, что сыновья Рогнеды сразу получили неплохие уделы, хотя были совсем маленькими мальчиками. Из остальных княжичей сразу получили собственные владения только Святополк – Туров, и Святослав – Древлянскую землю. Другие же, по мнению исследователей, стали княжить несколько позднее.¹⁹¹ Однако если считать, что со старшими сыновьями поехали их матери, то Борис с Глебом также должны были что-то получить. Возможно, их городом вместе с матерью-булгаркой стал Муром, поскольку остальные города они получили позднее, а этот располагался неподалеку от Волжской Булгарии.

Таким образом, приблизительно в 988 г., накануне больших перемен в жизни Владимира Святославича, Рогнеда вместе с Изяславом отправилась в Полоцкую землю в специально для них отстроенный городок Изяславль. Он и стал столицей восстанавливающегося самостоятельного Полоцкого княжества. Поскольку сын был мал, то полновластной правительницей в первое время, видимо, была сама Рогнеда.

Регентство княгини, вероятно, продолжалось около 10 лет. За это время она с готовностью приняла христианство вместе с сыном и занялась его распространением среди подданных. Ей удалось собрать вокруг себя достаточно много опытных людей, сформировать княжеский

¹⁹¹ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. Указ. изд. С. 37–38.

двор, набрать дружину для юного сына; покровительствуя сельскому хозяйству, ремеслу и торговле, она с помощью налогов наполнила свою казну. Когда Изяслав подрос, Рогнеда нашла ему подходящую супругу, несомненно, знатного рода. Та вскоре родила двух сыновей-наследников – Всеслава и Брячислава. После этого княгиня, уверенная в продолжении своего рода, очевидно, ушла на покой. Она основала около Изяславля Спасский монастырь и стала его постриженницей с новым именем Анастасия. После всех перенесенных страданий и унижений христианские идеалы, видимо, оказались для нее особенно близки.

Деятельность Рогнеды надолго запомнилась жителям Полоцкой земли. Поэтому они из поколения в поколение передавали устные рассказы о ней.

Выросший под опекой властной и энергичной матери, Изяслав оказался не слишком воинственным князем. В Никоновской летописи содержится такая его характеристика: «Бысть же сей князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческий, и прилежа почитанию Божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив».¹⁹²

Хотя, по мнению некоторых исследователей, данная характеристика вряд ли относилась к реальному князю Изяславу, на наш взгляд, она вполне подходит к юноше, всю жизнь находящемуся под опекой матери. К тому же, он умер через год после смерти Рогнеды – в 1001 г.¹⁹³

Рогнеде вместе с Изяславом удалось заложить прочные основы для полоцкой династии князей, поэтому княжич Брячислав, оставшийся без отца в возрасте 4–5 лет, смог удержаться у власти и со временем превратился в опытного правителя и полководца (старший сын Изяслава Всеслав умер с ним в один год).

Подводя итог жизни и деятельности Рогнеды-Анастасии Рогволдовны, следует отметить, что она во многом походила на свою предшественницу княгиню Ольгу-Елену. Подобно ей она стремилась быть независимой в своих симпатиях и антипатиях, бесстрашно выражала свое мнение, яростно отстаивала честь, боролась за права детей. При этом она с готовностью приняла крещение и активно начала распространять идеалы православия среди подвластного ей окружения. Память об основанном ею монастыре и построенном Спасо-Преображенском соборе надолго запечатлелась в людской памяти.

Отличие от Ольги, Рогнеде удалось привить собственные идеалы детям, в первую очередь сыновьям, поскольку дочери ее, очевидно, были оставлены Владимиром в Киеве. Изяслав вместе с матерью возрождал Полоцкое княжество, строил храмы, покровительствовал церковным деятелям, стремился быть милостивым и справедливым. Еще больше удалось достичь второму сыну Рогнеды Ярославу, прозванному за свои благие деяния Мудрым. Правда, полностью под опекой матери он находился только в раннем детстве. Потом с юных лет ему пришлось самостоятельно править Ростовской землей. Но можно предположить, что мать навещала его и давала полезные советы. Она же могла помочь ему в христианизации Ростовской земли, привила любовь к книгам и чтению. К концу жизни Ярослав собрал большую библиотеку, одну из первых на Руси. Следуя примеру матери, он строил храмы и основывал монастыри. Возведенный им в Киеве Софийский собор стал шедевром древнерусского искусства. Второй Софийский собор был построен сыном Ярослава Владимиром в Новгороде, третий же Софийский собор возвел в Полоцке правнук Рогнеды Всеслав Брячиславич, прозванный в народе Чародеем за хитрость, бесстрашие и умение внезапно появляться в самых неожиданных местах.

Еще одним сыном Рогнеды, вероятно, являлся Мстислав Тмутараканский, прозванный Храбрым за воинскую доблесть и славные победы на полях сражения. Он также с готовностью воспринял христианство и активно занимался строительной деятельностью. Сначала возвел

---

¹⁹² ПСРЛ. Т. 9. Указ. изд. С. 68.

¹⁹³ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 126.

каменный Успенский собор в столице своего княжества городе Тмутаракань, потом, захватив Чернигов, построил в нем величественный Спасо-Преображенский собор, возможно, в память о матери. Вполне вероятно, что христианизацией своего Владимиро-Волынского княжества занимался и Всеволод, но о его деятельности сведений практически нет. Он либо рано умер, либо действительно погиб в Швеции во время сватовства к разборчивой вдове.

Анализируя деятельность Владимира I Святославича, можно заметить, что гордое и независимое поведение Рогнеды побудило его на ряд судьбоносных для Древнерусского государства поступков: присоединение Полоцкого княжества, разгром Ярополка и объединение под своей властью всех славянских земель. Даже женитьбу на принцессе Анне можно рассматривать как вызов борющейся за свою честь полоцкой княжне. Ведь на иерархической лестнице гречанка стояла много выше Рогнеды. К тому же официальное церковное венчание с Анной как бы аннулировало все языческие браки и превращало гордую полочанку в рядовую наложницу.

Думается, что для Рогнеды прекращение ненавистных супружеских отношений с Владимиром и переезд в Изяславль явились величайшим благом. На родине она наконец-то превратилась в полновластную хозяйку собственной судьбы. Укрепив власть сына, она ревностно занялась распространением христианства в Полоцкой земле. Основала один из первых на Руси женских монастырей и стала в нем наставницей для своих последовательниц. Правда, после ее смерти и переноса столицы в Полоцк эта обитель, видимо, заглохла. Поэтому православная церковь забыла одну из первых подвижниц.

Византийская принцесса Анна Романовна

Среди многочисленных жен Владимира I Святославича византийская принцесса Анна Романовна, несомненно, была самой знатной и в культурном отношении выдающейся женщиной. Ведь она происходила из рода византийских императоров, претендовавших некогда на роль владык мира. Правда, во второй половине X в. правители Константинополя были не столь уж могущественными и владения их были довольно скромными. Но среди европейских государей они все же занимали первое место. Породниться с ними стремились все короли. В этом отношении князь Владимир вовсе не был исключением. Ведь он являлся представителем одной из наиболее молодых династий, еще не отошедшим от варварства и стремящимся влиться в единую европейскую семью с помощью христианизации своей страны.

Однако Владимир, несомненно, знал о печальном опыте своей бабки – Ольги, не сумевшей крестить Русь из-за боязни попасть в зависимость либо от Константинополя, либо от Рима. Хотя княгиня смогла стать духовной дочерью императора, это не освободило бы ее подданных от зависимости от него в случае крещения.

Поэтому для князя важно было стать настоящим родственником византийских императоров и войти в их семью на равном с ними положении. Женитьба на сестре правивших в то время Василия и Константина давала такой шанс. Очевидно, именно такими соображениями руководствовался Владимир Святославич, когда во второй половине 80-х гг. посватался к принцессе Анне Романовне.

Несомненно, невеста во многом превосходила жениха: и по происхождению, и по образованию, и по воспитанию, и по общему культурному уровню. Ведь она выросла в культурной столице всей Европы и Малой Азии – Константинополе. К тому же она сама и многие поколения ее предков были христианами, а Владимир – язычником.

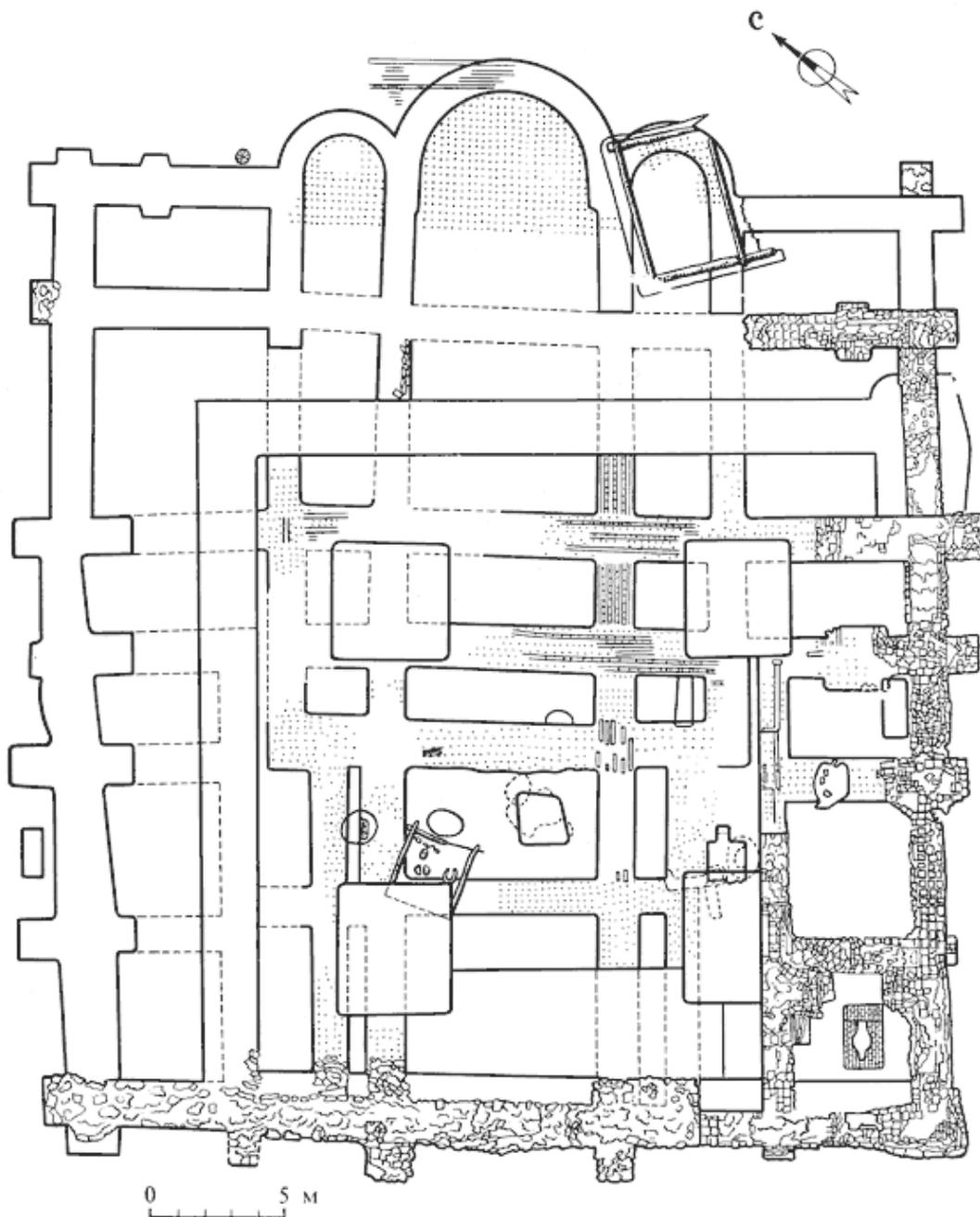
При всех несомненных достоинствах, которыми обладала Анна Романовна, в русских летописях о ней содержится очень мало сведений. Причина этого, видимо, в том, что их создатели не захотели воздать должное женщине-иностранке, сыгравшей большую роль в крещении Руси и распространении христианской культуры и идеалов на ее территории. Эта тенденция была заложена еще митрополитом Иларионом, желавшим не зависеть от константинопольского патриарха и поэтому утверждавшим, что Русское государство крестил сам князь Владимир без какого-либо участия греков.

Мало сведений об Анне и в византийских источниках, поскольку главная ее деятельность осуществлялась на Руси. Видимо, поэтому личность византийской принцессы никогда не привлекала особого внимания историков. Даже Н. М. Карамзин, собирая всевозможные сведения о ней, не смог воссоздать ее исторический портрет. Ему не удалось выяснить ни дату рождения Анны, ни были ли у нее дети.

Анализируя древнейшие летописи, Карамзин счел достоверной предложенную в них версию женитьбы Владимира на принцессе. Ему показалось вполне правдоподобным, что сначала князь захватил Херсонес (Корсунь), а потом потребовал от византийских императоров отдать руку Анны. В случае отказа он грозился напасть уже на Константинополь. По мнению историка, для Анны предстоящее замужество казалось хуже смерти, поскольку ей предстояло навсегда уехать в дикую страну и стать женой любвеобильного варвара. Но братья не захотели считаться с мнением сестры, преследуя собственные интересы и заботясь о безопасности страны.¹⁹⁴

---

¹⁹⁴ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 152.

Десятинная Успенская церковь в древней части Киева 989–996 гг. План. Под фундаментами – дружинные могилы IX–X вв.

По мнению Карамзина, принцессе пришлось совершить подвиг во имя родины, а также взять на себя миссию просветительницы «заблудших язычников». В итоге для потомков «Анна явилась орудием небесной благодати, выведшей Россию из тьмы идолопоклонства».¹⁹⁵

В целом историк отнесся с полным доверием ко всем сведениям древнейших летописей, даже к сообщению о том, что после взятия Херсонеса князь ослеп, прозрел же он сразу после крещения. В некоторых иностранных источниках, в том числе и арабских, он нашел данные, подтверждающие факт женитьбы русского правителя на византийской принцессе. Особенно

¹⁹⁵ Там же. С. 159.

интересными ему показались заметки немецкого хрониста Дитмара о том, что в первой половине XI в. тот видел в Десятинном соборе стоявшие рядом гробницы Анны и Владимира.¹⁹⁶

Карамзин более обстоятельно исследовал данный вопрос и в «историческом описании Киево-Печерской лавры» обнаружил сведения о находке в 1636 г. во время разборки рухнувшей еще в 1240 г. Десятинной церкви саркофагов Владимира и Анны. По непонятной причине только череп князя был перенесен в Киево-Печерскую лавру, а все остальное вновь было зарыто. В XVIII в. во время раскопок в районе Десятинной церкви были обнаружены две мраморные крышки от саркофагов с надписями на греческом языке и различными резными украшениями. Строители, занимавшиеся восстановлением собора, сбили эти украшения для изготовления красок, а сами крышки опять закопали в землю. По мнению Карамзина, это были последние сведения о саркофагах Анны и Владимира.¹⁹⁷ Однако он оказался не прав. В конце 30-х гг. XX в. вновь производились раскопки в районе Десятинной церкви, и под полом был найден тайник с осколками беломраморных крышек. Во время исследования удалось выяснить, что ранее их украшали кресты и барельефы, похожие на те, что украшают саркофаг Ярослава Мудрого.¹⁹⁸

Поскольку Анна умерла раньше мужа, то очевидно, что первый мраморный саркофаг был изготовлен для нее. Ранее подобных способов захоронения на Руси никогда не было, поэтому напрашивается предположение о том, что изготовителями гробницы были греки. Мрамор тоже был иностранным, видимо из Крыма. После смерти Владимира и для него был изготовлен аналогичный саркофаг, возможно даже русскими камнерезами, взявшими за образец греческий аналог. Таким же образом мог быть изготовлен и саркофаг для Ярослава Мудрого. Поскольку его установили в Софийском соборе, не разрушившемся за много веков, то он сохранился до наших дней и дает представление о гробнице Анны.

С. М. Соловьев также уделил некоторое внимание византийской принцессе. Он повторил сведения древнейших летописей об обстоятельствах женитьбы на ней Владимира, также считая их вполне достоверными. Но при этом историк использовал и данные легендарной Иоакимовской летописи, дошедшей в виде цитат в труде В. Н. Татищева, сообщавшей, что Анна была матерью Бориса и Глеба. Чтобы согласовать это утверждение с данными летописей о том, что матерью этих княжичей была болгарка, Соловьев предположил, что Анна была не родной, а двоюродной сестрой императоров Василия и Константина. Ее матерью якобы была их тетка, вышедшая замуж за болгарского царя.¹⁹⁹ В этом случае получалось, что Анна была не византийской принцессой, а болгарской, жениться на которой у киевского князя особой заинтересованности не было. Кроме того, современные историки доказали, что матерью Бориса и Глеба была представительница Волжской Булгарии, а не Болгарского царства.²⁰⁰ К этому можно добавить, что по возрасту Борис и Глеб никак не могли быть детьми Анны, поскольку получили (оба или один из них) уделы до женитьбы Владимира на принцессе. Поэтому версия Соловьева о происхождении Анны и ее детях должна быть отвергнута как несостоятельная.

В целом знаменитый историк достаточно высоко оценил деятельность принцессы на Руси, считая, что та давала важные советы мужу, в частности при составлении им Устава – своеобразного свода законов.²⁰¹

Мнение об участии Анны вместе с князем Владимиром в разработке Устава повторила и Н. Л. Пушкирева. Кроме того, исследовательница полагала, что принцесса имела личные

¹⁹⁶ Там же. С. 297.

¹⁹⁷ Там же. С. 299–300.

¹⁹⁸ Гинсбург В. В. Тайник в полу десятинной церкви // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 78.

¹⁹⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 174–195.

²⁰⁰ Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 202.

²⁰¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 237.

контакты с германским императором Оттоном в 989 и 990 гг., правда, ссылок на источник этих сведений в ее работе нет.²⁰²

Известный исследователь княжеских уставов Я. Н. Шапов с осторожностью отнесся к предположению о составлении Устава, приписываемого князю Владимиру, при участии византийской принцессы. По его мнению, Анна помогла мужу на законодательной основе отрегулировать взаимоотношения с церковными властями. При ее участии была составлена грамота Десятинной церкви, которая потом легла в основу Устава.²⁰³

В работах последних лет дискутируется лишь вопрос о дате свадьбы Владимира и Анны и, соответственно, крещения русского князя. Из-за некоторого разнобоя в данных источников предлагается сразу несколько лет – от 987 до 990.²⁰⁴ Однако для нашего исследования этот вопрос принципиального значения не имеет, поэтому мы будем ориентироваться на сообщение древнейших летописей, что свадьба и крещение произошли в 988 г. Следует отметить, что эта же дата содержится в византийских хрониках Иоанна Скилицы и Иоанна Зонара. Эти авторы должны были точно знать, когда произошло столь важное и для Византии событие. Ведь Владимир, став новым родственником императоров, помог им разбить мятежника Варда Факу. В хрониках оба события связаны и отмечено, что летом 988 г. в битве с мятежником при Хрисополе участвовали отряды князя Владимира, к этому времени породнившегося с Василием и Константином.²⁰⁵

Из данных византийских хроник можно более точно определить дату свадьбы Владимира и Анны. Она должна была произойти приблизительно в конце мая – начале июня 988 г. Раньше это событие быть не могло, поскольку зимой и ранней весной путешествовать по Черному морю было опасно. Позднее – тоже, поскольку в битве при Хрисополе Владимир оказывал помощь императорам уже как родственник. Сравнительно недавно М. В. Бибиков выяснил, что мать Анны носила имя Феофано и была незнатного рода. Дочь родилась у нее за два дня до смерти мужа, византийского императора Романа II. Поскольку эта дата хорошо известна, то получается, что Анна появилась на свет 13 марта 963 г. Императорам Василию и Константину она приходилась младшей родной сестрой.²⁰⁶ На момент брака с Владимиром ей было уже 25 лет, и она считалась вполне взрослой женщиной с устоявшимися взглядами, вкусами и мировоззрением. Поэтому в браке она могла оказывать большое влияние на мужа, значительно уступавшего ей по образованию и культуре.

Данные о происхождении и годе рождения Анны содержались в хронографе Иоанна Скилицы, который ошибся только в годе ее смерти. Он полагал, что она пережила Владимира и умерла либо в 1022, либо в 1025 г.²⁰⁷ Известно, что Владимир умер в 1015 г. Однако это противоречит данным древнейших летописей, зафиксировавших смерть Анны под 1011 г.²⁰⁸ Можно предположить, что Скилица допустил ошибку, перепутав Анну с последней женой князя Владимира, которая действительно его пережила. Об этом известно из «Хроники» Титмара, описавшего поход на Киев польского короля Болеслава и его зятя Святополка в 1018 г. В этом сочинении отмечено, что после захвата Киева в руках победителей оказались мачеха Ярослава Мудрого, жена князя и девять сестер.²⁰⁹ Этой мачехой и была последняя жена Владимира, имя и происхождение которой точно не известны.

²⁰² Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 21.

²⁰³ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь Древней Руси. М., 1972. С. 307–308.

²⁰⁴ Рапов О. М. Русская церковь... Указ. изд. С. 241; Свердлов М. Б. Владимир Святославич святой – князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 79, 89.

²⁰⁵ Рапов О. М. Русская церковь... Указ. изд. С. 234.

²⁰⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 110–111.

²⁰⁷ Там же. С. 110.

²⁰⁸ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 107.

²⁰⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—X веков. Указ. изд. С. 142.

Следует отметить, что Титмар полагал, что византийская принцесса, которую он называл Еленой, была просватана сначала за Оттона III, но князь Владимир «коварным способом похитил невесту немецкого короля».²¹⁰

Этот сюжет в хронике Титмара вызвал у историков массу различных предположений и споров. Некоторые решили, что хронист перепутал Анну с княгиней Ольгой, принявшей после крещения имя Елена. Другие высказали предположение, что у Анны была сестра Елена, которая и должна была стать женой немецкого короля, но не Оттона III, а Оттона II.²¹¹

Все эти споры представляются бессмысленными, поскольку Титмар скорее всего просто ошибся в имени Анны и спутал всю информацию о женитьбах немецких королей на византийских принцессах. Исследователи выяснили, что Оттон I сватал за своего сына, будущего короля Оттона II, племянницу императора Иоанна Цимисхия в 967 г. В это время Анне было только 4 года. Оттон III не мог свататься к Анне, поскольку родился в 980 г. и соответственно был моложе ее на 17 лет. Когда он достиг брачного возраста, Анна уже давно была замужем за Владимиром. Поэтому Оттон III женился на другой византийской принцессе в 995 г., хотя точных данных об ее имени у исследователей нет.²¹²

Все эти сведения наглядно показывают, что для европейских монархов считалось очень престижным жениться на византийских принцессах. В этом отношении Владимир не стал исключением.

Основная деятельность Анны, несомненно, осуществлялась на Руси. М. В. Бибииков подчеркнул, что ее роль в распространении христианства и просвещения трудно переоценить. Ссылаясь на современных искусствоведов, он отметил большую роль принцессы в строительстве первого большого каменного храма в Киеве – Десятинной церкви и даже предположил, что она участвовала в разработке фресковой композиции главного собора Киева – Святой Софии.²¹³ Последнее вызывает большое сомнение, поскольку Софийский собор начал строиться, когда Анны давно не было в живых. При ней даже не существовало проекта этого сооружения.

Таким образом, суммируя все сведения об Анне Романовне, попробуем составить ее исторический портрет.

---

²¹⁰ Там же. С. 164.

²¹¹ Там же. С. 138, 154–160.

²¹² Там же. С. 164–165.

²¹³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Указ. изд. С. 110.

Древние колокола: 1 и 2 из развалин Десятинной церкви, 3 – найден рядом, 4 – на Хоревой ул. Киева

Принцесса родилась в семье византийского императора Романа II, правившего всего 4 года. Хотя он был сыном императора Константина VII и отпрыском правящей династии, женился Роман на совершенно незнатной девушке, дочери владельца одной из харчевен (по версии армянских историков, он был выходцем из Армении), по имени Феофано. Крестильным именем невесты было Анастасия. Выбор будущего императора пал на нее из-за красоты. За

короткий срок Феофано родила двух сыновей, Василия и Константина, и дочь Анну, появившуюся на свет за несколько дней до кончины отца. Естественно, что принцесса запомнить отца не могла. Находящаяся в растерянности после смерти мужа Феофано поддалась уговорам придворных и очень скоро вновь вышла замуж за видного полководца Никифора Фоку. Он и был провозглашен новым императором. В это время детство Анны, вероятно, протекало в достаточно благоприятной обстановке. Однако ее мать вскоре разочаровалась в новом супруге и влюбилась в другого видного полководца, Иоанна Цимисхия. С ее помощью в 969 г. произошел переворот: Никифор был убит, на престол взошел Иоанн. Однако он не только не захотел жениться на Феофано, но и выслал ее из столицы. В изгнании, очевидно, оказалась и маленькая Анна, которой в это время было 6 лет.²¹⁴

Иоанн Цимисхий для укрепления своей власти женился на дочери Константина VII Феодоре, тетке Анны и ее братьев. Его правление продолжалось до 976 г. Затем власть перешла к старшему брату Анны Василию. Это позволило изгнанникам вновь вернуться в императорский дворец. С этого времени подросшая Анна стала считаться одной из наиболее завидных невест в Европе. Ее отличали не только знатность, богатое приданое, но и красота, которую она могла унаследовать от матери. Хотя описания ее внешности нет в источниках, можно предположить, что она походила на братьев: была голубоглазой, светловолосой, небольшого роста и красивого телосложения.²¹⁵ Современники дали ей прозвище Руфа, т. е. рыжая.

Видя всевозможные достоинства сестры, братья не спешили выдать ее замуж.

Для них Анна являлась крупной козырной картой в политической игре, учитывая большую заинтересованность европейских монархов в браке с византийскими принцессами. Естественно, что с чувствами и интересами самой девушки никто считаться не собирался. Но при этом ей постарались дать наилучшее воспитание и образование, чтобы еще больше повысить цену в глазах потенциальных женихов.

Сведения о достоинствах Анны, очевидно, были настолько распространены повсюду, что достигли двора князя Владимира Святославича, уже имевшего много жен разных национальностей. Вполне вероятно, что пресыщенному женскими прелестями русскому правителю захотелось стать мужем самой известной и завидной в Европе невесты. Возможно даже, Владимир не раз сватался к Анне, но получал отказ под тем предлогом, что не был христианином. Однако в конце 80-х гг. X в. ситуация в Византии изменилась: положение Василия и Константина стало очень непрочным из-за восстания Варды Фоки, пытавшегося отнять у них престол.

Особенно критической сложилась ситуация в сентябре 987 г., когда войска мятежника подошли к Хрисополю, отделенному Босфорским проливом от Константинополя. Возникла угроза захвата столицы Вардой Фокой. Поскольку собственных сил у Василия и Константина было мало, они обратились за военной помощью к соседним странам. Одним из первых, видимо, откликнулся Владимир Святославич, заинтересованный в сближении с византийскими императорами. Но за свою помощь он потребовал руку принцессы Анны.²¹⁶

Начались переговоры, после которых был подписан договор о том, что сначала русский князь примет крещение, потом получит руку Анны и женится на ней по христианскому обряду и сразу же окажет военную помощь новым родственникам в борьбе с мятежником. Возможно, крещение и свадьба должны были проходить в Херсонесе, поэтому Владимир отправился к этому городу с большой эскадрой, состоявшей из множества судов, полных хорошо вооруженных дружинников.

Однако невеста почему-то не ехала. Ожидание для всех становилось невыносимым. Чтобы подтолкнуть императоров к скорейшему выполнению договора, Владимир осадил Хер-

---

²¹⁴ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 210.

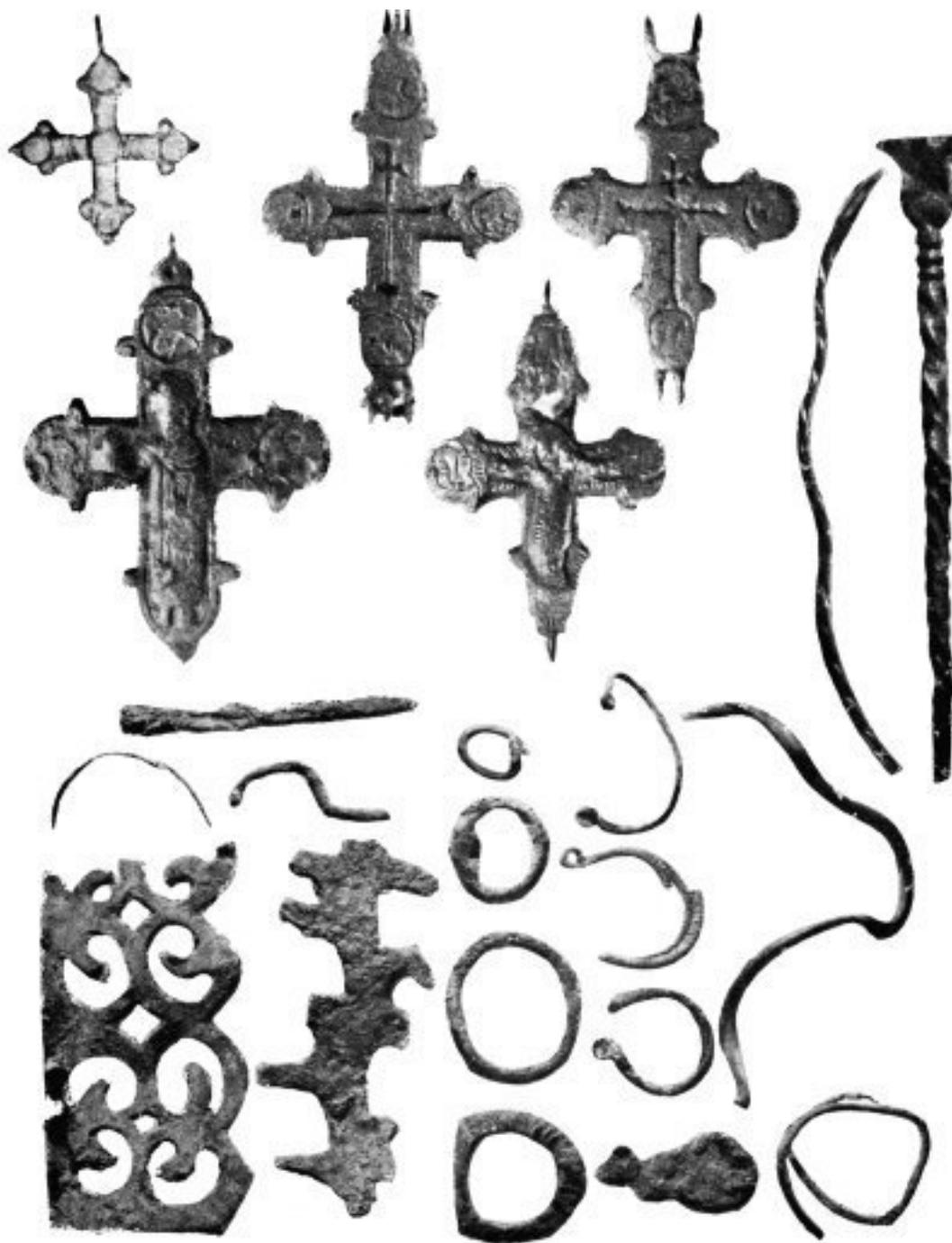
²¹⁵ Пселлм. Хронография. М., 1978. С. 10.

²¹⁶ Рапов О. М. Русская церковь... Указ. изд. С. 234.

сонес и через некоторое время его захватил. В этой сложной ситуации Василию и Константину пришлось срочно посадить сестру на корабль и с большой свитой из духовных лиц отправить к жениху.

Медные кресты-энколпионы

Бронзовые изделия и отходы производства, найденные в мастерской литейщика. Раскопки 1948 г. в Киеве

В древнейших летописях достаточно подробно описано, как осаждал Владимир Херсонес (Корсунь), как вел новые переговоры с императорами о скорейшем прибытии принцессы. В них подчеркнуто, что поначалу Анна категорически отказывалась выходить замуж за варвара, считая, что окажется у него в плену. Она умоляла братьев позволить ей умереть на родине. Но те заявили, что Бог возлагает на нее великую миссию – обратить в истинную веру целую языческую страну. При этом она спасет и своих родственников от жестокого врага.²¹⁷

²¹⁷ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 107–108.

По версии летописей, Анна принесла себя в жертву высоким целям, не надеясь обрести счастье в чужой стране. Это характеризовало ее как очень набожную, высоконравственную и патриотически настроенную женщину.

Следует отметить, что далеко не все исследователи признали достоверным рассказ летописей о захвате Владимиром Херсонеса, его крещении и женитьбе на Анне в этом городе. Они решили, что весь сюжет взят из некоей Корсунской легенды, а на самом деле князь крестился в Киеве.²¹⁸ Однако целый ряд фактов заставляет усомниться в правильности этого мнения.

Во-первых, Новгородские летописи, не имевшие вначале «Повесть временных лет», сообщали, что первым новгородским архиепископом был Иоаким Корсунянин, т. е. человек, прибывший из Херсонеса. В новгородском Софийском соборе даже были Корсунские врата.²¹⁹ Во-вторых, в европейских хрониках, описавших поход польского короля Болеслава, отмечено, что в числе его пленников оказался настоятель Десятинной церкви херсонесский священник Анастас.²²⁰ Так, два независимых от «Повести временных лет» источника подтвердили содержащуюся в ней информацию об обстоятельствах крещения Владимира в Херсонесе: Анастас помог князю захватить город и поэтому был взят в Киев, Иоаким, очевидно, находился в составе духовных лиц, поехавших с Владимиром на Русь.²²¹

В-третьих, доказательством реальности сообщенных в древнейших летописях обстоятельств крещения Владимира являлись и вещественные памятники: вывезенные из Херсонеса конные статуи, которые находились в Киеве в конце XI в., когда создавался «Начальный свод» и мощи святых Климента и Фива, подаренные херсонессцами только что крестившемуся русскому князю. Именно их в 1007 г., очевидно, перенесли в Десятинную церковь, поскольку других святых мощей в Киеве в то время не было.²²²

Исследователи, полагавшие, что Владимир крестился на родине, не учитывали тот момент, что в Киеве не было подходящего храма для столь важного для всей страны акта. Маленькая церковь в честь Ильи Пророка, существовавшая с времен князя Игоря, вряд ли для этого подходила. Как известно, киевлян крестили прямо в водах Днепра, но для князя такой упрощенный обряд не подходил.

К этому можно добавить, что в сочинении монаха Иакова «Память и похвала князю Владимиру», созданном в XI в., прямо указано, что Владимир Святославич захватил Корсунь (Херсонес), чтобы привезти в свою землю попов, которые научили бы русских людей «закону христианскому». При этом сам Бог послал ему победу. В итоге на Русь были привезены не только представители духовенства, но и церковные сосуды, утварь, иконы, мощи святых Климента и Фива. Затем, чтобы еще больше утвердить христианство в своей державе, князь посватался к византийской принцессе Анне.²²³

Таким образом, в сочинении Иакова еще раз подтвержден факт захвата Владимиром Херсонеса и крещение Руси с помощью его духовенства. Но в нем не объяснено, почему херсонесские священники согласились выполнить требование русского князя и отправились в его страну с миссионерской целью. Ответ на этот вопрос содержится в древнейших летописях, указавших, правда, не совсем точно, что Херсонес стал платой грекам за царевну: «Вдасть же за вено Греком Корсунь опять царице деля».²²⁴ На самом деле понятие «вено» означало, что

²¹⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 44; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X—XII вв. СПб., 2003. С. 154–155.

²¹⁹ Новгородские летописи. Рязань, 2002. Ч. 1. С. 1.

²²⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Указ. изд. С. 157.

²²¹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 113.

²²² Там же. С. 114, 127.

²²³ Шапов Я. Н. «Память и похвала» князю Владимиру Святославичу Иакова Мниха и Похвала княгине Ольге. Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 181–182.

²²⁴ Лаврентьевская летопись. Указ. соч. С. 114.

Анна получила Херсонес на свое собственное содержание, доходы с этого города должны были поступать в ее личную казну. До смерти принцесса считалась правительницей Херсонеса, и именно ей как ближайшей родственнице византийских императоров должно было подчиняться херсонесское духовенство. Формально после крещения русские люди становились подданными Анны, а сама она – главой русской церкви, которую на самом деле возглавил херсонесский митрополит, основавший несколько епископий. Из них старшая находилась в Новгороде, считавшемся стольным городом. В Киеве в то время не было не только митрополии, но даже епископии. Во главе местного духовенства оказался херсонесский священник Анастас, который был потом назначен настоятелем княжеского собора – Десятинной церкви. Данные выводы можно сделать из сведений о церковных постройках в Новгороде и Киеве в самом конце 80-х гг. X в. Как известно, в это время в Новгороде сразу же был сооружен дубовый большой Софийский собор, в котором начал служить архиепископ (или епископ) Иоаким Корсунянин. Данных о каких-либо других внушительных церковных постройках и иных иерархах нет. В Киеве в это время была лишь церковь Ильи Пророка и совсем небольшая деревянная церквушка в честь Святого Василия, построенная Владимиром на месте языческого капища. Служить в них не полагалось ни митрополиту, ни даже епископу. Они подходили только для рядовых священников. Митрополичий собор – Софийский и митрополичья резиденция были построены в Киеве только при Ярославе Мудром.

Хотя в некоторых поздних летописях и содержатся сведения о том, что вместе с Владимиром после его крещения в Киев приехал митрополит, но они вряд ли достоверны. Ни жить, ни служить этому иерарху просто было бы негде. В Киев на время мог приезжать лишь херсонесский митрополит, чтобы ознакомиться со своей новой паствой и назначить епископов в крупные города.

Кроме того, следует отметить, что понятие «вено» хорошо объяснено в 32 статье Русской правды – первого русского свода законов, появившегося при сыне Владимира Ярославе Мудром. В нем есть такая запись: «Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери».²²⁵ Поэтому, если бы у Анны были дети, то по наследству они получили бы Херсонес в свое владение. Но поскольку их принцесса не родила, то город вернулся во владения византийских императоров.

К этому можно добавить, что жена Ярослава Мудрого, шведская принцесса Ингигерд, получила от князя в качестве вено город Ладогу. Управлять им она поставила одного из своих родственников. После смерти Ингигерд тот не захотел возвращать город новгородцам и его пришлось отбивать силой.

Таким образом, путем женитьбы на принцессе Анне Владимиру удалось избежать зависимости от византийских императоров и греческой церкви. Правда, после смерти Анны и возвращения Херсонеса грекам вопрос о подчинении русской церкви, видимо, пришлось решать снова. Этим, судя по всему, занялся уже сын Владимира Ярослав Мудрый.

Рассмотрим еще раз обстоятельства крещения Владимира, описанные в древнейших летописях. После захвата Херсонеса Владимир с нетерпением стал ждать приезда невесты. Для нее даже специально были отстроены палаты, как и для самого князя. Когда византийские корабли прибыли к городу, все местные жители вышли встречать принцессу и с почетом отвели в ее хоромы. Начались приготовления к крещению Владимира и свадьбе. Оба события, по утверждению автора Лаврентьевской летописи, должны были произойти в храме Святого Василия, якобы стоящем на центральной площади города.²²⁶ Но мог ли центральный храм митрополичьего города быть посвященным Святому Василию? На наш взгляд, вряд ли. Он должен быть в честь наиболее важных божеств или главных церковных праздников. Скорее всего,

²²⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991. С. 40.

²²⁶ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 109.

автор Лаврентьевской летописи ошибся, спутав городской собор с храмом, построенным Владимиром в честь своего патронального святого Василия. Очевидно, более правильные данные на этот счет содержатся в Радзивилловской летописи, где указано, что крещение Владимира, а потом и венчание с Анной было в храме Святой Богородицы.²²⁷ В честь этих событий в Киеве потом и была построена Десятинная церковь, тоже Богородичная. К тому же известно, что в Херсонесе с времен античности был развит культ Девы. В самой Византии посвященные Богородице храмы считались вторыми по значимости после Софийских. Последние сооружались в столице.

В Ипатьевской летописи херсонесский храм назван Софийским, а построенный Владимиром – в честь Иоанна Предтечи.²²⁸ Думается, что оба названия неверны. Они свидетельствуют о том, что автор древнейшей летописи («Начального свода») никогда не был в Херсонесе, хотя и утверждал, что «до сего дне» в его главном городском соборе за алтарем находятся «полата царицы, а с края – полата Владимира».²²⁹

Если под «полатами» подразумевать специально построенное в храме место, то не очень понятно, почему для Анны оно было сооружено за алтарем, т. е. там, куда женщинам не полагалось заходить. Если же под «полатами» подразумевались жилые постройки вне церкви, то опять же не ясно уточнение их местоположения «за алтарем», находящемся внутри церковного сооружения. Может быть, установление для Анны «полаты» или специального места как раз и является свидетельством того, что она стала главой русской церкви, как императоры греческой?

Автор древнейшей летописи, судя по всему, узнал от побывавших в Херсонесе купцов об обстоятельствах крещения там Владимира I и о наличии в этом городе каких-то сооружений, относящихся к этому событию. Их рассказ он и поместил в своем произведении.

В летописях нет точных данных о том, какого числа и месяца Владимир захватил Херсонес, когда крестился и женился. Но можно предположить, что все было в начале лета 988 г. Потом войска князя помогли византийским императорам нанести удар по мятежникам у Хрисополя, а ближе к осени началось крещение русских людей в главных городах. Позднее этого быть не могло, поскольку простые люди становились христианами прямо в водах местных рек, – поздней осенью или зимой подобную акцию вряд ли удалось бы осуществить среди языческого населения. Затем осенью 989 г. князь Владимир отправился в Византию и в апреле следующего года принял участие в битве с Вардой Фокой при Абидосе.²³⁰

---

²²⁷ Там же. Вариант 9.

²²⁸ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 75, 76.

²²⁹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 113–114; Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 79–80.

²³⁰ Рапов О. М. Русская церковь... Указ. изд. С. 221–222.

Серебряные наручи из киевских кладов

Некоторые историки растягивают на несколько лет события, связанные с крещением Владимира и его женитьбой на Анне.²³¹ На наш взгляд, это не обоснованно, поскольку не согласуется с данными основных источников.

В более поздних летописях описание крещения Владимира и свадьбы с Анной в целом аналогичны древнейшим летописям, за исключением ошибок в названии главного херсонесского храма. Только в Никоновской летописи есть детали, отсутствующие в ранних текстах.

²³¹ Там же. С. 233–251.

Так, в ней отмечено, что во время свадебного пира на улицах Херсонеса для простых людей выносили сосуды с вином и медом, чаны с мясом, рыбой и овощами. Потом новобрачные раздавали нищим и вдовицам деньги. В числе военных трофеев Владимира указаны три льва.²³² Думается, что все эти новые детали были придуманы летописцем XVI в. для придания красочности своему повествованию. На самом деле они отражали реалии не X, а XVI в.

В древнейших летописях нет никаких сведений о жизни и деятельности Анны Романовны на Руси. Последнее сообщение о ней относится к 1011 г. – это дата ее смерти.²³³ В византийских хрониках, напротив, отмечено, что она построила в русском государстве много церквей.²³⁴ Это сообщение представляется вполне достоверным, поскольку еще на родине принцесса согласилась взять на себя миссию просветительницы языческой страны. Она прекрасно понимала, что без строительства храмов и обучения священников осуществлять христианизацию большого государства нельзя. Возможно, поначалу приехавшие с ней духовные лица и мастера строили небольшие церкви в разных местах, в том числе в Херсонесе и Киеве в честь небесного патрона ее мужа, Святого Василия. Но потом Анна, видимо, задумала построить грандиозный собор в своей княжеской резиденции в Киеве. В отличие от Новгорода, здесь она была полновластной хозяйкой, сюда легче было доставить необходимые материалы, мрамор, стекло, краски и проще было добраться всем мастерам из Византии. Так, видимо, началось строительство величественного киевского собора в честь Успения Богородицы, прозванного потом Десятинной церковью, поскольку он существовал на десятую часть княжеских доходов.

Согласно данным Лаврентьевской летописи это происходило не совсем так. В 989 г. князь Владимир якобы сам «помысли создати церковь святая Богородица и, послав, приведе мастер из Грек». Когда храм построили, князь украсил его иконами, сосудами и крестами, которые привез из Херсонеса. Служить в нем было велено Анастасу с корсунским духовенством.²³⁵

Из данного текста получается, что новый киевский храм был возведен греческими мастерами, приглашенными князем Владимиром, и сделали они это за один 989 г. Однако далее из летописного текста выясняется, что только в 996 г., вернувшись из похода на печенегов, князь увидел новую прекрасную церковь. По случаю ее завершения был устроен большой праздник.²³⁶ Значит, храм строили без князя.

В Ипатьевской летописи начало возведения киевского храма отнесено к 991 г., а завершение – к тому же 996 г.²³⁷ В Никоновской летописи Десятинную церковь начали строить только в 993 г., а до этого в 992 г. якобы был заложен собор во Владимире на Клязьме.²³⁸ Последнее известие представляется совершенно фантастическим, поскольку в это время данного города скорее всего еще не существовало. К тому же трудно предположить, что Владимир первой начал строить церковь на окраине государства, в глухой местности, а потом уж в своей киевской резиденции.

Из летописей можно узнать, что в 988 г. и позднее князь Владимир занимался возведением городов-крепостей на южной границе своего государства: на Десне, Трубеже, Остре, Суле, Стугне. После этого он переселил туда словен, кривичей, вятичей и представителей других племен, чтобы с их помощью организовать заслон от нападения печенегов.²³⁹ Естественно, что это дело было очень сложным и требовало не нескольких месяцев в конце 988 г., а нескольких

²³² ПСРЛ. Т. 9–10. Указ. изд. С. 127.

²³³ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 127.

²³⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Указ. изд. С. 110.

²³⁵ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 119.

²³⁶ Там же. С. 121.

²³⁷ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 83, 85.

²³⁸ ПСРЛ. Т. 9–10. Указ. изд. С. 64–65.

²³⁹ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 119.

лет. В этих условиях Владимиру, конечно, некогда было следить за строительством храма в Киеве. Поэтому напрашивается вывод, что этим все же занималась Анна Романовна.

Посвящение киевского собора Богородице указывает на то, что инициатором ее возведения была женщина, хорошо знакомая с аналогичными постройками в Византии. Дело в том, что главный придворный храм византийских императоров был посвящен Богородице, а Десятинная церковь по своей сути также являлась придворной. Некоторые знатоки истории архитектуры даже высказали мнение о том, что киевский храм строился по образцу Фаросской церкви при Большом императорском дворце в Константинополе.²⁴⁰ К сожалению, ни Фаросская, ни Десятинная церковь до нас не дошли.

Искусствовед О. Е. Этингф отметила определенное сходство Десятинной церкви со вторым по значимости храмом в Константинополе – Влахернским, также посвященном Богородице. Он был построен в 450–453 гг. императрицей Пульхерией и потом неоднократно подновлялся и украшался многими императорами. Считается, что в этом храме находились четыре наиболее почитаемых образа Девы Марии, которые стали образцами для всей последующей иконографии: Оранта, Знамение, Одигитрия и Ласкающая, или Умиление.²⁴¹ Вполне вероятно, что Анна привезла списки с этих икон и украсила ими Десятинный собор. Поначалу, возможно, наиболее популярным был образ Оранты, представленный на мозаиках Софийского собора в Киеве. Затем в княжеских семьях стал особо почитаться образ Умиление, запечатленный на иконе Владимирской Богоматери. Она являлась выносной и использовалась во время празднования Успения Богоматери. Поскольку Десятинный собор как раз и был посвящен этому празднику, то можно предположить, что при Анне этот праздник, приходящийся на август, стал первым отмечаться на Руси.

Хотя во времена Владимира и Анны Киев вряд ли был значительным городом судя по археологическим раскопкам, для принцессы жить в нем, несомненно, было удобнее, чем в северном Новгороде. Здесь был мягче климат, отсюда шел прямой водный путь на ее родину, и купцы могли доставлять ей для обихода и питания привычные вещи: одежду, украшения, фрукты, овощи и т. д. Сравнительно недалеко находился и принадлежащий ей город Херсонес, из которого поступали значительные средства в ее казну. Из Крыма, вероятно, доставлялся и необходимый для храма и дворца строительный материал, в частности мрамор.

---

²⁴⁰ Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987. С. 176; История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 252.

²⁴¹ Этингф. О. Е. К ранней истории иконы «Владимирской Богоматери» и традиции влахернского богородичного культа на Руси в XI–XII вв. Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 290–291.

Золотые изделия из клада, найденного в 1827 г. в усадьбе Авгусяттовича. Киев

В летописях отмечено, что строительством Десятинной церкви занимались греческие мастера, однако изучавшие руины храма археологи обнаружили в особенностях его фундамента черты, свойственные закавказским постройкам. Это вкопанные в фундамент и залитые цементом бревна. Они должны были укрепить глиняный откос Днепра, на котором возводилось здание. Аналогичный прием был использован для укрепления фундамента каменного дворца, построенного рядом с Десятинной церковью, в церкви Спаса на Берестове, находившейся в загородной резиденции Владимира, и в храме Апостолов в Белгородке, основанном князем в 991 г. По мнению археологов, из-за этих бревен, превратившихся со временем в труху, постройки конца X – начала XI в. оказались недолговечными.²⁴²

Получается, что для закладки фундамента Десятинной церкви и других построек в Киеве были приглашены мастера из Закавказья, которых, очевидно, хорошо знали в Херсонесе. Они должны были помочь греческим архитекторам, столкнувшимся с трудностями на новом месте.

Хотя Десятинная церковь не дошла до нас (она рухнула в 1240 г. во время Батыева нашествия), археологи смогли реконструировать ее внешний вид. Это было весьма внушительное сооружение длиной 27,2 м и шириной 18,3 м с тремя нефами, тремя абсидами и внутри с тремя парами столбов для поддержки сводов. Венчали его 5 больших куполов. Сообщение некоторых источников, что куполов было 25, не нашло подтверждения при раскопках. С южной и северной стороны храм окружали пониженные галереи с односкатными крышами.

В качестве кровельного материала служили свинцовые листы. Само здание было сложено из плоских тонких розовых кирпичей-плинфы с одним утопленным рядом, замазанным белой штукатуркой. Это был типичный прием византийской архитектуры – с его помощью постройка

²⁴² Каргер М. К. Древний Киев. Указ. изд. С. 35–36.

приобретала нарядный декоративный вид, поскольку выглядела полосатой. Украшали храм полуколонны, арки, зубчатые карнизы, окантовка углов стен, покрытые белой штукатуркой. При этом на полуколонны и карнизы был нанесен растительный орнамент. Окна по большей части были квадратными и застекленными.²⁴³

По мнению историков архитектуры, общий облик Десятинной церкви стал образцом для копирования при строительстве соборов в XI—XII вв. во многих русских городах. Все они были трехнефными, шестистолпными, крестокупольными и пятиглавыми.²⁴⁴ Так, возведенная при участии Анны Романовны постройка оказала огромное влияние на развитие всей домонгольской древнерусской архитектуры. Русские мастера в других городах не смогли только скопировать внутреннее убранство киевского храма, которое было необычайно великолепным. Главным украшением Десятинной церкви являлся мрамор. Из него были сделаны колонны с резными капителями, парапеты у хор, алтарная преграда, а также резные карнизы у главных окон. Необычайной красотой отличался пол. В алтаре он был сделан из разноцветных мраморных плиток, яшмы и смальты. Все вместе представляло собой красочный ковер. В притворах пол был из муравленного кафеля. В центральной части храма из разноцветных плиток был выложен круг – омфалий, обозначавший пуп, середину. На этом месте должен был стоять священник во время службы. Аналогичные омфалии были в Зале Юстиниана в Константинопольском дворце, а также в храмах Иерусалима и Дельф. В остальных частях храма пол был выложен из белых мраморных и красных шиферных плиток в шахматном порядке. Нижняя часть стен также была декорирована плитками из мрамора, шифера и кафеля. За это современники прозвали Десятинную церковь «мраморяной».²⁴⁵

Поскольку ни мрамора, ни яшмы в районе Киева не было, то их, очевидно, привезли из Крыма по заказу принцессы. Несомненно, это было очень дорогостоящим делом.

Особую нарядность Десятинной церкви придавали фрески и мозаики, которые украшали всю верхнюю часть стен и купол. Следует отметить, что в византийских храмах не встречалось сочетание фресок и мозаик, обычно было что-то одно. Поэтому в данном случае убранство киевского собора представляло собой определенное новшество. Мозаики были сделаны из разноцветного стекла, которое, по мнению Ю. Л. Шаповой, стало производиться в это время в самом Киеве. Принцип его варки был заимствован у византийских мастеров. Кроме мозаик из него делали оконные стекла в зданиях – круглые и квадратные, посуду, браслеты, бусы и даже перстни.²⁴⁶

Стеклянные украшения особенно полюбили русским женщинам. Именно их археологи находили почти во всех женских погребениях XI в. Поэтому напрашивается предположение, что моду на стеклянные украшения ввели на Руси Анна и ее окружение. Вполне вероятно, что поначалу византийские мастера варки стекла были приглашены только для изготовления мозаик и оконных стекол для Десятинной церкви. Но потом они занялись женскими украшениями, которые очень полюбили модницам по всей стране. Искусству цветного стекловарения обучились русские ремесленники, и изготовление различных изделий из стекла стало массовым явлением в домонгольской Руси. Но после нашествия монголо-татар технология стекловарения была утрачена.

Изучая архитектурное устройство Десятинной церкви и сравнивая его с аналогичными постройками в Византии, археологи и историки архитектуры обнаружили одну особенность: в киевском храме не было специального места у алтаря, где полагалось стоять императору – наместнику Бога на земле. Однако в нем были обширные хоры, на которых во время службы

²⁴³ Там же. С. 35–36.

²⁴⁴ Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 18–20.

²⁴⁵ Каргер М. К. Указ. соч. С. 50–58.

²⁴⁶ Шапова Ю. Л. Художественное стекло Древней Руси // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 349.

находились не только женщины, но и сам князь Владимир. В византийских храмах хоры тоже были, но обычно они были тесные и полутемные, поскольку на них стояли только женщины императорской семьи. Императоры редко поднимались на хоры – лишь для совершения некоторых обрядов.

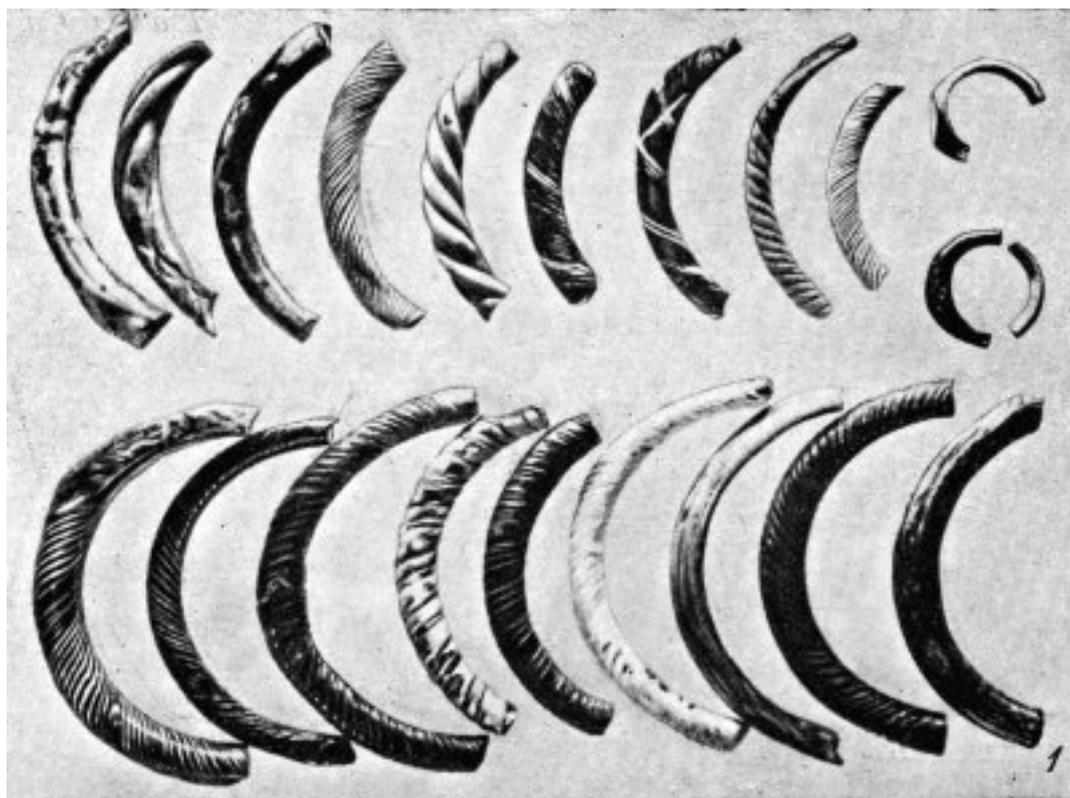
На Руси, как известно, на хорах стояла вся княжеская семья, поэтому, начиная с XI в., их стали делать все светлее и просторнее, а нижнее пространство, предназначенное для простоялюдинов, все темнее и уже.²⁴⁷ Только приблизительно в XVI в. хоры перестают занимать в храмах ведущее положение, поскольку после принятия Иваном IV царского титула государь занимает место у алтаря, подобно византийским императорам.

Примером является специальное царское место в Успенском соборе Кремля.

Можно предположить, что именно Анна Романовна ввела обычай стоять на хорах всей княжеской семье, включая мужа, поскольку не считала, что тот должен занимать в храме более почетное место, чем она сама. Эта традиция очень прижилась на Руси и существовала много веков.

---

²⁴⁷ Комеч А. И. Роль княжеского заказа в постройке Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. Указ. изд. С. 51.

Стеклянные изделия: 1 – браслеты, 2 – донца бокалов. Раскопки в Киеве в 1936–1937 гг.

К числу заслуг Анны, как уже отмечалось, следует отнести установление сначала в Киеве, а потом и в других городах празднества в честь Успения Богоматери. Впервые этот праздник отмечался осенью 996 г., когда было завершено строительство Десятинной церкви.²⁴⁸ Затем аналогичные Успенские соборы были возведены во всех крупных городах, где находились княжеские резиденции сыновей Владимира: Ростове, Владимире-Волынском, Тмутаракани и т. д. Со временем праздник Успения Богоматери стал любимейшим для русских людей. При этом уже никто не помнил, что первой установила его на Руси византийская принцесса Анна Романовна.

С именем Анны можно связать не только строительство Десятинной церкви, но и дворцовый комплекс рядом с ней. Он состоял из нескольких каменных сооружений, находящихся рядом друг с другом. Археологи решили, что это были княжеские дворцы. Самый обширный находился на северо-востоке от храма. Оказалось, что его основа древнее Десятинной церкви, поэтому было решено считать его дворцом Ольги. Однако внутренняя отделка очень походила на убранство храма: стены украшали красочные фрески и яркие мозаики, внизу были шиферные плиты с барельефами; двери и окна были с резными мраморными наличниками, сами двери – из красных шиферных плит, окна круглые, со стеклами.²⁴⁹ Все это заставило исследователей предположить, что дворец Ольги был богато отделан для Анны. Ее собственный дворец располагался к югу от Десятинной церкви. Он был построен из плинфы с одним утепленным рядом, поэтому смотрелся таким же полосатым, как Десятинная церковь. Внутри находилось три больших помещения, роскошно декорированных мрамором, мозаиками, фресками и резным камнем. Весь строительный материал этого дворца аналогичен Десятинной церкви, и археологи полагают, что строился он в то же время и теми же мастерами.

Третий дворец находился с севера от церкви и походил на второй. В целом весь дворцовый комплекс, включая Десятинную церковь, выглядел очень красивым и напоминал аналогичные постройки в Византии. На площади перед ним стояли медные статуи коней, вывезенные из Херсонеса. Внутренние дворы в греческом стиле, возможно, украшались декоративными растениями и цветами.²⁵⁰ Прежде на Руси подобных великолепных ансамблей никогда не было. Возник он, несомненно, по инициативе и при деятельном участии Анны Романовны. Средства для его постройки и строительный материал она могла получать из Херсонеса.

«Детищем» самого Владимира следует считать новые оборонительные сооружения вокруг возросшего по территории Киева. Археологи обнаружили остатки земляных валов и каменные ворота, которые существовали даже в XVIII в. Они сначала носили название Софийских, потом – Батыевых и вели к мосту через ров, отделявший город Владимира от города Ярослава Мудрого. Раскопки показали, что ворота представляли собой две кирпичные параллельные стены, соединяемые полукруглой аркой. Ширина проезда была всего 4–5 м, толщина стен составляла 2 м, длина их была 5–6 м. От ворот до дворцового комплекса вела дорога, выложенная деревянными кругляками.²⁵¹

---

²⁴⁸ Лаврентьевская летопись. Указ. изд. С. 122.

²⁴⁹ Каргер М. К. Указ. соч. С. 60–67.

²⁵⁰ Там же. С. 70–73.

²⁵¹ Там же. С. 89–90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.